

1266 / 099
1918

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

W 2-3

ARS

“ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ”
ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ
19- ТИФЛИСЬ -18

~~13/2~~
~~1918~~

~~19179~~
~~1918~~

ARS
ежемѣсячникъ
ИСКУССТВА
и
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 2-3

май—іюнь

ТИФЛИСЬ
1918

А. Торгашев

56196570,
512707033

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ
ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ
19- ТИФЛИСЬ -18

РОЗОВЫЕ ВЕРБЛЮЖАТА.

Петербургская повѣсть.

Глава VI.

кончающаяся тѣмъ, что герой вспоминаетъ о своемъ грязномъ воротничкѣ.

Когда Алеша выбрался, наконецъ, изъ перепутаннаго лабиринта пыльных, многоголосныхъ галлерей Александровскаго рынка на улицу, онъ еще крѣпче прижалъ къ своей груди, точно боялся потерять, завернутую въ газету картину, остановился и взволнованно вобралъ въ себя крѣпкій воздухъ. Ровной прямой вытянулся Вознесенскій проспектъ, слегка подкрашенный лиловыми цвѣтами сумерекъ, въ концѣ котораго четкимъ силуэтомъ, прелестнымъ и пропорціональнымъ, вычерчивался бронзовый на гарцюющемъ конѣ императоръ Александръ.

32008
Въ котелкахъ и весеннихъ уже пальто, легкой походкой постукивая по тротуару массивными каблуками лаковыхъ туфель, спѣшили мимо молодые люди. И еще—узкоплечія дамы въ пышной пѣнѣ шуршащихъ юбокъ весеннихъ костюмовъ, открывающихъ въ высокихъ ботинкахъ ноги, внимательнымъ взоромъ разноцвѣтныхъ глазъ скользили по Алешиному лицу.

Какіе-то духи, быть можетъ весны, неуловимые, какъ запахъ фіалокъ, проникали къ Алешиному сознанию, спутывая своимъ ароматомъ прямыя стѣны домовъ, раззолоченные солнцемъ.

Алеша остановился.

Теперь, когда онъ получилъ возможность осуществить всѣ свои желанія, даже самыя невѣроятныя, ему захотѣлось хоть немного продлить наслажденіе. Первое движеніе его еще тамъ, въ магазинѣ антиквара, было почти ребячливо: Алеша рѣшилъ было сразу послѣ полученія картины броситься къ Евгеніи Константиновнѣ и начать приводить въ исполненіе свои желанія. Но онъ сдержался, какъ мальчикъ, который купилъ конфету, рѣшается отложить ее на послѣ, для того, чтобы она показалась ему еще вкуснѣй.

Его тонкія щеки, слегка припудренные, разрумянились отъ внутренняго возбужденія. Алеша медленно перешелъ на другую сторону

улицы и направился внизъ по Вознесенскому. Онъ рѣшилъ провѣ-
дить по городу весь вечеръ. Его тянуло на Невскій къ нарядной
толпѣ пахнущихъ пряными духами и пудрой уличныхъ подмалеван-
ныхъ Венеръ и желаніемъ разгоряченныхъ мушкетъ, водевильной
походкой первыхъ любовниковъ прохаживающихся съ праздными
и нѣсколько глупыми лицами отъ Литейнаго до Надеждинской.

Тамъ, казалось ему, сможетъ онъ наиболее остро и вмѣстѣ съ тѣмъ
до грубости просто почувствовать всю прелесть своей необычной
власти.

Однако Алеша, дойдя до Маріинской площади, свернулъ на Мор-
скую и пересѣкъ, самъ того не замѣчая, Невскій, прошелъ Двор-
цовую площадь, вышелъ къ Мойкѣ и вспомнилъ о своемъ желаніи
пойти по Невскому лишь на Марсовомъ полѣ, уже почти у самага
Лѣтняго. Безсознательно онъ всетаки направлялся къ розовому дому
на Пантелеймоновской, гдѣ жила Евгенія Константиновна.

Не останавливаясь, даже не замедляя шага, Алеша сталъ мыслен-
но колебаться. Евгенія Константиновна уже не была отдѣлена отъ
него шумнымъ Невскимъ, и его твердое желаніе выдержать нѣко-
торое время, насладиться волнующей возможностью и сознательно
отдалять развязку, замѣтно ослабѣла. Даже больше, соблазнъ былъ
настолько великъ, что Алеша готовъ уже былъ махнуть рукой на
всѣ свои прежніе разсужденія и покориться судьбѣ, приведшей его
сюда, но тутъ... Алеша вспомнилъ, что его воротничекъ не первой
свѣжести и повернулъ къ Невскому.

Глава VII,

повѣствующая о постороннихъ мысляхъ во время
обѣда.

Къ обѣду столовый столъ въ квартирѣ Евгеніи Конкнантиновы и
Николая Дмитріевича всякій разъ накрывался на три прибора. Такъ
было у нихъ заведено съ самага начала, и несмотря на то, что
третьимъ приборомъ почти никогда не пользовались, потому что
обѣдающихъ было всего только двое,—Женичка и ея мужъ, еже-
дневно горничной ставился на столъ этотъ третій приборъ, Объясне-
ній такой изо-дня въ день повторяющейся странности и у Евгеніи
Константиновны и у Николая Дмитріевича было сколько угодно,
хотя и совершенно несхожихъ у каждаго изъ нихъ съ объясне-
ніями другого. Привожу главнѣйшіе. Женичка полагала, что обѣ-
дать съ третьимъ приборомъ во-первыхъ гораздо пріятнѣе въ эсте-
тическомъ отношеніи, потому что онъ какъ-то художественно до-
полняетъ сервировку стола; во-вторыхъ—и это вѣдь самое важное!—

когда на столѣ лишній приборъ, создается такое впечатлѣніе, точно кого-то ожидаютъ, словно кто-то долженъ придти. И каждый разъ, какъ Женичкинъ взглядъ случайно останавливался на лишнемъ приборѣ, она чувствовала, какъ начинаетъ волноваться.

Николай Дмитріевичъ въ противоположность Евгеніи Константиновнѣ, не обладалъ такого рода мечтательностью, онъ любилъ факты, главнымъ образомъ факты (и потому, прибавляю въ скобкахъ, любилъ болѣе всего Евгенію Константиновну, такъ какъ она въ его жизни была самымъ крупнымъ фактомъ). Впрочемъ, Николай Дмитріевичъ не только любилъ факты, онъ гордился, что умѣетъ ихъ предусматривать. Николай Дмитріевичъ обладалъ характеромъ положительнымъ, умомъ—нѣсколько ограниченнымъ, но зато осторожнымъ и благоразумнымъ. Поэтому Николай Дмитріевичъ, повторяю еще разъ, старался быть предусмотрительнымъ даже въ мелочахъ. И еслибъ его спросили, зачѣмъ на столѣ третій приборъ, онъ отвѣтилъ бы:

— Хотя бы для васъ, если вы придете къ намъ обѣдать.

И эта фраза, несмотря на всю свою галантную привѣтливость, вовсе не говоритъ намъ о гостепріимствѣ Николая Дмитріевича, нѣтъ, она только показываетъ его предусмотрительность, потому что, если нѣсколько разобраться въ его мысляхъ, ихъ можно выразить слѣдующей фразой: ужъ лучше имѣть на столѣ лишній приборъ, чѣмъ поднимать во время обѣда неизбѣжную суетню, если кому нибудь случится безъ предупрежденія придти къ нимъ въ это время.

Характеры супруговъ, какъ въ только что приведенной мелочи, расходились до смѣшного во всемъ. Даже за обѣденный столъ сажались они каждый по своему—Николай Дмитріевичъ дѣловито и большею частью молча, Женичка—просто и весело. Но на этотъ разъ Евгенію Константиновна казалась чѣмъ-то опечаленной и молчала. Такимъ образомъ, кромѣ звяканья посуды, ничто не нарушало тишины и каждый могъ свободно отдаваться своимъ мыслямъ.

Николай Дмитріевичъ мысленно производилъ математическія выкладки относительно одной своей крупной коммерческой операціи, обѣщавшей ему порядочные барыши. Это была писчебумажная фабрика, купленная имъ на дняхъ и теперь передѣлываемая по наиболѣе раціональной системѣ. Николай Дмитріевичъ до того погрузился во всевозможные вычисления, во всевозможные воображаемые комбинаціи, что забылъ даже похвалить обѣдъ. Евгенію Константиновна была не менѣе Николая Дмитріевича поглощена своими мыслями. Но въ то время, какъ размышленія ея мужа вели къ

осуществленію многочисленныхъ удобствъ и къ благосостоянію ея самой, Евгеніи Константиновны, Женичкины мысли были даже опасны для внутренняго благополучія Николая Дмитріевича. Женичка прекрасно сознавала это и терзалась, правда очень немножко, но все же терзалась угрызеніями совѣсти. Ей было жаль Николая Дмитріевича и все таки, несмотря на это, она не имѣла достаточно силы—быть можетъ, слабости?—для того, чтобы пощадить его. Слишкомъ ясно было для Женички ея душевное состояніе, въ которомъ она теперь находилась и котораго побороть не могла,—образъ Алеши, его лицо, тонкое и блѣдное, и губы, пусть даже кривыя, пусть недостаточно жадныя, но все же такія волнующія, мучительной болью пронзали ей сердце. Евгенія Константиновна поняла, что играла съ огнемъ, когда назначала свиданья Алешѣ, но она не раскаивалась ни въ чемъ, даже наоборотъ, влюбленно-радостно глядѣли на будущее изъ подъ опущенныхъ вѣкъ Женичкины потемнѣвшіе глаза.

Глава VIII,

въ которой Павлу Сергѣичу приходится изумляться.

Почти провалившись въ мягкое сидѣніе, старенькаго кресла, Алеша сидѣлъ въ мечтательной позѣ у своего маленькаго пузатаго столика съ замысловатой полочкой, вдоль которой выстроились въ скромныхъ рамкахъ портреты его друзей. Алеша не успѣлъ еще какъ слѣдуетъ одѣться, и это обстоятельство придавало его тонкой фигурѣ еще болѣе отгѣнокъ мечтательности. Въ рукѣ онъ держалъ миниатюрный карандашикъ, которымъ отмѣчалъ что-то въ лежащемъ передъ нимъ блокъ-нотикѣ. Изрѣдко онъ прерывалъ свое занятіе для того, чтобы задуматься. Со стороны, можно было предположить, что Алеша сочиняетъ стихи. Но то, что онъ записывалъ ничего общаго со стихами не имѣло и, если-бо комунибудь попалась въ руки эта страничка изъ, золотымъ обрѣзомъ украшеннаго, блокъ—нотика Алеши, она показалась бы въ лучшемъ случаѣ странной. Вотъ ея начало:

Планъ желаній.

I. Любовь Евгеніи Константиновны:

- a) Пусть она сдѣлаетъ первый шагъ.
- b) Пусть это случится поскорѣй.

II. Окончательный переворотъ:

- a) Срокъ не позже вторника.

(Это будетъ зависѣть отъ скорости выясненія съ Евг. Комст.)

б) Общій планъ.

(Порядокъ желаній):

- 1) Въ 10 часовъ подается автомобиль.
- 2) Я получаю чековую книжку изъ банка.
- 3) Гостинница, гдѣ произойдетъ наша встрѣча—
— „Асторія“».

Алеша положилъ на минуту карандашъ и сталъ просматривать записанное. Онъ такъ сосредоточился на этомъ занятіи, что не услышалъ, какъ въ его комнату вошелъ Павелъ Сергѣичъ и очнулся только отъ его удивленаго возгласа:

— Что ты тутъ пишешь?

Алеша захопнулъ блокъ-нотикъ и ^ккраснѣя отъ неожиданности отвѣтилъ:

— Ничего.

Они поздоровались. Павелъ Сергѣичъ сказалъ:

— А у тебя, какъ я вижу, новое приобрѣтеніе. Откуда ты досталъ эту удивительную картину?—онъ указалъ рукой на розовыхъ верблюжать, висящихъ надъ кроватью.

Алеша нехотя отвѣтилъ:

— Эту? Я ее купилъ въ совершенно неожиданномъ мѣстѣ—у антиквара въ Александровскомъ. Она мнѣ досталась почти даромъ. Павелъ Сергѣичъ подошелъ къ картинѣ и сталъ ее разглядывать.

— Изумительная вещь! Картина, которая захватываетъ всего. Поздравляю тебя, это, пожалуй, лучшая твоя покупка.

И онъ обернулся къ Алешѣ—Я, собственно говоря, пришелъ къ тебѣ опять надоѣдать нравоученіями. Отвѣть ты мнѣ, ради всего святого, что съ тобой сдѣлалось? Почему ты не приходишь обѣдать къ Albert'у, почему ты не пишешь? Кстати о писаньи...

Павелъ Сергѣичъ готовъ уже былъ произнести цѣлую рѣчь, когда Алеша прервалъ его:

— Я очень извиняюсь, но раньше я хочу одѣться. Потомъ я готовъ тебя слушать сколько угодно. Если можешь, подожди меня немного. Я скоро вернусь.

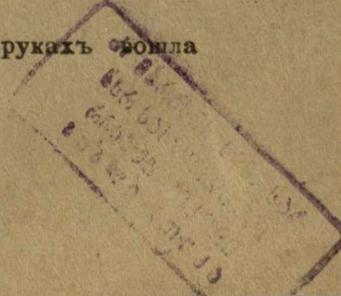
Павелъ Сергѣичъ отвѣтилъ:

— Хорошо, но знай напередъ, что раньше чѣмъ я тебѣ не скажу всего, что собираюсь сказать, я тебя не отпущу.

Алеша согласился и вышелъ. Павелъ Сергѣичъ, нервно пожавъ плечами, точно желая этимъ сложить съ себя всякую отвѣтственность за легкомысліе своего друга, вернулся къ поразившей его картинѣ.

Въ это время въ комнату съ какой-то запиской въ рукахъ ^ссрочла прислуга.

32008
121199

— Записка Алексѣй Ивановичу.

При этихъ словахъ, съ картиной произошло нѣчто настолько невѣроятное, что Павелъ Сергѣичъ отскочилъ отъ нея, какъ ошпаренный. Онъ протеръ глаза, и снова взглянувъ на картину, застылъ отъ изумленія. То, что ему показалось, дѣйствительно произошло: съ картины исчезли два верблюженка, и теперь въ томъ мѣстѣ, гдѣ они прежде находились, какъ ни въ чемъ не бывало зеленѣли двѣ развѣсистыя пальмы. Павелъ Сергѣичъ близко подошелъ къ картинѣ и, все еще не довѣряя своимъ глазамъ, дотронулся до нея рукой. Нѣтъ, это не сонъ. Онъ закурилъ папиросу и рѣшилъ было подождать Алешу, но не выдержалъ и, взявъ только что принесенную записку, направился къ двери, чтобы рассказать Алешѣ о случившемся.

Въ дверяхъ друзья столкнулись. Алеша былъ уже вполне одѣтъ. Замѣтивъ въ рукахъ Павла Сергѣича голубой запечатанный конвертикъ, онъ обрадовался, выхватилъ его изъ рукъ своего друга, вскрылъ и прочелъ вложенную въ него записку Евгеніи Константиновны. Женичка назначала ему свиданье. Алеша собирался уже извиниться передъ Павломъ Сергѣевичемъ и уйти, когда тотъ, не пришедшій еще въ себя отъ видѣннаго, сдавленнымъ голосомъ сказалъ ему:

— Алеша, съ картины исчезли два верблюженка.

Только теперь обратилъ Алеша вниманіе на страшную блѣдность Павла Сергѣича. Онъ расхохотался.

— Какъ же ты не понимаешь, что это то и хорошо!

Павелъ Сергѣичъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на него, и Алеша, чтобы поскорѣе покончить этотъ разговоръ, педантично-рѣзкимъ тономъ произнесъ:

— Кто же тебѣ сказалъ, что верблюжата должны всегда оставаться на холстѣ? Наоборотъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что два изъ нихъ исчезли съ картины. Впредь они тоже будутъ исчезать такимъ образомъ, пока ни одного изъ нихъ не останется!

И онъ покинулъ комнату.

Глава IX,

и въ тоже время самая идиллическая, ибо въ ней читатель найдетъ описаніе природы и любовный разговоръ.

На углу Невскаго и Михайловской у остановки трамвая, гдѣ Женичка въ своей запискѣ просила Алешу быть къ двумъ часамъ весеннее солнце залило тротуаръ, асфальты, даже сѣрую стѣну

громоздкаго дома горячимъ, нестерпимымъ золотомъ. Становилось такъ жарко, что Алешѣ пришлось скрыться отъ солнца въ тѣни желѣзнаго столба, перегораживающаго тротуаръ. Съ весеннимъ пальто, перекинутымъ черезъ руку, въ фетровой шляпѣ, изъ подъ которой спускалась на твердый костякъ лба надъ лѣвой бровью прядка тщательно приглаженныхъ волосъ, Алеша казался сегодня особенно возбужденнымъ, праздничнымъ и безпечнымъ. Впрочемъ, его радостное настроеніе нѣсколько ослаблялось необходимостью ждать. Алеша началъ уже обвинять себя въ излишней горячности, заставившей его прибѣжать за полчаса до назначеннаго срока, когда показался, наконецъ, изъ за углового дома съ Невскаго Женичкинъ розовый зонтикъ, и она сама необыкновенно легкая, улыбающаяся алыми устами подошла къ нему.

— Какъ вы милы, что пришли. Мнѣ захотѣлось гулять, а вы незамѣнимый спутникъ.

Алеша нагнулся поцѣловать узкую ручку Евгеніи Константиновны, благоухающую особенно тонко.

— Напротивъ, это вы необыкновенно добры ко мнѣ. И потомъ, если ужъ говорить о благодарности съ чьей нибудь стороны, такъ это я долженъ быть благодаренъ вамъ за ваше приглашеніе, хотя и по совершенно другой причинѣ, чѣмъ вы думаете.

Евгенія Константиновна вопросительно подняла на Алешу свои ласково смѣющіеся глаза.

Алеша продолжалъ:

— По другой причинѣ, да... я хотѣлъ вамъ сказать кое-что и, пожалуй, не рѣшился бы пойти для этого къ вамъ.

Женичка, найдя эту тему нѣсколько скользкой, прервала Алешу: — Куда же мы пойдѣмъ? Знаете, Алексѣй Ивановичъ, у меня явилась мысль переправиться у Адмиралтейства на пароходикъ черезъ Неву и на Петроградской сторонѣ взять лодку. Согласны?

Алеша вмѣсто отвѣта молча предложилъ Евгеніи Константиновнѣ свою руку.

Болтая о пустякахъ, точно стоворившись отложить всѣ свои болѣе значительные разговоры на послѣ, они совершенно незамѣтно пришли къ скверу со стриженными шарами деревьевъ, лежащему передъ Адмиралтействомъ, сѣли на пароходикъ и переправились на Мытнинскую набережную.

— Какъ здѣсь чудесно, не правда ли? Въ Петроградѣ я больше всего люблю это мѣсто. Здѣсь бываетъ самое лучшее солнце и наиболѣе острый воздухъ. А кромѣ того съ Мытнинской набережной такимъ красивымъ кажется тотъ берегъ съ торжественнымъ Зимнимъ, дворцовымъ садомъ за чугунной оградой, фисташковымъ

Эрмитажемъ и оранжевымъ Адмиралтействомъ.

Алеша раздумчиво отвѣтилъ:

— Пожалуй вы правы. Дворцовая набережная наиболѣе парадное мѣсто Петрограда. Сѣрые граниты и всѣ эти пышные, но строгіе зданія, выстроившіеся какъ на смотру. Хорошо..

Алеша помогъ Евгенію Константиновичъ перебраться съ пароходика на мостки. Они вышли на узенькій тротуаръ набережной, прошли мимо будочки сѣдого продавца папиросъ, сѣмячекъ и лимонада, мимо полусгнившихъ тумбъ, къ которымъ толстыми каватами были привязаны новенькія, полированные барки, только что пришедшія съ дровами изъ Финляндіи; по качающимся, изъ трехъ тонкихъ досокъ съ шаткими перилами, сколоченнымъ мосткамъ сбѣжали они на плавучій помостъ, гдѣ отдавались въ наймы лодки, отъ малѣйшаго колебанія воды приплясывающія на привязи.

Обогнувъ низко сползшій къ водѣ зазеленѣвшій Петропавловскій островъ, Алеша послѣдними сильными взмахами веселъ выгналъ легкую лодку въ открытую Неву.

— Ну, теперъ будетъ! Пусть покачаетъ насъ Нева.

Алеша бросилъ весла и вытеръ потъ съ чуть порозовѣвшаго лица.

— Евгенія Константиновна, мнѣ необходимо съ вами поговорить... Онъ въ нерѣшительности остановился и взглянулъ на сидящую у руля Женичку. Она сняла на колѣни свою маленькую, свѣтло-желтымъ цилиндромъ, шелковую шляпку, встряхнула головой такъ, что слегка подпрыгнули мелкія кудряшки ея рыжихъ волосъ и стала пристально разглядывать танцующія по водѣ, изъ сѣраго въ голубой переливающіяся полоски. Алеша принялъ это за молчаливое приглашеніе продолжать и внезапно почувствовалъ спазмы въ горлѣ, мѣшающія вылетѣть словамъ, казалось, готовымъ уже сорваться съ устъ. Онъ сдѣлалъ надъ собой громадное усиліе и голосомъ, котораго онъ самъ испугался, выпалилъ въ упоръ:

— Я люблю васъ!

Женичка вздрогнула, но продолжала сохранять свою прежнюю покойную позу.

Выпавивъ застрявшее въ горлѣ слово, Алеша снова ощутилъ способность говорить. Онъ былъ уже готовъ произнести длиннѣйшую пылкую тираду, даже началъ было:

— Евгенія Константиновна...

Когда Женичка, словно очнувшись, сдѣлала легкое движеніе головой и, не глядя на Алешу, почти приказала:

— Везите меня къ берегу.

— Но... Евгенья Константиновна!...

— Везите меня къ берегу.

Алеша нервно пожалъ плечами и взялъ весла. Женичка была необычайно блѣдна. Она сидѣла прямая и строгая, но еще въ тысячу разъ болѣе прелестная, чѣмъ обыкновенно. Повидимому она собрала всю силу своей воли, чтобы сколько нибудь скрыть охватившее ее волненіе.

Выйдя на берегъ, Женичка не стала дожидаться расплачивающагося съ лодочникомъ Алешу, такъ что ему пришлось ее догонять.

— Простите...Евгенія Константиновна, я не знаю, какъ понять васъ...

Это вашъ отвѣтъ?

Алешѣ пришлось повторить свой вопросъ, прежде, чѣмъ она отвѣтила. Наконецъ она ему сказала:

— Не спрашивайте теперь. Сейчасъ я вамъ ничего не скажу, отвѣтъ вы получите возлѣ моего дома.

Алеша не возражалъ. Они прошли мимо охраннаго отдѣленія на Кронверскій. Въ продолженіи всей длинной дороги по Кронверскому Евгенія Константиновна упорно хранила молчаніе. Нѣсколько растерянный Алеша, какъ то неувѣренно помогаль ей переходить черезъ улицы. На Каменноостровскомъ Женичка стала замѣтно ускорять шагъ. На гулкомъ Троицкомъ мосту Женичка почти летѣла. Ея легкіе башмачки отбивали безумно быструю дробь по тротуару. Такъ они пробѣжали вдоль Марсова поля, свернули на Пантелеймоновскую и остановились только возлѣ Женичкинаго подъѣзда. Евгенія Константиновна сильно запыхалась отъ такой для нея непривычно быстрой ходьбы, но зато какъ будто успокоилась и пришла къ какому-то рѣшенію. Во всякомъ случаѣ она совершенно спокойно встрѣтила Алешинъ взглядъ и не стала волноваться, когда онъ спросилъ ее:

— Итакъ? Я прошу у васъ въ отвѣтъ только одно слово—да или нѣтъ? Выбирайте.

Онъ повторилъ:

— Да или нѣтъ?

Глядя прямо въ глаза Алешѣ, Женичка тихо произнесла:

— Да.

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ придти въ себя, Евгенія Константиновна воѣжала въ подъѣздъ, и ея быстрые шаги застучали по каменнымъ ступенькамъ лѣстницы.

Опомнившись, Алеша толкнулъ дверь и, какъ сумасшедшій, перепугавъ остолбенѣвшаго швейцара, сваливъ попавшійся ему на дорогу тяжелый лѣстничный стулъ, ринулся вслѣдъ за Евгеніей Константиновной.

Глава X,

въ которой снова появляется Янкельсъ.

Алеша проснулся довольно рано. Солнце яркимъ снопомъ лучей пробившись сквозь занавѣску, падало прямо на висящую въ ногахъ Алешиной кровати картину, пріобрѣтенную въ Александровскомъ рынкѣ.

Когда Алеша открылъ глаза, его взглядъ первымъ дѣломъ обратился къ этой картинѣ, словно для того, чтобы лишній разъ дать ему возможность провѣрить ея реальность. Но картина существовала по-прежнему. Она висѣла на томъ-же мѣстѣ желтыхъ выгорѣвшихъ обоевъ, куда была повѣшена Алешей. Онъ пересчиталъ верблюжатъ. И въ этомъ отношеніи все обстояло такъ, какъ и слѣдовало. Какъ вчера, на ней по слѣпительно бѣлому песку Сахары шагали семь розовыхъ верблюжатъ, а на мѣстѣ восьмого и девятаго зеленѣли двѣ новыя пальмы.

Итакъ, все что произошло вчера, оказывается, произошло на самомъ дѣлѣ, а не во снѣ. Но, если это все и дѣйствительность, то дѣйствительность до того удивительная, что въ нее почти невозможно повѣрить.

Алеша вытащилъ изъ подъ подушки часы и, увидѣвъ, что скоро уже девять, сталъ поспѣшно одѣваться.

Такъ, вотъ оно, утро того дня, о которомъ такъ мечталъ Алеша, ради котораго онъ былъ готовъ отдать все, что угодно. Еще только какойнибудь часъ, полтора находится ему, здѣсь, въ этой милой но до чего нищенской!—комнатѣ, гдѣ столько было выстрадано, прожито и передумано.

Скоро, скоро уже затрещитъ электрическій звонокъ въ передней и удивленная прислуга доложитъ что за нимъ, за Алешей! пріѣхалъ автомобиль.

Алеша завязывалъ галстукъ и продолжалъ нить своихъ радостныхъ размышлений. Дальше все пойдетъ, какъ по писанному. Автомобиль свезетъ его въ „Асторію“, гдѣ въ самомъ прекрасномъ номерѣ найдеть онъ рыжей кожи чемоданы съ мѣдными застѣжками, переполненными тонкаго полотна бѣлымъ и костюмами отъ лучшихъ портныхъ, шляпныя картонки...и милую, влюбленно улыбающуюся голубыми глазами Евгенію Константиновну въ лаковыхъ закрытыхъ туфелькахъ и дорожномъ платѣ!

Одѣвшись, Алеша занялся разсматриваніемъ своихъ книгъ и вещей. Съ нѣкоторыми ему не хотѣлось разставаться и онъ ихъ откладывалъ въ сторону. Затѣмъ, изъ подъ кровати вытащилъ онъ потре-

панный, парусиной зятнутый чемоданъ, куда сталъ складывать отобранныя вещи. Дно чемодана Алеша выложилъ „Любовными похождениями кавалера Фоблаза“—двѣнадцатью маленькими томиками 1812 г. въ темно коричневыхъ, тисненыхъ золотомъ, переплетахъ. На нихъ уже въ безпорядкѣ были сложены Диккенсовскій „Домби и сынъ“, „Шагреновая кожа“ и „Послѣднее воплощеніе Вотрена“ Бальзака, пять книжекъ, изданныхъ въ 1899 г. въ Лейпцигѣ, посмертныхъ произведеній Гофмана, снабженныхъ его собственными рисунками, нѣсколько портретовъ и нѣсколько особенно любимыхъ Алешей рисунковъ и, наконецъ, его собственныя рукописи.

Между тѣмъ онъ не прерывалъ своей мысли. Алешѣ представлялось наиболѣе благоразумнымъ и пріятнымъ сегодня же уѣхать съ Евгеніей Константиновной изъ Петрограда. Куда?—не все ли равно. Однако онъ задумался. Собственно говоря, Алеша превосходно понималъ всю необходимость, хотя бы на первое время, руководствоваться опредѣленнымъ планомъ. Только съ его помощью возможно будетъ получить максимумъ наслажденій, которыхъ жаждалъ Алеша.

Связавъ чемоданъ, онъ заперъ его на ключъ и послѣдній положилъ къ себѣ въ портмоне. Затѣмъ онъ подошелъ къ овальному зеркалу, поблескивающему холоднымъ блескомъ отраженныхъ вещей изъ темнаго угла комнаты. Смотрясь въ него, Алеша пригладилъ свои непокорныя волосы, припудрилъ щеки и тонкій прямой носъ. Взглянулъ на часы, Алеша увидѣлъ, что уже безъ четверти десять. Теперь уже съ минуту на минуту долженъ былъ раздаться звонокъ въ передней. Сильная волна радости захлестнула его. Отъ возбужденія такъ сильно заколотилось сердце, что Алешѣ пришлось положить на него руку. Онъ подошелъ къ маленькому столику, на которомъ стоялъ графинъ съ водою, наполнилъ его стаканъ и сдѣлалъ нѣсколько глотковъ. И вдругъ онъ почувствовалъ себя невѣроятно уставшимъ, точно все, о чемъ онъ только что мечталъ, онъ пережилъ на самомъ дѣлѣ. Сомнѣнія, принимающія опасныя размѣры, стали постепенно подрывать значительность, казавшихся ему за минуту до этого значительными, цѣнностей. Алеша заколебался. А, главное, онъ такъ усталъ, ему до того захотѣлось спать, что съ этимъ онъ почти не въ силахъ былъ совладать. Быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ, наилучшее, что слѣдуетъ ему сейчасъ сдѣлать, это махнувъ рулою на всякіе богатства и благополучія, лечь въ постель, уснуть, а проснувшись засѣсть за писанье?

Милый образъ Евгеніи Константиновны, вставшій на мгновеніе въ его душѣ заставилъ было побороть его эти сомнѣнія. Но затѣмъ

какъ-то неожиданно ласково разсмѣявшись, онъ произнесъ съ гднмъ убѣжденіемъ:

— Боже! все это гораздо проще и вовсе не это важно.
И сталъ раздѣваться.

Едва Алеша успѣлъ лечь въ постель и началъ засыпать, какъ въ передней раздался звонокъ и черезъ минуту показался въ дверяхъ Алешиной комнаты запыхавшійся антикварный старичекъ. Нѣсколько удивленный тѣмъ, что застаеть Алешу въ постели, онъ остановился на порогѣ.

— Вы еще спите?

Алеша приподнялъ съ подушки голову и взглянулъ сонными глазами на пришедшаго. Видя, что Алеша въ самомъ дѣлѣ не вышелъ еще изъ соннаго состоянія, Янкельсъ, усиливъ и безъ того уже пронзительный голосъ закричалъ ему:

— Молодой человекъ, проснитесь! Проснитесь, автомобиль приведенъ, пора ѣхать!

Алеша присѣлъ на кровати.

— Что? Какой автомобиль?

— И развѣ вы уже забыли о нашемъ условіи? старичекъ слегка разгорячился.—Вы себѣ желаете, и мы исполняемъ ваши желанія, это мы вамъ розовыхъ верблюжатъ дали...

Алеша сообразилъ наконецъ, въ чемъ дѣло и, указывая рукой на картину, произнесъ:

— Вотъ ваши верблюжата. Вы можете ихъ унести съ собою. Мнѣ они больше не нужны, я раздумалъ, я не хочу желать.

И онъ снова легъ, повернулся лицомъ къ стѣнѣ и укутался съ головой одѣяломъ, чтобы они не мѣшали.

Старичекъ спѣшилъ. Его добродушное лицо изъ круга стало длиннымъ, отъ изумленія онъ даже разинулъ ротъ. Но чувство изумленія, почти сейчасъ-же какъ появилось, исчезло, уступивъ мѣсто необыкновенной ярости. Пухлая въ маленькихъ морщинкахъ ручка его сжалась въ кулакъ, и налились кровью какъ-то странно помодѣвшіе глаза. Но и припадокъ злобы, былъ только непродолжительнымъ припадкомъ и теперь, когда онъ подошелъ къ картинѣ, на которой снова красовались всѣ девять верблюжатъ, его лицо и вся фигура выражали одно лишь глубочайшее торжественное презрѣніе. Съ картиной въ рукахъ Янкельсъ все такъ-же торжественно направился къ выходу. Но въ дверяхъ онъ не удержался въ своемъ желаніи выразить, переполнившую его сердце, обиду и, остановившись, онъ бросилъ Алешѣ, тономъ уничтожающаго омерзения, какъ будто выплюнулъ:

— Мальчишка!

Глава XI,

кончающаяся очень мило.

Въ тоже чудесное утро, что было описано нами въ предыдущей главѣ, Евгенія Константиновна проснувшись, позвонила въ маленькій звоночекъ, прикрѣпленный къ стѣнѣ надъ ея постелью, давая знать горничной, что она проснулась и ждетъ кофе. Послѣ утренняго кофе, Евгенія Константиновна имѣла обыкновеніе еще нѣкоторое время понѣжиться въ кровати. Но сегодня они измѣнила своей привычкѣ, и словно боясь опоздать куда-то, стала безумно торопиться съ одѣваніемъ. Даже туалетному столику посвятила она немного времени и небрежно, на скорую руку, причесавыясь раза два проведя пуховкой съ розовой пудрой по лицу и намочивъ носовой платочекъ духами изъ граненаго хрусталя, быстрыми шагами прошла Женичка по комнатамъ въ переднюю, одѣлась и вышла. На улицѣ она взяла перваго попавшагося ей извозчика, сказала не торгуясь, адресъ и поѣхала.

Ѣхать пришлось довольно долго и сторающей отъ нетерпѣнія поскорѣй достигъ цѣли своего путешествія, дорога отъ Пантелеймоновской до Загороднаго показалось безконечной.

Переполненные солнцемъ высокія улицы со спутанными проводами трамвайныхъ проволокъ, нестерпимый блескъ солнечныхъ стальныхъ рельсъ, ярко красные и желтые зонтики, будто шелковые цвѣты разцвѣтшіе въ утренней давкѣ людей по троттуарамъ, звонки трамваевъ на шумныхъ перекресткахъ, выкрики газетчиковъ и гудокъ проносящагося въ пыли автомобиля, всѣ звуки, всѣ краски весеннихъ улицъ достигали сознанія Евгеніи Константиновны какъ будто, сквозь какую ту розовую пелену и, хотя она сидѣла съ открытыми широко глазами. она почти ничего не видѣла. Казалось ей, потемнѣвшіе до васильковаго, глаза были обращены внутрь нее и улыбались какимъ-то, лишь ей одной понятнымъ, и дорогимъ, внутреннимъ почти неуловимымъ толчкамъ. Все же остальное служило только пестрой декораціей къ растущей въ ея душѣ необъятной радости.

Такъ-же торопясь, какъ рачше, Женичка расплатилась съ извозчикомъ, когда наконецъ, онъ подвезъ ее къ элегантному подъѣзду, надъ которымъ нависала почти во всю ширину стѣны дома вывѣска, гласящая, что домъ этотъ представляетъ собой писчебумажную фабрику Н. Д. Гребо, и вошла въ подъездъ. Узнавъ отъ швейцара, что Николай Дмитріевичъ находится еще здѣсь, Женичка отправилась прямо къ нему въ кабинетъ.

При видѣ жены Николай Дмитріевичъ былъ удивленъ, не зная, чѣмъ объяснить ея неожиданный приходъ, но еще больше обрадованъ, такъ какъ онъ не былъ приученъ ею къ такого рода пріятнымъ сюрпризамъ. Женичка заговорила еще съ порога.

— Можно къ тебѣ? Мы такъ по тебѣ соскучились, что рѣшили тебя навѣстить на фабрику, но если мы мѣшаемъ, ты только скажи, и мы сейчасъ же уѣдемъ обратно.

Николай Дмитріевичъ слегка нахмурился: значитъ она не одна? Что-жъ это въ такомъ случаѣ за шутка? Его радостное настроеніе почти совершенно прошло. Онъ спросилъ Евгенію Константиновну низко упавшимъ голосомъ:

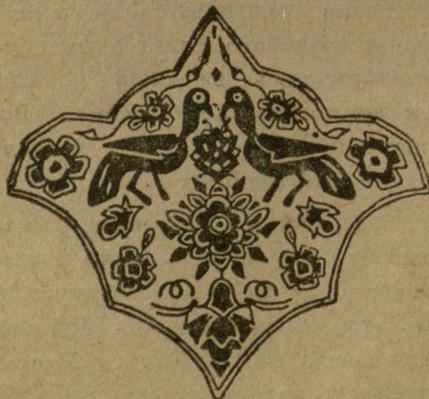
— Кто это мы? Тамъ еще кто нибудь есть?

— Нѣтъ.

Николай Дмитріевичъ, не понимая, взглянулъ на Женичку, а она, потерявъ свой дѣланно игривый тонъ, плача и смѣясь въ одно и тоже время, подбѣжала къ нему, наклонилась къ самому его уху и застѣнчиво, какъ дѣвочка, объяснила:

— Какой-же ты глупый, со мной нашъ будущій ребенокъ...

Юрій Дегенъ.

Валерианъ Гаприндашвили.

1. МОРИСУ РОЛЛИНА.

О, воронъ города, зловѣщій Роллина,
Твѣй извивается съ червями разумъ бѣднѣй,
Злодѣйствуетъ кошмаръ въ твоихъ мечтахъ побѣднѣй,
И прокаженная тебя зоветъ луна.

Гнилая грезится тебѣ въ ночи волна,
Въ водѣ Офеліи ты ловишь заповѣдной
Лягушекъ бархатныхъ своею рукою блѣдной,
И призрачной рѣкъ упорно ищешь дна!

Вотъ уличнѣйшій фонарь:—манящій и тлетворнѣйшій,
Тебя, тебя на немъ опетлать галстукъ чернѣйшій,
И съ висѣлицы ты прокаркаешь сонетъ.

Оплачутъ черви твой меланхолическѣйшій слѣдъ,
Узнавъ, что ихъ пѣвца свершился темнѣйшій жребій,
Что онъ торжественнѣйшій всѣхъ чучель и отребій!

2. КУАФФЕРЪ.

Нѣмѣю предъ зеркальной бездной,
Накрытый бѣлой простынѣй,
И съ дрожью тайной, бесполезной,
Глаза вперяю въ призракъ свой.

Передо мною куаффера
Рука съ сверкающимъ ножемъ,
И трудно не потупить взора
Передъ любезнымъ палачомъ.

Вотъ бритву онъ приблизилъ къ шеѣ,
Какъ бѣлый саванъ простыня,
Но мой двойникъ еще бѣлѣе,
Двойникъ, вперившійся въ меня.

Мы другъ на друга безъ пощады
Глядимъ изъ далей роковыя,
И странно скрещивая взгляды,
Въ испугъ опускаемъ ихъ.

Мнѣ куафферъ ланиту ранить,
Едва я сдерживаю крикъ,
Но вздрагивать не перестанетъ,
Мой окровавленный двойникъ!

Нико Бараташвили.

1. СЕРЬГА.

Какъ легкокрылый мотылекъ
Качаетъ ландыша цвѣтокъ,
Вполнѣ отдавшись упоенью:
Подъ ухомъ дѣвы дорогой
Серьга, влюбившись въ призракъ свой,
Играетъ съ собственною тѣнью.
Какъ странно счастливъ будетъ тотъ,
Кто на минуту отдохнетъ
Подъ этой тѣнью безмятежной;
Кого крылатая серьга
Какъ тихій шелестъ вѣтерка
Прохладою обвѣетъ нѣжной!
Серьга! Скажи мнѣ лишь одно:
Кому судьбою суждено
Губами съ этой тѣнью слиться,
Чтобы безсмертія шербеть
Сквозь огненный и сладкій бредъ
Пить и навѣки насладиться!

2.

Не цвѣтъ земли—юдоли тѣсной—
Люблю я съ дѣтства цвѣтъ небесный,
Цвѣтъ первозданный, голубой,
Съ моею связанной судьбой,
И хоть успѣлъ я утомиться,
Къ иному цвѣту все-жъ стремиться
Не хочеть мой усталый взоръ,
Лелѣя благодостный просторъ.
Въ очахъ красавицы прелестной
Меня плѣняетъ цвѣтъ небесный,
Онъ въ нихъ волшебнo отражень.
Какъ сладостный, мгновенный сонъ.
Минуя суетныя бури,
Влекутъ мечты меня къ лазури,
Чтобъ слиться съ цвѣтомъ голубымъ
Мнѣ—очарованному имъ.
Когда засну непробудимо
Вдали отъ Грузіи родимой,
Оплаканъ буду не слезой,
А неба чистою росой.
И, если облакъ темнокрылый
Обниметь холмъ моей могилы,
Пусть какъ молитва, будетъ онъ
Зефиромъ къ небу вознесенъ.

Пер. съ грузинскаго В. Гаприндашвили.

КОЛОМБИНА.

Триолетъ.

Съ нами тайно сроднилась сестра Коломбина,
Зажигаетъ за насъ свѣчи въ Ванкскомъ соборѣ.
Бѣлый свѣтъ оплетаетъ насъ, какъ паутина.
Съ нами тайно сроднилась сестра Коломбина,
Алымъ цвѣтомъ горитъ нашей скорби долина,
Мы боимся увидѣть сестру нашу въ горѣ.
Съ нами тайно сроднилась сестра Коломбина,
За нее зажигаемъ мы свѣчи въ соборѣ.

Пер. съ грузинскаго С. Городецкаго.

Арменци Тигранянь.

ЯЗЫЧЕСКОЕ.

Я люблю васъ, юноши, люблю,
Яркожгучій пламень вашихъ глазъ;
Губъ покорныхъ поцѣлуи пью,
Плѣнниковъ любви, люблю я васъ,
Вашихъ бурь ликующей экстазъ,
Ваши гимны намъ, все намъ—ловаю.

Словно волны пѣнныя морей,
Вы покорны буйственнымъ вѣтрамъ,
Мы жъ—ладьи безвольныя царей—
Мы, наложницы, покорны вамъ,
Въ забыты къ безумнымъ льнемя баламъ,
И качаемся въ объятіяхъ зыбей.

Всѣхъ васъ, юноши, люблю я всѣхъ!
Въ вашихъ ласкахъ счастья океанъ,
Многоцвѣтныхъ радуга утѣхъ,—
Изъ полярныхъ, бѣлоснѣжныхъ странъ,
Иль изъ южныхъ огненныхъ нирванъ,
Всѣхъ васъ, юноши, люблю я всѣхъ!

Пер. съ армянскаго С. Городецкаго.

Анберъ Садыковъ.

РОЗА

Н. А. Г.

Моя любовь къ тебѣ—цвѣтенье
Изъ сердца выращенной розы.
Моя въ ней кровь, мое волненье,
Ее мои вспоили слезы.

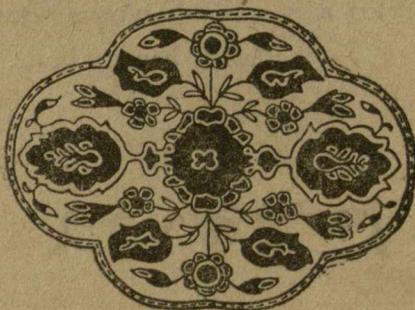
Души утонченной созданье,—
Она красивѣй всѣхъ лучится.
Самихъ небесъ благоуханье
Отъ лепестковъ ея струится.

Жизнь ничего мнѣ не дарила
Цѣннѣ этой розы алой.
Возьми жъ ее—и счастья сила
Прильеть къ душѣ моей усталой.

О, не страшись ея укола!
Пусть острый шипъ въ тебя вонзится,
Изъ алой раны ореола
Пусть роза новая родится.

И новымъ упоеньемъ станетъ
Въ моей судьбѣ, давно унылой!...
А, если вдругъ она завянетъ,—
Ей быть души моей могилой.

Пер. съ турецкаго С. Городецкаго.

ПОМЪЩАННАЯ.

Глубокая ночь.

Въ лѣсу, наскоро расчищенномъ подъ бѣженскую больницу, тихо Кой-гдѣ нарушаетъ тишину невнятный, подавляемый стонъ или механическое бормотанье сѣдой молитвы.

Большинство уснуло, заглушивъ боль, горе послѣднихъ дней.

Эта больная, надрывная дремота вдругъ вздрогнула отъ веселаго, раскатистаго смѣха, и черезъ лѣсъ прошмыгнула тѣнь.

Дежурные санитары быстро нагнали ее, привели къ палаткамъ.

Передъ нами была дѣвочка лѣтъ одинадцати.

Никто ея не зналъ, не видалъ за эти дни.

Невысокая, тщедушная въ рваныхъ цвѣтныхъ тряпкахъ, безъ застѣнчиво обнажавшихъ ея наготу, она дико, испуганно озиралась исподобья, обжигая насъ крупными черными глазами.

Распущенные волосы, сбившись съ сѣрыми цѣпкими стебельками, съ комочками высохшей грязи въ одну массу, беспорядочно болтались, когда она отбивалась, вырывалась изъ рукъ санитаровъ.

Быстрый, безсвязный лепетъ, въ которомъ едва можно было угадать: „братишка“, „дядя“, „холмикъ“, „рѣчка“, „арба“,—все время перебивался или звонкимъ, беззаботнымъ, добрымъ дѣтскимъ смѣхомъ, теперь жуткимъ, зловѣщимъ, или жалобнымъ, мучительнымъ плачемъ, стономъ—плачемъ.

Обступившія сиротку сестры, лаская, старались успокоить, усыпить ее.

Безконечно усталая, слабая, она легла на землю, на короткій мигъ умолкала, забывалась, но судорожныя всхлипыванія вдругъ опять переходили въ бурный, безумный смѣхъ и, стремительно вскочивъ на ноги, она вновь начинала царапаться, кусаться, вновь вырывалась изъ рукъ, теряясь въ темныхъ, широкихъ объятыхъ деревьевъ.

Ее вновь догоняли, вновь приводили, вновь утѣшали.

Врачъ, все время внимательно наблюдавшій несчастную, далъ ей что-то глотнуть, но боль, очевидно, не унималась: она продолжала биться, рыдать, хохотать, безмысленно болтать, то трогательно ласкаясь къ кому-нибудь, то зло, точно неприрученный звѣреньшъ, отбиваясь...

Докторъ, наконецъ рѣшился.

Сурово было рѣшеніе, но при создавшихся условіяхъ, когда вокругъ сотни, тысячи калѣченныхъ, когда ежечасно на знойномъ припекѣ появляются все новые фаланги призраковъ—бѣженцевъ, больныхъ, изувѣченныхъ,—это рѣшеніе было единственно возможнымъ, спасительнымъ.

Онъ ходилъ блѣдный, взволнованный, непрерывно куря, вновь вошелъ въ палатку, вызвавъ къ себѣ фельдшера, глухого старика съ уплотненными, пепельно—сѣрыми, матовыми чертами лица.

— Слушаюсь...не беспокойтесь...все будетъ сдѣлано...—угрюмо обронилъ фельдшеръ, появляясь въ низенькихъ холщевыхъ дверцахъ палатки.

Повинуясь его указаніямъ, санитары почти поволокли сопротивляющуюся больную изъ лѣса.

Дикіе пронзительные крики, хотя и смолкли, но продолжали, какъ ни странно, съ удвоенной силой биться, терзать слухъ.

Мы инстинктомъ проникли въ трагическую тайну доктора, но ни одинъ голосъ не могъ подняться въ защиту бѣдной сиротки: всѣмъ былъ ясенъ конецъ несчастной помѣшанной, предоставленной самой себѣ въ этихъ покинутыхъ, нежилыхъ даяхъ.

Медленно, гнетуще проходило время,

Костеръ пересталъ трещать. Вздутый пламенемъ, огромный желтый шаръ охлаждаясь, сталъ съеживаться, тускиѣть; яркіе, опаленные мазки на лицахъ стали блекнуть, морщиться, обвалакиваться утомленной тушью,—но никто не подымался, не шелъ за щепками.

Опустивъ головы, мы онѣмѣли на мѣстахъ; никто не шелъ къ себѣ; все равно мы не могли бы уснуть—она не покидала насъ.

Докторъ все вертѣлся по неуклюжей, облѣзлой тропѣ вокругъ своей палатки то усиливая, то замедляя шагъ.

Онъ нѣсколько разъ порывался бѣжать, остановить, отиѣнить кошмарный приговоръ, но, въ отчаяніи качая головой, снова возвращался къ узкой, знакомой рамѣ своего походнаго жилья...

Скоро ли, поздно ли,—никто изъ насъ этого не поминидъ,—но, наконецъ, показался фельдшеръ, обычно хмурый, холодный, глухой; онъ приближался къ намъ безшумно, точно подкрадывался.

Девять паръ измученныхъ глазъ упорно, остро, точно жала, устремились къ нему, но никто не осмѣлился заговорить съ нимъ...

Изъ ужасовъ послѣднихъ дней пережитыхъ нами, этотъ былъ самый ужасный.

Александръ Бархударянъ.

С к а з к а.

Посвящается А. А. Флоренскому.

Было королевство, и была въ немъ королева. Блестящее то было царствованіе. Пышный дворъ, сановники, цѣлый сонмъ слугъ во дворцѣ.

Королева царствовала долго, властно, и желѣзныя руки ея и сановниковъ крѣпко держали подданныхъ въ полномъ повиновеніи.

Лютое то было время, но народъ вѣрилъ, что короли отъ Бога и повиновался.

Былъ у королевы сановникъ, главный помощникъ и совѣтникъ во всѣхъ ея дѣлахъ. При его имени дрожали всѣ и всѣ были больше его рабы, чѣмъ королевы.

Но мало было жестокому сановнику. Хотѣлъ онъ, чтобы все трепетало передъ нимъ, и чтобы никто не смѣлъ дышать свободно въ королевствѣ.

А былъ такой, который дышалъ свободно...

О, еще какъ!

То былъ сынъ королевы.

Одарилъ Богъ его большою красотой и возвышенной душой. Все видѣлъ онъ, и противенъ былъ ему пышный дворъ, построенный на слезахъ народа, а больше всего былъ противенъ сановникъ, не всю правду говорившій королевѣ.

Тайная и глухая борьба велась между ними, но одинъ былъ благороденъ, а другой коваренъ, и взялъ верхъ послѣдній...

Всѣ кругомъ повѣрили, что королевичъ безуменъ, легче всѣхъ повѣрила сама королева, такъ какъ мраченъ и тихъ былъ ея сынъ. Но безпокойства онъ никому не причинялъ и былъ оставленъ при дворцѣ. Вскорѣ перестали на него обращать вниманіе, стараясь лишь не часто допускать его къ королевѣ. Это вначалѣ сильно огорчало королевича, любившаго свою мать, но потомъ онъ смирился...

Королевичъ былъ одинокъ, некому было повѣрить свои мысли, свои чувства.

Сталъ онъ тайно уходить изъ дворца. Переодѣнется въ простую одежду и пойдетъ туда, гдѣ послѣ тяжелаго дневнаго труда собираются люди. Чутко прислушивался королевичъ къ тому, что говоритъ усталый, измученный народъ, и открылось передъ нимъ море слезъ и страданій, сталъ онъ ходить по лачужкамъ, гдѣ бѣдныя полуголодныя женщины и дѣти влачили жалкое существованіе. Съ ужасомъ смотрѣлъ онъ, какъ десятки тысячъ жизней превращаются въ груды тѣлъ; какъ изъ нихъ вытягиваютъ молодость, силу и выбрасываютъ на улицу, почти калѣкъ, отдавшихъ все, обреченныхъ на голодную смерть.

Возненавидѣлъ королевичъ пышный дворъ. Пытался онъ рассказать королевѣ о бѣдствіяхъ народа, о глухомъ возмущеніи, которое гдѣ-то далеко растетъ въ изстрадавшихся людяхъ, но королева рѣчи эти считала бредомъ безумнаго, и чѣмъ больше королевичъ стремился открыть глаза матери, тѣмъ безумнѣе его считали. Почти перестали пускать его къ королевѣ.

Торжествовалъ коварный сановникъ, но еще о большемъ мечтавъ онъ...

Сталъ онъ говорить королевѣ, что пора подумать о наслѣдникѣ престола, ибо безумный королевичъ царствовать не можетъ. Сильно задумалась королева—кого выбрать себѣ въ наслѣдники.

Былъ у нея племянникъ, веселый человекъ, любимецъ придворныхъ дамъ, безпутный и легкомысленный принцъ, послѣ королевича—первый наслѣдникъ, но править одинъ онъ не можетъ.

И подсказалъ ей сановникъ, что въ сосѣднемъ царствѣ живетъ принцесса необычайной красоты и честолюбія.

Принцесса родственна могучимъ государствамъ, и это принесетъ большую пользу королевству, вотъ если ихъ поженить, будетъ управлять принцесса, а принцъ покоренъ ей будетъ.

Давно сговорился съ принцессой сановникъ, и обѣщала она ему большія милости, если устроить онъ царство ей, первымъ человекомъ будетъ онъ.

По сердцу пришелся этотъ планъ королевѣ, и взялся сановникъ устроить все. Послалъ принцессѣ пословъ. Обрадовалась честолюбивая, гордая принцесса, давно нетерпѣливо ждала она пословъ, и согласилась на бракъ съ принцемъ.

Приѣхала принцесса знакомиться съ женихомъ и со своимъ будущимъ царствомъ. Пышную встрѣчу устроили ей.

Узнавъ обо всемъ королевичъ, и сказалось отъ боли сердце. Если отъ своей королевы терпятъ народъ, чего же ждать отъ чужестранки.

И проснулось въ немъ что-то новое.

— Не бывать этому—думалъ онъ:— Не надо мнѣ престола, не король я, но за народъ я долженъ заступиться—.

И ширилась душа, и росли крылья, и чувствовалъ королевичъ большую мощъ и силу въ себѣ.

— Скажу все принцесѣ и пусть она уѣдетъ. Все равно ей не бывать нашей королевой. Но какъ увидѣть ее? Вѣдь совсѣмъ не пускають его въ главныя комнаты.

Стоить разъ королевичъ въ саду и думаетъ свою печальную думу. Вдругъ шелестъ платья, точно легкій мотылекъ, пролетая, задѣпннлъ листочекъ. Вздрогнулъ королевичъ, посмотрѣлъ, и помутилось у него въ глазахъ. Что это? Лѣсъ ли прислалъ фею свою, воды-ли русалку, иль небо ангела, чтобы утѣшить его? Стоить передъ нимъ неземная красавица, смотритъ и смѣется: — Кто ты такой и что здѣсь дѣлаешь?—спрашиваетъ она.

Смотритъ на нее, глазъ оторвать не можетъ и точно онѣмѣлъ, нѣтъ словъ.

Долго стоялъ онъ такъ, уже ушла она, ужъ все потемнѣло кругомъ, а онъ все стоитъ и смотритъ, въ темную даль, куда ушла она.

— Кто ты, красавица, кого Богъ такъ щедро наградилъ?

Не спитъ королевичъ, сна нѣтъ, а день пришелъ—жизни нѣтъ. — Хочу увидѣть—шепчуть его запекшіяся уста:—Сонъ ты или лъбъ?

Все забылъ королевичъ, далеко позади остались слезы и горе мірское, все заслонила собою прекрасная дѣва. — Во дворцѣ она, и пусть держатъ меня рабы, пусть первый разъ увидятъ они мое безуміе, но я пойду туда, гдѣ она.

И проникъ онъ во дворецъ, забился въ уголокъ на хоры и жадно ищетъ ее глазами, въ большомъ залѣ.

Что это? Видитъ онъ ее около королевы, а съ нею и безпутнаго принца.

Все понялъ королевичъ, слезы обиды и ярости заблестѣли на глазахъ его.—Вырву тебя, змѣю, изъ сердца своего, врагъ ты народу моему, врагъ ты и мнѣ. Прочь уйди, не достать тебѣ, змѣѣ, сердца моего. Силенъ еще я!

Вонъ бросился изъ дворца. Нѣсколько дней искали королевича вездѣ, но не нашли. Встревожилась королева, хоть безумень онъ, но все же сына жаль, и обрадовалась, когда узнала, что вернулся онъ, велѣла къ себѣ привести. Смотритъ и не узнаетъ его, стоитъ онъ, гордый, съ горящими глазами, и нѣтъ въ немъ тѣни покорности.

— Ты гдѣ былъ сынъ мой? — Я? Къ морю ходилъ, и еле оно вмѣстило мою печаль, которую я въ него бросилъ. О, какъ оно бурлило, какъ тяжела была ноша. Тогда грозно сказалъ я морю: если ты недовольно, если не хочешь облегчить меня, сына великой королевы, то я брошу въ тебя еще и мою любовь, и тогда посмотримъ, кто изъ васъ кого проглотить...

Испугалось море и приняло мою печаль, О, большую работу я ему задалъ, не скоро оно съ ней справится.

Сказалъ королевичъ и захохоталъ. Дрогнули всѣ и поспѣшили къ нему слуги. — Прочь!—крикнулъ онъ и вышелъ.

Снова заговорили во дворцѣ о безумномъ королевичѣ. Дошелъ этотъ шопотъ до принцессы, давно хотѣла она повидать безумнаго. Не жалость говорила въ ней: жестокое сердце имѣла она, еще разъ порадоваться хотѣла безумству, его царство ей давшему. Велѣла позвать.

Пришелъ королевичъ, не могъ не придти. Взглянула на него принцеса и разсмѣялась узнавъ его.

— Если тебѣ такъ весело, то ты должна хотѣть, чтобы и другимъ смѣлось—сказала ей королевичъ: — Удали своихъ слугъ. — Развѣ они мѣшаютъ тебѣ смѣяться?

Мѣшаютъ, какъ мѣшаетъ рой надоедливыхъ мухъ радостной прогулкѣ въ пышномъ саду въ яркій солнечный день.

— Не боишься ты загуляться въ саду и забыть время, если не будетъ мухъ?—сказала принцеса, и велѣла удалиться слугамъ. — Ну, теперь смѣйся свободно.

— И смѣюсь и плачу я всегда свободно, а ты, принцеса, свободна ли въ своихъ чувствахъ?

— А тебѣ что до этого?

— О, красавица, еслибы всегда сердце было бы такъ же прекрасно, какъ лицо, если бы солнце свѣтило только одному прекрасному, сколько драгоценнаго тепла сохранилось бы, и никому ненужныя пустыни оставались бы во тьмѣ.

— И вправду, безумны твои рѣчи, королевичъ.—Да, безумны, и счастливъ я, что не похожъ на всѣхъ васъ. Безумство мое отъ свободы моей, и нѣтъ ничего, чтобы могло сдѣлать меня похожимъ на васъ, разумныхъ.

— Ну, а царства твоего тебѣ не жаль?

— Оно не мое,—а Божье.

— Да, но Богу некогда править, и онъ поручилъ это намъ.

— Не тебѣ ли, принцеса?

— Да мнѣ. Такъ знай, не бываетъ этому!

— А кто запретить?

— Я! Посмотрѣла на него принцеса, подумала, не безуменъ онъ, почему же все такъ вышло.

— О чемъ ты задумалась, принцеса? Неужели я ошибся, и мои слова могутъ пробудить тебя. О, красавица, еслибъ только я ошибся! — Нѣтъ, я просто пожалѣла, что нѣтъ мухъ.

Поблѣднѣлъ королевичъ. — Принцеса, не жалѣй о нихъ, ихъ много, и не мухи, а шмели кругомъ тебя, не видишь ты ихъ, но смыкаютъ они кругъ свой, и недалеко то время, когда ты почувствуешь ихъ. Опомнись, принцеса, куда ведетъ тебя твое честолюбіе. Не пышное царство ждетъ тебя, нѣтъ! Пропастъ жадно раскрыла свои объятія, пока не поздно уйди!

— Безуменъ ты, но хитрость у тебя большая, такъ знай же, мое это царство и никому его не отдамъ! Даже королева теперь не властна лишить его меня, и если кто противиться мнѣ будетъ,

то вырву, какъ ненужную траву, а народъ твой у ногъ моихъ пресмыкаться будетъ. Власти я хочу и если бы душу надо было продать дьяволу за это, я бы не задумалась...

— Теперь ты видишь, что напрасна борьба твоя со мною, безсиленъ ты, но тебя я не трону, живи и если покоренъ будешь, ласку мою увидишь.

Смотритъ королевичъ, глазъ не можетъ оторвать отъ прекраснаго лица жестокой. Но что стоять одно его страданье съ тѣмъ моремъ слезъ и горемъ, что несетъ съ собой принцесса для всѣхъ живущихъ въ этомъ царствѣ. Ушелъ королевичъ далеко отъ дворца, къ скаламъ, къ морю пошелъ онъ, имъ несъ онъ муки свои.

— Чѣмъ я провинился передъ тобой, о Боже! За какіе грѣхи прародителей моихъ ты вселилъ въ душу мою адъ изъ адовъ, я жизнь готовъ отдать за взглядъ, за ласку той, что заслонила собой весь Миръ, и ненавижу ее, какъ исчадіе ада, О, я хорошо знаю, какъ царствовать она будетъ, знаю, какъ она заставитъ чужой народъ быть послушнымъ, а я буду ходить и тосковать о любви своей?

Лежитъ королевичъ надъ бездною и смотритъ въ ея большія зовущія глаза, но не страшна она ему, ибо душа его—тоже бездна.

Смотритъ королевичъ на море, что внизу далеко несетъ властно воды свои, смотритъ, какъ въ отвѣтъ на злобные порывы вѣтра отвѣчаетъ оно могучей насмѣшкой.

И бьются волны бѣлою грудью о скалы и утесы; хохотомъ адскимъ отвѣчаютъ имъ другія. Жадно ловятъ онѣ и мракъ и вѣтеръ въ свои ненасытныя объятія.

И идетъ борьба какихъ то невѣдомыхъ и загадочныхъ, имя которымъ стихія.

Смотритъ королевичъ на отраженіе души своей. — Такъ воть, что вмѣщаю я въ себя. Для насмѣшки или для поученія, Ты, всевластный, разостлалъ передо-мною зеркало души моей, или думаешь испугать меня? Но вѣдь все это живетъ давно въ душѣ моей, не даромъ такъ тяжела она. Почему же не отразилъ змѣю, что обвилась вокругъ всего Мира моего, или безсиленъ Ты отразить это чудовище, что, блестя красотой разноцвѣтной чешуи своей, извиваясь, медленно высасываетъ все стихійное богатство мое.

— Ни плачь, ни хотеть, ни буря, ни ураганъ, не разомкнуть кольца ея, и только бездыханный трупъ будетъ признакомъ ея снотости. Тогда, гибко извиваясь, сползетъ она съ утеса души моей.

О, великій, ты, чувствуя безсиліе свое, скрылъ ее въ отраженіи и только кроваво-золотистыми буквами начерталъ ты: Любовь!

Но, пока не бездыханный трупъ я, буду рвать тебя, жестокая битва ждетъ меня и пусть паду, но могучимъ борцомъ.
Такъ пережилъ королевичъ рѣшеніе свое.

Во дворцѣ ничто не измѣнилось, шли пиры блестящіе, праздники смѣнялись, одинъ другого пышнѣй.

Стоналъ народъ подъ тяжестью податей, ничѣмъ не могъ онъ утолить жадную пасть повелителей своихъ.

И вдругъ, точно свѣтлый лучъ прорѣзалъ глубокую тьму, никто не зналъ откуда онъ пришелъ, ясенъ и свѣтелъ былъ ликъ его. Рѣчь дышала силой и правотой. Говорилъ онъ о *правдѣ челоуька*, о томъ, что Господь всѣ свои богатства, всѣ блага Мира отдалъ всему челоуьчеству, а не части его, что позорно одному обѣдаться за счетъ сотни другихъ, что только выучное животное можетъ покорно сносить обиды, а челоуькъ бороться долженъ за права свои, что жены и дѣти рабовъ такъ же прекрасны, какъ и у властителей.

Жадно слушали измученные люди рѣчи его. Заволновалось, заколыхалось кругомъ, какъ колосья спѣлые.

Уже слышится приближеніе чего то грознаго, могучаго. Вотъ, вотъ ударить, какъ одинъ, на мучителей своихъ.

Встрепенулись во дворцахъ, тревожные слухи стали доноситься о волненіяхъ народа.

Переполнились тюрьмы, работали безъ устали палачи, но все напрасно.

Все шире и шире несется волна, все громче звучить властная рѣчь неизвѣстнаго.

Стали лицомъ къ лицу два непримиримыхъ врага: *Власть* и *Свобода*.

Давно говорили во дворцѣ о проповѣдникѣ, что одинъ поднялъ возстаніе. Напрасно охотились за нимъ, напрасно обѣщали мѣшки золота за поимку его, онъ былъ неуловимъ.

Ни истязаніемъ, ни пыткой не могли они вырвать имя его, ибо никто не зналъ, кто онъ. Уже нѣ тревога, а страхъ бился своими черными крыльями во всѣ окна дворца.

Собрали большой совѣтъ. Принцесса, тревожась за свободу свою, подстрекала королеву къ мѣрамъ жестокимъ; придворные тоже совѣтовали строго поступить съ измѣнниками. И рѣшили: полцарства казнить, но усмирить непокорныхъ, и пыткой мучительной имя узнать его.

Пришелъ королевичъ тайкомъ на совѣтъ большой, пришелъ, чтобы послѣдній разъ взглянуть на любимую и мать свою, совѣмъ уйти изъ дворца задумалъ, стать открыто въ ряды народа хотѣлъ онъ: время настало!

Дрогнуло сердце королевича, сколько слезъ и крови прольется. И рѣшилъ королевичъ . . .

— Я знаю имя главаря народа—сказалъ онъ громко, выступая впередъ.

Съ удивленіемъ посмотрѣли всѣ на него.

— Какъ ты можешь знать его, бѣдный сынъ мой, сказала королева, даже тѣ, что подъ землей все видятъ, его не знаютъ.

— Довольно считать меня безумнымъ, говорю—знаю я его, и вы всѣ знаете, только глупость ваша видеть все подъ землей, а около себя ничего не замѣчаетъ.

— Такъ скажи, сынъ мой, кто этотъ измѣнникъ.

— Не измѣнникъ онъ, ибо вамъ на вѣрность не присягалъ, и страха передъ вами никакого не имѣетъ, но если не выйдетъ дѣло его, то на плаху пойдетъ съ великой радостью. Веселое то будетъ зрѣлище, матушка! Но, пока живъ, народа своего въ обиду не дасть. Что жъ, королева, и ты, наслѣдница, хотите видѣть его? Вѣдь сказать вамъ, все равно не повѣрите, безуменъ я. Такъ покажу его вамъ, смотрите сами.

— Да, хочу видѣть негоднаго, чтобы своими руками задушить, ногами своими въ землю втоптать—сказала грозная принцесса.

— О, красавица, слишкомъ малы ручки твои, да и души ты его можешь при стражѣ твоей большой, а покажу я его только тебѣ и матушкѣ, ни одна душа съ нами не пойдетъ, потомъ сами расскажите, вамъ повѣрять, а скрывать онъ не будетъ и теперь не скрывается.—Чтожъ, далеко идти намъ?—Не очень, въ этомъ же городѣ. Стали приближенные отговаривать, но королева шепнула главному придворному, чтобъ стражу большую у входа поставилъ и слѣдомъ за ними тайно пошли бы.—Ну, веди насъ, сынъ мой.—Одѣньтесь такъ, точно вы самыя бѣдныя женщины въ городѣ, закройте темной шалью, чтобъ не узналъ васъ никто.—Все готово, сказала королева, идемъ.

— Только, матушка, не главными ходами выйдемъ, тамъ стража тобой тайная разставлена, а отъ этого только неприятность вамъ будетъ.

Заколѣбалась королева, но принцесса вѣрила, что укажетъ королевичъ имъ злодѣя и уговорила согласиться. Пошли паркомъ, до конца дошли, а тамъ вышли за городъ. Туда, гдѣ люди давно не живутъ, въ лѣсу къ разрушенному дому подошли они.

Незамѣтнымъ ходомъ спустились внизъ. Дорого дала бы королева, чтобы быть теперь во дворцѣ, но было поздно, и покорно шла она за сыномъ. Стукнулъ королевичъ въ стѣну, тихо отворилась дверь, потомъ другая, вошли въ большое помѣщеніе, освѣщенное огоньками.

— Мать и сестру привелъ я съ собой—сказалъ королевичъ челоуѣку у дверей, посадите ихъ такъ, чтобы видно и слышно было имъ все.

— А ты куда?—съ большой тревогой спросила королева.

— Показать злодѣя вамъ, смотрите и хоть разъ въ жизни услышите вы здѣсь правду.

Вышелъ королевичъ на середину, и точно свѣтлѣй стало въ подземельѣ; радостные крики тысячей людей гулко прокатились, замерли, притаились. Королевичъ заговорилъ.

— Печальную новость принесъ вамъ я, новыя казни и пытки готовить вамъ правители наши, все дѣло съ корнемъ вырвать хотятъ.

Я зажегъ пожаръ въ душахъ вашихъ и одинъ долженъ за все отвѣчать; рѣшилъ открыться.

Точно громъ могучій, прорвавъ свинцовыя тучи, упалъ съ грохотомъ внизъ, точно тысячи молній сверкнули въ темномъ пространствѣ, точно адъ поднялъ всю свою братью, гулъ, стонъ, плачь женщинъ, гнѣвные крики,—все смѣшалось въ общую массу, чтобы создать порывъ.

— Такъ и мы всѣ откроемся грянуло что то сильное, молодое, что въ безпредѣльномъ пространствѣ вмѣщается, какъ воздухъ.

— Ты зажегъ пожаръ, но огонь твой очистилъ насъ, сгорѣла трусость, рабство, сгорѣла покорность и терпѣніе наше. Ужъ не снится намъ больше королева и дворъ ея пышный, нѣтъ, другіе сны видимъ мы, и не остановятъ насъ злодѣянія палачей нашихъ, какъ не во власти человѣка остановить разбушевавшееся море, и руками огонь не потушить имъ.

А тебя не отдадимъ мы, нашъ ты, и беречь тебя будемъ, какъ правду свою. Знай! Главой нашей избралъ тебя самъ Богъ, вѣрить въ это весь народъ и за тобой пойдетъ повсюду. Уже давно томимся мы, твоего рѣшенія ждемъ, теперь часъ насталъ, веди..

Смогло все, слышно было, какъ бьются сердца, какъ люди, затаивъ дыханіе, стараются уловить работу мысли. Долго молчалъ королевичъ и съ имъ молчало все . . . . . Большею долженъ сейчасъ сказать онъ, отцовскую боль чувствовалъ отъ раны, которую, быть можетъ, нанесетъ имъ своимъ признаніемъ, но такъ надо, иначе нельзя.

— Люди, большую правду долженъ сказать вамъ, тяжело мнѣ это, боюсь смущенія вашего, но знайте! вашъ я. На плаху и на побѣду пойду я съ вами. Когда вы спрашивали—кто я и откуда, я отвѣчалъ: придетъ время—узнаете, а раньше сказать нельзя, боялся я вѣру вашу потерять и скрывался. Теперь, надо выступить открыто и узнать должны вы . . . .

Отъ широко раскрытыхъ тысячи глазъ, отъ затаеннаго до боли дыханія стало душно, какъ передъ грозой; надвигалось страшное . . . . . Люди ждали . . . .

И вдругъ сверкнула молнія, раньше гдѣ то далеко, потомъ ближе, и каждый почувствовалъ ее въ сердцѣ своемъ. . . Сразу не повѣрили: — Шутить ты, развѣ могутъ короли болѣть съ народомъ, какъ ты?

— Королевичъ я по рожденію своему, а кто по духу — самъ еще не разгадалъ. Во дворцѣ безумнымъ меня считаютъ, за глубокую пропасть мысли моей народу не показывали меня, и онъ вѣрилъ въ безумство мое. Теперь конецъ, пора узнать вамъ. Слушайте: сегодня я открылъ все королевѣ и наслѣдницѣ ея, и больше во дворецъ не вернусь. Не шутилъ я когда на это дѣло шелъ самъ Господь былъ со мною. Могучъ и силенъ я правдой своею!

Какъ зачарованные слушали они этотъ волшебный голосъ, гдѣ, какъ сталь, звенѣла сила.

— Король нашъ ты, и не разстанемся мы теперь съ тобой. Только ты можешь дать намъ счастье, такого короля не имѣлъ еще ни одинъ народъ, пусть завидуютъ намъ всѣ живущіе на землѣ. Веди насъ, мы вернемъ тебѣ царство твое, ты нашъ король!

— Не такъ поняли вы меня. Люди мои, королемъ никогда я не буду, и знайте — ни одинъ король, даже очень хорошій, счастья дать не можетъ, ибо счастье каждаго въ самомъ себѣ.

И какая бы хитрость жила во мнѣ, еслибы поднялъ я бунтъ вашъ, чтобы вернуть себѣ королевство.

Нѣтъ, не этого хочу я, сильнѣе бьется сердце мое, дальше летятъ мечты мои. . . .

Бѣдна была бы душа моя, еслибы надъ этимъ малымъ королевствомъ хотѣлъ бы я властвовать, нѣтъ люди, мое царство далеко! Непроходимая тропа лежитъ къ нему, ибо оно въ душѣ моей. . . .

Значить, вождемъ выбрали меня своимъ?

Хорошо, завтра объявляю я походъ могучій. Кто душою слабъ — не со мной, только тѣ, кто надъ смертью могутъ смѣяться, — товарищи мнѣ, а теперь пойду обдумать все.

Молча вывелъ онъ королеву и принцессу, долго шли въ тяжеломъ молчаніи, до парка проводилъ онъ женщинъ: — Теперь прощайте, завтра встрѣтимся врагами.

— Нѣтъ, сынъ мой, знаю я теперь цѣну тебѣ, слѣпа была. Завтра объявлю тебя первымъ помощникомъ своимъ, слово даю тебѣ царское. Слушаютъ тебя эти рабы, и усмиришь ты ихъ скоро, такого позора, чтобы королевичъ бунтаремъ былъ противъ своей матери еще не было въ роду нашемъ.

— Ну, а ты, наслѣдница, какую милость обѣщаешь мнѣ за предательство?

— Долгъ сыновній долженъ ты исполнить, а награда моя будетъ достойна тебя.

— Нѣтъ, принцесса, этой дешевой игрушкой позабавить меня нельзя. Не сынъ былъ я для королевы, а безумный. Какъ жилъ я? . . . Какъ росла во мнѣ сила моя, знала ли мать? На праздникахъ пышныхъ, на пирахъ, дрогнуло ли у нея хоть разъ сердце по заброшенномъ ребенкѣ? А какъ любви хотѣлъ я, съ огнемъ смѣшаны были слезы мои, когда я издали смотрѣлъ, какъ мать моя щедро

дарить улыбки придворнымъ своимъ, а мнѣ, готовому на жертвы большія за ласку ея, только крохи иногда перепадали. И какъ скудны были онѣ!

Кто изъ насъ былъ безумецъ, Богъ разсудитъ, а только крылья мои росли отъ страданій моихъ, а сила отъ ласки стихій, что часто заставляли меня на утесахъ и поляхъ мечущимся въ тоскѣ и одиночествѣ.

Но бороться съ вами не изъ мести я буду.

Любовь большую, которую вамъ никогда не понять, имѣю я къ народу и за права его бороться буду до послѣдняго вздоха моего. Добровольно, знаю, не дадите вы крошки изъ пышнаго стола вашего, такъ силой возьму!

Вѣрю я въ побѣду, не даромъ вскормленъ я стихіей.

— Безумецъ ты, завтра велю изловить тебя и запрятать подалше, чтобы мысли твои въ порядокъ пришли, не пожалѣю я тебя, не сынъ ты мнѣ больше, а измѣнникъ.

Чуткая то была ночь, не всѣхъ сонъ смирилъ лаской своей и сердца дрожали, у кого отъ радости дня завтрашняго, у кого отъ скорби большой . . . .

Уже смѣнилось много дней ночами, тревожно и шумно проходили они. Пополамъ раздѣлился городъ, кровью и злобой пахнущъ воздухъ. Грозенъ былъ королевичъ, впереди всѣхъ былъ всегда, и сама смерть боялась и бѣжала отъ него . . . Страшенъ былъ онъ, врагамъ, больше и больше становилось друзей у него. Узнали во дворцѣ, что больше половины войска ушло къ королевичу, что и другіе неспокойны, что королевичъ, какъ волшебникъ, на людей дѣйствуетъ и противъ него итти боятся. Большую тревогу переживали они, и былъ тайный совѣтъ . . .

Сидитъ королевичъ въ лагерѣ своемъ. Темная ночь однимъ плащемъ окутала друзей и враговъ, и смирились они . . . Послѣдній ударъ готовить на утро королевичъ. Ясенъ ликъ его, но тяжело и темно на сердцѣ, чувствуетъ онъ, какъ сильнѣе смыкаетъ кругъ свой тоска, какъ все совершается далеко отъ него, какъ одиноко и пусто въ душѣ его. Тихо вошелъ человекъ — Тамъ женщина пришла, видать, говорить, королевича хочу, вся закутана. — Зови ее. — Опять горе свое несетъ мнѣ кто-то — подумалъ онъ, хотѣлъ спросить и вдругъ узналъ. . . задрожалъ, потемнѣло въ глазахъ . . . — Какъ пришла ты сюда, принцесса, и зачѣмъ?

— Не страшень путь, что къ дѣли ведетъ, королевичъ, пришла сказать тебѣ, что давно думаю о тебѣ и теперь, когда знаю, какъ ты силенъ, хочу раздѣлить судьбу свою съ тобой. Знаю я, королевичъ, что любишь ты меня, давно прочла это у тебя въ глазахъ. Слушай, народъ любить тебя, королемъ своимъ тебя объявить. Какъ станешь королемъ, женой твоей буду, вмѣстѣ управ-

лать королевствомъ будемъ. Видишь, я тоже безстрашна. Сильны и велики будемъ мы съ тобой...

Слушаетъ королевичъ, то гнѣвъ, то жаръ приливаетъ къ сердцу.

— Далекю, принцесса, завлекло тебя твое честолюбіе, даже себя отдать не жалѣешь за царство; да, правда, прочла ты въ глазахъ моихъ, но любовь моя сильнѣе, чѣмъ ты думаешь, и столкнуть съ дороги меня никто не можетъ. О, еслибъ любила ты меня принцесса!...

— Зачѣмъ бы пришла къ тебѣ если-бъ не любила?

Зашатался королевичъ и упалъ къ ногамъ любви своей. Злобнымъ торжествомъ блеснули глаза принцессы, и извилисто-змѣиное проползло и спряталось гдѣ то въ углахъ прекраснаго рта.

Нѣжными руками перебирала она шелковые волосы рыдающаго и смѣющагося королевича. То бурно цѣловаль онъ одежду, туфельки любимой, то молитвенно глядѣлъ въ загадочные, какъ лѣсъ, глаза ея.

— О, любимая, что стоять всѣ муки, злоба, кровь, что стоять эти маленькія царства, гдѣ короли купаются въ слезахъ и проклятіяхъ народа. Развѣ могутъ розы благоухать, развѣ можетъ цвѣсти любовь въ этихъ тюрьмахъ, гдѣ ложью дышать даже стѣны. Что видятъ они, что знаютъ о красотѣ и радостяхъ, что не вмѣщаются въ каменныхъ стѣнахъ.

О, грѣза моя, любишь ты меня, значитъ, поймешь сказку мою.

Тамъ, на краю царства, есть у меня замокъ. Еще дѣдъ мой любилъ опасные обрывы, лѣса зеленые и воды, что окружаютъ его, еще теперь живутъ легенды о волшебномъ замкѣ, мнѣ дѣдъ подарилъ его, и туда увезу я счастье свое; тамъ создамъ я царство любви моей. Слетятся птицы разныя, чтобы щебетаньемъ ласкать слухъ милой моей, тигры и львы будутъ кротко лежать у ногъ ея. Солнце будетъ дарить ей лучшіе лучи свои...

А когда разстелеть надъ ней ночь звѣздный шатеръ свой, тихо приплывутъ русалки и будутъ водить хороводы свои. И лѣсъ, и скалы, и воды будутъ пѣть ей сказочныя пѣсни о любви глубокой, что дна не имѣетъ, а когда ходить по землѣ будетъ она, то навстрѣчу будутъ распускаться цвѣты и изъ благоуханія своего разстелять ковры пушистые, и потонетъ ножка ея въ поцѣлуяхъ цвѣтовъ...

Въ ласкахъ своихъ буду купать я ее, и въ сердцѣ своемъ устрою колыбель. Владѣть душой будетъ, о силѣ которой только она узнаетъ. Царство необъятное ждетъ царевну свою...

Будешь ли ты царицей моего царства?

— Красивъ твой замокъ, королевичъ, и заманчива любовь твоя. Но короли мы и царствовать будемъ здѣсь, а въ замокъ твой поѣдемъ, какъ устроимъ все и въ покорность приведемъ народъ.

Молча всталъ королевичъ, устало поглядѣлъ кругомъ, какъ будто всю силу отдалъ онъ сказкѣ своей.

— Что молчишь ты, королевичъ. Или любовь твоя такъ коротка, что сказать больше ничего не можешь мнѣ.

— Да, трудно мнѣ больше сказать, чѣмъ сказалъ я, не поймешь ты. Не меня ты любишь, разгадалъ я все. Но спасибо тебѣ за видѣніе, которое я принялъ за счастье. Можетъ и смѣшонъ я былъ, но этимъ заплатилъ я за минутное счастье свое: мы квиты.

— Очнись, королевичъ! Еще сильно войско наше, ты кровь напрасно проливаешь. Если королемъ будешь ты, все своему народу дашь, и счастливъ онъ будетъ. Не помѣшаетъ это и нашему счастью.

— Народу мы не нужны и лишнимъ быть не привыкъ я. Не потому разбушевалося море, что воды ему не хватало, не потому тысячами огней горѣла душа моя, чтобы зажечь траву сорную. Я слишкомъ могучъ, чтобы быть королемъ и дружбой Божьей дорожу. Вольность свою мятежную не отдамъ я за жалкія побрякушки ваши. Вотъ, принцесса, и все, конецъ сказкѣ моей. Теперь иди, проведутъ тебя.

— Что же, прощай. Вспомнишь и пожалѣешь, да поздно будетъ.

— Милліоны людей не могутъ потерять въ сто лѣтъ столько, сколько потерялъ я за одну минуту, больше жалѣть нечего; а дѣло свое до конца доведу; матушкѣ такъ передай...

Долго не рѣшался королевичъ брать дворецъ, но конецъ былъ тамъ. Зналъ это онъ, и народъ зналъ. И уже дрожали стѣны дворца... И пало царство.

Шумно ликовало все, какъ колоколь гудѣли слова: — Королевича на престолъ! Изъ конца въ конецъ шли люди и приносили вѣсти, что весь народъ королевича хочетъ. Праздникъ великій былъ вездѣ. Ждали рѣшенія королевича. Въ мрачной тоскѣ бродилъ онъ, не зналъ, гдѣ двѣ женщины, которыхъ любилъ онъ больше жизни своей. Спросить боялся.

— Если живы, цѣной своей жизни спасу ихъ. Но всё молчали и мучительно было, и жить не хотѣлось. А жить еще надо.

Ясно-солнечный то былъ день. Собрался народъ выбирать царя. Шумно и радостно внесли они на рукахъ королевича. — Каждый въ душѣ выбралъ тебя и отказаться ты не можешь твое это дѣло, ты управлять долженъ, мы другого не желаемъ.

— Скоро скажу вамъ послѣднее мое слово, а теперь хочу знать, гдѣ моя мать и принцесса.

Держить королевичъ сердце свое, вотъ убѣжить, потемнѣвшимъ взоромъ остро смотреть впередъ. Можетъ быть, годы прошли

въ ожиданіи, не помнитъ онъ и жадно ловить воздухъ, что вѣсть несетъ съ собой.

— Сюда привели мы ихъ, чтобы видѣли они торжество твое, вотъ смотри, тебѣ даемъ мы право судить ихъ за расправу надъ нами. Видитъ королевичъ передъ собой то, что дороже жизни ему, смотреть въ ихъ лица и понявъ, что врагъ онъ имъ, злобой горять ихъ глаза, но голоса звучатъ притворной лаской:

— Сынъ мой, король ты теперь и въ твоей власти защитить меня, не позволишь ты наругаться надъ матерью твоей, не буду мѣшать я царствовать тебѣ, дай спокойно дожить вѣкъ около тебя.

— А твое желаніе каково, принцесса?

— Ты знаешь его, король!—звучитъ, какъ струна, голосъ.

Грустно смотреть на нихъ королевичъ.

— О, какъ жалки они и какъ живы, гдѣ величіе и гордость, куда ушло все, какъ за жизнь цѣпляются, на всѣ униженія идутъ, и не поймутъ, что смерть лучше униженія ихъ. Какъ ты думаешь, Королевичъ, поступить съ мучителями нашими и твоими?— Неужели помилуешь?— несется тревожный гулъ.

— Слушайте и поймите меня, какъ всегда понимали; отъ королевства отказываюсь, мнѣ оно ненужно, и вамъ не нуженъ царь, сами будете управляться, пора научиться, но волю мою послѣднюю исполнить прошу, поклянитесь мнѣ въ этомъ.

— Все исполнимъ мы, говори!

— Хорошо, я вѣрю вамъ

— Не богатъ я, но долгъ сыновній долженъ исполнить. Замокъ, что только мой, отдаю я матери своей и полную свободу даю имъ обѣимъ, пусть дѣлаютъ съ собою, что хотятъ. . . вотъ и все. . .
Согласны исполнить просьбу мою?

Крики изумленія смѣшались съ восторгомъ.

— Все, что ты прикажешь, исполнимъ свято, клятву даемъ. Не хочешь быть королемъ, такъ главой нашимъ будешь.

— Спасибо,—упало облегченно.—Матушка и ты, принцесса, вы свободны, ступайте.

Молча разступилась толпа, чтобы пропустить ихъ. Но тревожно посмотрѣла королева на сына:

— А ты развѣ не съ нами пойдешь?

— Нѣтъ, другой путь лежитъ мнѣ, и туда я одинъ пойду.

— Онъ нашъ!—заволновалось, зашумѣло кругомъ. Такъ лѣсъ весной, послѣ долгаго сна встрепенувшись, поетъ пѣснь новой жизни, такъ море послѣ бури, улыбаясь невинной улыбкой ребенка, робко катитъ свои воды.

Любовно смотреть народъ на вождя своего, что далъ имъ новую жизнь проснувагося лѣса...

Печально слушала королевичъ восторгъ народа. Что ему любовь всего міра? Только сказкой своей могъ онъ жить, но досказать онъ ея не могъ: весь солнечный, онъ лучшіе лучи свои от-

далъ безплодной пустынь, и мракъ навсегда вселилъ въ душу его свое царство.

И сказалъ онъ имъ:

— Вы побѣдили, и радость творчества ждетъ васъ. Теперь, когда свободенъ я отъ долга своего передъ вами, хочу по своему собой распорядиться: разгула, утѣхи хочу я себѣ. Пусть дрогнуть цѣпи, что сковали меня съ бездной, пусть рушится мѣръ сказки моей, построенной на ледяной скалѣ: зноемъ наполненъ былъ онъ и растаялъ.

Пусть ликуеть сатана во владычествѣ своемъ—рѣдкій гость спѣшитъ къ нему, пусть вѣдьмы готовятъ жаркіе поцѣлуи: имъ понесу я сосудъ, наполненный страданіями и любовью, ихъ купать буду въ слезахъ и страсти, а изъ души моей сдѣлаю имъ игрушку, и забавлять она ихъ будетъ, какъ арфа безъ струнъ дѣтей малыхъ.

Пусть змѣя, что такъ крѣпко обвила сердце мое, порадуетъ: все взяла она у меня, и не жалко мнѣ пустоты моей.

Конецъ разгула моего будетъ тамъ, гдѣ растаяли сны мои; въ этомъ властенъ я!

Пусть знаютъ тѣ, кто любить, что умереть никогда не поздно, но жизнь и смерть должны быть цѣнны.

Сверкудо что-то тонкое, скользнуло по дорожному сосуду, что такъ рѣдко даетъ мѣръ. Спокойно у ногъ любви своей лежалъ мертвый королевичъ.

Анна Антоновская.

Григорій Робакидзе.

ПОЭТУ ФРАНЦІИ.

Твой гений опаленъ звѣздой вихревой.
 Зерномъ безумія ты въ люкъ міровъ нисходишь.
 Какъ мышь крылатая, въ полночныхъ норахъ бродишь.
 Химеръ сгоняетъ съ гнѣздъ умъ сладострастный твой.

Смятеннымъ тѣломъ ты къ Астартѣ льнешь всегда.
 Въ тебѣ Діонисъ каплей луэса ярится.
 Стиху, какъ торбѣ злой, Конь Блѣдный покорится.
 Твой вѣщій позвонокъ томится къ дню Суда.

Свершаютъ на тебя набѣгъ ночныя чары.
 Землей язвленный, ты падучею объятъ.
 Въ утопшихъ кошкахъ вновь засвѣтитъ лунный ядъ.

Въ твоихъ губахъ хаосъ засохнетъ пѣной ярой.
 Песъ солнца на зарѣ твой лижетъ ротъ слюнявый.
 Въ твоихъ сонетахъ бредъ рокочетъ рдяноглавый.

Пер. съ грузинскаго В. Гаприндашвили.

Тиціанъ Табидзе.

Изъ книги: „ХИЛДЕЙСКІЕ ГОРОДА“.

I.

L'ART POÉTIQUE.

Мной возвращень цвѣтокъ Гафиза въ вазѣ треснувшей Прюдома.
 Въ саду Бесики Бодлэра злыхъ цвѣтовъ горитъ истома.
 Все, что духъ въ пути волнуетъ, все, что сердцу скажетъ „стой“
 Отдохнетъ въ странахъ напѣвныхъ, кинетъ дальній отблескъ свой.
 Обезсиленное жаромъ, будетъ чувство не всевластно.
 Я хочу безстрастной страстью сжечь глаза, что смотрятъ страстно.
 Знаю я, что эта лира раздробится отъ стыда,
 Коль стихи свои услышитъ на гитарные лада.
 О, придетъ она, я знаю, что желанна, что за далью,
 Чей восторгъ, чья радость будетъ черно-бѣлою печалью,
 И о снахъ моей Халдеи пропою ей и прочту,
 Бросить солнце на закатѣ блескъ на нашу красоту. . .
 И гляжу я равнодушный на земные балаганы,
 И въ антрактахъ тихо плачу, вижу древность сквозь туманы.
 Если жъ звуки всѣ за мною звонкимъ хоромъ не взлетятъ.
 Соловьиное стремление все жъ пойметъ Грузинскій садъ.

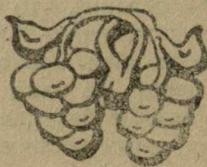
Пер. съ грузинскаго Н. Бобырева.

Паоло Яшвили.

КРАСНЫЕ БЫКИ.

Красныхъ быковъ
 Съ золотыми рогами
 Мы восхваляемъ стихами
 Боговъ.
 Красное видѣніе,—въ горячихъ цвѣтахъ,
 Ждетъ восхваленія въ хороводныхъ словахъ.
 Полднемъ горячая дрожь настаётъ
 Солнце палящее—жжетъ хороводъ.
 Отъ пламени безумствуетъ страна. Взлетаетъ къ небу стонъ.
 Земля, рогами взрытая, пьяна. И воздухъ раскаленъ.
 Быкъ заслоняетъ море намъ. Все въ золотой пыли.
 Крыла молитвы пламенной раскрыться не могли.
 И къ солнцу раскаленный быкъ взлетаетъ за быкомъ.
 Прорѣжетъ воздухъ буйный крикъ громовымъ серебромъ.
 Кто можетъ огненнымъ быкамъ вести спокойный счетъ.
 Земля суровой стала къ намъ, все солнцу отдаетъ.
 Пусть въ стонѣ неутихнувшемъ пылаетъ вся страна,
 Огонь, легко возникнувшій, все сушитъ до черна.
 Онъ долженъ краснымъ знаменемъ къ намъ лѣтомъ путь стремить.
 Лѣса разрушить пламенемъ, пустынной сдѣлать твердь.
 Затѣмъ, чтобъ въ хороводъ одинъ насъ всѣхъ соединить.
 Караетъ слабыхъ властелинъ и красную шлетъ смерть.
 Красныхъ быковъ съ золотыми рогами,
 Васъ, чье явленье вселенную жжетъ,
 Мы восхваляемъ святыми словами,
 Соединяясь въ одинъ хороводъ.

Пер. съ грузинскаго Т. Вечерка-

АНДРЕЙ БЪЛЫЙ

*„Три книги сопровождают меня
„Евангелие“, „Заратустра“ и
„Гоголь“.* Андрей Бѣлый.

1.

Постигнуть тайну поэта значить найти индивидуальный ритмъ его творческой души. Ритмъ души можно выявить на отношеніи поэта къ землѣ: каково у поэта чувство земли, таковъ и жизненный ритмъ его поэтической личности. Въ опредѣленіяхъ художественной характерологии означенный моментъ исключительнаго значенія. Но что разумѣть подь образомъ Земли? Вещи, Время, Хаосъ: вотъ три очертанія ея. „Вещи“: мы видимъ: что-то² возникаетъ, растетъ, зрѣетъ, крѣпнеть; мы видимъ, что оно тлѣетъ, разлагается, распадается, исчезаетъ:—въ безконечномъ потокѣ значить мы воспринимаемъ вещи. Потокъ этотъ въ извилинахъ внутренняго осознанія представляется намъ, какъ „время“: ибо внѣ процесса—внѣ роста и распада, внѣ возникновенія и исчезнованія, времени нѣтъ вовсе. Въ этомъ могутъ быть согласны тайновидцы этого феномена: Плотинъ, Кантъ, Бергсонъ. И такъ: передъ нами вещи во времени. Но есть и третья сфера: Хаосъ. Это: то темное, безликое, безобразное, изъ котораго что-либо возникаетъ, какъ „вещь“. Хаосъ—таинственная грань бытія и небытія: „хаотическое“ не есть еще, но оно можетъ стать: оно—такъ называемое „не-сущее“ древнихъ,—но не въ смыслѣ полного отрицанія сущаго, а въ смыслѣ сѣменного несенія послѣдняго въ темномъ лонѣ Первоединого. Словомъ: вещи во времени и подь ними хаосъ—вотъ что вырисовывается въ очертаніяхъ образа Земли.

Отношеніе къ Землѣ у поэтовъ бываетъ разное. Въ первую группу я поставилъ бы поэтовъ, влюбленныхъ въ Землю. Для нихъ она—великая мать. „Богородица великая мать сыра земля есть“,—передаетъ слова одной старицы хромоножка Марія Лебякина у Достоевскаго (—„Бѣсы“). Ихъ отношеніе къ Землѣ—эротическое (въ античномъ смыслѣ этого слова). „Землю цѣлуй и неустанно, ненасытимо люби, ищи восторга и изступленія сего“,—говоритъ старецъ Зосима у того же Достоевскаго (—„Братья Карамазовы“). Влюб-

ленные въ Землю поэты любятъ ея „плоть“: каждый ея отрѣзокъ, каждый ея слѣпокъ. Художественный геній древней Эллады пластически выразилъ эту влюбленность въ образъ Аеродиты:—изъ пѣны морской родилась Богиня:—сколько эротизма въ воспріятіи тѣла земли! тутъ бѣлопѣнность въ изумрудныхъ струяхъ переливается и отвердѣваетъ въ мраморно-очерченной плоти. И конечно, слова Гомера къ Геѣ (Землѣ)—подлинныя слова любви: „Ты плодovitость, царица, и даешь плодородье... Блаженъ между смертныхъ, кого ты благословеньемъ почтишь: въ изобиліи все онъ имѣетъ; тяжкіе гнутся колосья на нивѣ, на пастбищѣ гучномъ бродятъ безсчетныя стада, и благами домъ его полонъ“... Дѣвушки,—„въ хороводахъ крутятся цвѣтоносныхъ, нѣжные топчуть цвѣты на лугахъ въ ликованіи свѣтломъ... Радуйся мать боговъ, жена многозвѣзднаго неба“ (Перев. В. Вересаева; альм. „Творчество“). И культъ Деметры—культъ Земли: Деметра—душа созрѣвшей нивы; утверждаетъ жизнь Земли: зерно не умираетъ, оно плодится; пиршествуетъ ея ростъ: въ колосьяхъ созрѣвающей нивы слышится дыханіе Деметры. Эта влюбленность въ тѣло Земли рождаетъ у поэтовъ любовь къ вещамъ, ко всѣмъ вещамъ, даже къ самымъ малымъ. „Время“ не ложится тяжелымъ бременемъ на ихъ сознаніе: наоборотъ: въ самой текучести времени они усматриваютъ ростъ, созрѣванье, цвѣтенье вещей. Не страшень имъ и „хаосъ“: въ немъ они чувствуютъ праматерное лоно всякаго бытія,—хоть и темное и безликое, но все-жъ „родимое“ и родное. Отсюда: необычайная страсть такихъ творцовъ къ оплодотворенію, къ рожденію, къ воплощенію, къ оформленію; отсюда-же: исключительная стройность, солнечная освѣтленность ихъ душевнаго ритма—„свѣтлое ликованіе“ Гомера. Таковы творцы: Гомеръ, Тиціанъ, Гете, Пушкинъ, Толстой. Среди молодыхъ могу назвать Сергѣя Городецкаго начальнаго періода. Интересно отмѣтить, что у Пушкина нѣтъ Тютчевскаго страха передъ „хаосомъ“: онъ учитъ его темный языкъ.

Возможно и другое отношеніе къ Землѣ. Есть творцы, которые Земли не любятъ вовсе. Иные изъ нихъ подчасъ и отвращеніе пытаются къ ней. Ихъ мрачный взоръ обращенъ исключительно на разложеніе и распадъ вещей: всюду для нихъ—тлѣніе, гніеніе, смерть. Плоть земли ихъ не радуетъ вовсе: они ее и не чувствуютъ, или, если чувствуютъ, то только какъ язвенный трупъ. Имъ понятно искаженіе лица Земли, то самое, которое мы видимъ иногда въ корчахъ тѣла въ минуты ея трясенія. Время ихъ давитъ своей нескончаемостью: оно рождаетъ въ ихъ сознаніи неземную „скуку“: нѣтъ вѣчности разрѣшенной,—а есть только закоптѣлая баня съ пауками (—слова Свидригайлова у Достоевскаго),—или: вѣчность какъ „паукъ въ паукъ“ (у Ницше),—или: подземный погребъ, освѣтенный иглой, куда безсиль-

но бьется летучая мышь (у Бодлера въ „Сплинѣ“),—или: просто теченіе явленій, а по окнамъ ползають пауки (у Маллармэ). Всюду—паучья сѣть: скука неземная. „О, скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“—кричатъ одинъ изъ такихъ поэтовъ. Они не любятъ твари и тварности: въ твари и тварности видятъ они не благодать вовсе, а лишь одно проклятiе. И манить ихъ въ темную бездну Хаосъ: только не для рожденія танцующей звѣзды (—какъ властно жаждалъ Ницше), а для провала въ небытіе, въ окончательное безуміе. Понятенъ и способъ ихъ творческаго выраженія: вмѣсто воплощенія—развеществленіе, вмѣсто оформленной плоти—геометрической скелетъ, вмѣсто зрѣлаго плода—отвратительныя чудовища. Къ такимъ творцамъ принадлежать: Гоголь, Гойя, Пикассо, отчасти Бодлеръ.

Таковы двѣ группы поэтовъ. Если въ это разграниченіе внести апокалипсической моментъ, получатся двѣ другія параллельныя группы. Есть творцы, тоже влюбленные въ плоть Земли,—въ ея оплодотворенія, въ ея ростъ, въ ея цвѣтенія; но во всемъ этомъ они провидятъ и другое: „дальнее“: видѣніе, что должно стать наконецъ пластически оформленнымъ: сонная греза, что должна принять окончательную плоть; они видятъ вещи, но провидятъ черезъ вещи иныя вещи: „новое небо и новую землю“; вещи существующія для ихъ сознанія—только „вещей обличеніе невидимыхъ“. Они любятъ плоть Земли, но Земли преображенной; но нѣтъ у нихъ нелюбви къ плоти существующей Земли: ибо въ ея сѣмени заложена ея будущая плоть. Для нихъ Земля—Душа міра, Софія, вѣчная женственность: и ждетъ она оплодотворенія отъ Солнца и рожденія отъ Вѣчности. Они не ощущаютъ тяжести времени съ ея неземной скукой,—но чувствуютъ напряженно, что вотъ-вотъ время остановится вдругъ и наступитъ „вѣчная гармонія“ Кириллова Достоевскаго въ преображеніи Земли (—ибо „человѣкъ не можетъ выдержать, не перемѣнившись физически“). Поэтовъ съ апокалипсическимъ ритмомъ души особенно много въ Россіи, въ странѣ, по существу катастрофической. Владимиръ Соловьевъ, Достоевскій, Мержковскій, Блокъ—поэты даннаго порядка. Въ выжженныхъ пустыняхъ Египта видѣлъ Соловьевъ Ее, безымянную (Душу міра: Землю) и закрѣпилъ это видѣніе поэтъ въ мягкихъ линіяхъ луннаго созерцанія,—а въ „Трехъ разговорахъ“ онъ поистинѣ заговорилъ факельнымъ языкомъ св. Іоанна. Достоевскій—сплошная стихія Апокалипсиса; но ритмъ его души не можетъ быть исчерпанъ послѣднимъ; въ его душѣ слышится скорѣй симфонической перебой ритмовъ многихъ. Мережковскій является мистическимъ архитекторомъ апокалипсическихъ конвульсій. Блокъ разрѣшилъ Ее (—Землю) въ Прекрасную Даму: онъ—рыцарь ея и въ утонченной влюбленности въ нее воспринимаетъ онъ ее до чувственно-конкретныхъ прикосновеній. Я бы на-

звалъ тутъ и имя Брюсова, — но его „Конь Блѣдъ“ только „тема“ (а не ритмъ) его души, хотя и мастерски разрѣшенная.

Возможенъ и другой типъ поэта съ апокалипсическимъ ритмомъ души. Онъ тоже всецѣло отъ Апокалипсиса, — но ритмъ его души проходитъ не черезъ любовь къ плоти міра, а черезъ отвращеніе къ тѣлу Земли. Онъ принадлежитъ къ группѣ творцовъ, не любящихъ Землю; но въ то время, какъ послѣдніе въ своей нелюбви къ Землѣ останавливаются на разложеніи предметнаго міра, означенный поэтъ нелюбовь къ Землѣ разрѣшаетъ въ окончательное испепеленіе ея. Онъ близокъ къ поэтамъ — апокалиптикамъ; но въ то время, какъ послѣдніе жаждутъ „новаго неба и новой Земли“ черезъ любовное преображеніе плоти міра, означенный поэтъ волилъ, чтобы „новое небо и новая Земля“ явились черезъ яростное испепеленіе плоти того же міра. Этимъ поэтомъ является Андрей Бѣлый. Не даромъ онъ выбралъ такой псевдонимъ: „Бѣлый“ — образъ апокалипсическій ... „новое имя, котораго никто не знаетъ, кромѣ того, кто получаетъ“); оно начертано на „бѣломъ камнѣ“ души; „Андрей“; невольно является мысль о „первозванности“ (— Андрей Первозванный). Андрей Бѣлый дѣйствительно оправдалъ свой псевдонимъ.

2.

„Нѣтъ никакой раздѣльности. Жизнь едина. Возникновеніе многаго только иллюзія. Какія бы мы ни устанавливали перегородки между явленіями міра — эти перегородки невещественны и немислимы прямо. Ихъ создаютъ различные виды отношеній чего-то единаго къ самому себѣ. Множественность возникаетъ, какъ опосредствованіе единства, — какъ различіе складокъ все той же ткани, все тѣмъ же оформленной. Сорвана вуаль съ міра — и эти фабрики, люди, растенія исчезнутъ; міръ, какъ спящая красавица, проснется къ цѣльности, тряхнетъ жемчужнымъ кокошникомъ; ликъ вспыхнетъ зарей; глаза, какъ лазурь; ланиты, какъ снѣговныя тучки; уста — огонь. Встанетъ — засиѣтся красавица. Черныя тучи, занавѣсившія ее, будутъ пробиты ея лучами; онъ вспыхнетъ огнемъ и кровью: обозначится на нихъ очертаніе дракона: вотъ побѣжденный красный драконъ будетъ разсѣянъ среди чистаго неба“ (Апок. въ рус. поэзій; сб. „Л. З.“). Таково мірочувствіе Бѣлаго: и онъ стремится всюду и всегда перешагнуть за грань оформленнаго: „Есть тайная связь всѣхъ тѣхъ, кто перешагнулъ эту грань оформленнаго. Они знаютъ другъ друга“ („Лугъ зеленый“: статья того же названія). Итакъ: бытіе для Бѣлаго призрачно: грани бытія невещественны и немислимы вовсе: онъ — лишь обманчивыя складки волшебнаго покрывала лучистой Майи. Оформленность — призракъ: грань оформленнаго надо перешагнуть. Отсюда нерасположеніе

Вѣлага къ Землѣ: оформленность Земли—плоть Земли. Онъ не знаетъ той любви къ Землѣ, которую испытываетъ къ ней Пушкинъ; онъ питаетъ къ Землѣ нелюбовь къ ней Гоголя; въ отличіе отъ Гоголя, онъ жаждетъ апокалипсическаго разрѣшенія Земли; но жаждетъ опять не желаньемъ Блока: черезъ преображеніе все той же плоти,—а страшнымъ хотѣніемъ испепеленія ея до тла; и тамъ, гдѣ Блокъ говоритъ: „О, Русь моя, жена моя!“—Бѣлый скажетъ: „Исчезни въ пространство, исчезни, Россія, Россія моя!“. Въ концѣ концовъ, Андрей Бѣлый—тотъ же Гоголь, но только съ огненнымъ взоромъ Апокалипсиса. И сумрачность Гоголя еще болѣе обостряетъ его апокалипсическій темпераментъ. Пишетъ ли Бѣлый, говоритъ ли Бѣлый (—я слышалъ его только разъ въ Парижѣ въ 1907 г. на лекціи Мережковскаго),—ощущаешь всегда какую-то жуть: чувствуешь, что вотъ—вотъ остановится для его сознанія время и „красный драконъ“ разсѣется въ пыль. Пишетъ ли Бѣлый, говоритъ ли Бѣлый,—ощущаешь всегда, что вотъ—вотъ заплетется, оборвется его рѣчь, залепечетъ онъ, засмѣется онъ смѣхомъ безумія и уйдетъ онъ безповоротно въ иракъ Хаоса. Пишетъ ли Бѣлый, говоритъ ли Бѣлый,—ощущаешь всегда то благодать „священнаго безумія“ (—благодать сошествія св. Духа), то проклятіе „неправаго безумія“ (—ужась строенія Вавилонской башни). Андрей Бѣлый—настоящій эпилептикъ отъ Апокалипсиса. Недаромъ такъ геніально передана Достоевскимъ эпилепсія, какъ болѣзнь священная, дающая возможность „касанія мірамъ инымъ“, на христіански—діонисическомъ образѣ князя Мышкина и на жертвенномъ безуміи Кириллова. Такъ и кажется иногда, что Андрей Бѣлый—князь Мышкинъ весь, безумствующій словами Кириллова. Апокалипсическій эпилептикъ, онъ потому такъ страстно отдается безумнымъ глаголамъ темно—ликаго Хаоса. Эти глаголы слышатся въ его „Симфоніяхъ“,—гдѣ онъ силится при помощи напряженнаго словеснаго контрапункта обуздать ихъ яростное безуміе,—слышатся они и въ его стихахъ,—гдѣ испепеленная душа его съ неземной тоской несется безкрылая по выжженнымъ роднымъ раздольямъ.

Золотому блеску вѣрилъ,
А умеръ отъ солнечныхъ стрѣлъ,
Душой вѣка измѣрилъ,
А живишь прожить не сумѣлъ.

Не смѣйтесь надъ мертвымъ востомъ,
Снесите ему вѣнокъ,
На крестѣ и зимой и лѣтомъ
Мой фарфоровый бьется вѣнокъ,

Цвѣты на немъ побиты,
Образокъ полинялъ.
Тяжелыя плиты:
Жду, чтобъ ихъ кто-нибудь снялъ.

Любилъ только звонъ колокольный
И ваять.
Отчего мнѣ такъ больно, больно!
Я не виноватъ.

Пожалѣйте, кридите;
Навстрѣчу вѣнкомъ метнусь.
О, любите меня, полюбите—
Я, быть можетъ, не умерь, быть можетъ, проснусь—
Вернусь... („Друзьямъ“, 1907 г.).

„Отчаяніе“ (1908):

Довольно: не жди, не надѣйся—
Развѣйся мой бѣдный народъ!
Въ пространства пади и разбейся
За годомъ мучительный годъ.

Вѣка нищеты и безвопья!
Позволь же о, рсдина—мать,
Въ сырое, пустое раздолье,
Въ раздолье твое прорыдать.

Туда, на равнинѣ горбатой,
Гдѣ стая зеленыхъ дубовъ
Волнуется купой поднятой
Въ косматый свинецъ облаковъ,—

Гдѣ по полю Оторопь рыщетъ,
Возставъ сухорукимъ кустомъ,
И вѣтеръ пронзительно свищетъ
Вѣтвистымъ своимъ лоскутомъ,—

Гдѣ въ душу мнѣ смотреть изъ ночи..
Поднявшись надъ сѣтью бугровъ,
Жестокія желтыя очи
Безумныхъ твоихъ кабаковъ,—

Туда, гдѣ смертей и болѣзней,
Лихая прошла колея,—
Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія, Россія моя!

3.

„Гоголь оторвался отъ того, что мы называемъ дѣйствительностью,—пишетъ въ своей замѣчательной статьѣ Андрей Бѣлый о Гоголѣ (Лугъ Зеленый). Кто-то изъ подъ его ногъ выдернулъ землю; осталась въ немъ память о землѣ; земля человечества разложилась для него въ эфиръ и навозъ; а существа, населяющія землю, превратились въ безтѣлесныя души, ищущіясебѣ новыя тѣла: ихъ тѣла—не тѣла: облачный туманъ, пронизанный мѣсяцемъ; или они стали челоѣкообразными рѣдками, вырастающими въ навозѣ“. Посмотримъ: не такъ-же ли оторвался Бѣлый отъ земли. Въ 1906—08 годахъ Андрей Бѣлый пишетъ первую часть трилогіи „Востокъ или Западъ“—романъ „Серебряный Голубъ“. Онъ подошелъ тутъ къ матери—землѣ, подошелъ къ Россіи, подошелъ подлинно. И увидѣлъ онъ въ ея материнскомъ лонѣ темную стихію варварскаго діонисизма: „Голуби“—это секта хлыстовъ, въ ночныхъ, религиозно-половыхъ радѣніяхъ ищущихъ рожденія „Младенца“. Здругъ, въ шумѣ неистовыхъ круженій и половыхъ восторговъ,—гдѣ темная стихія безликаго пола утверждаетъ себя въ мучительно-сладостныхъ касаніяхъ незнающихъ лика другъ друга участниковъ оргіазма,—вдругъ „накатываетъ духъ“ и рождается „просвѣтленный юноша—дитя“. Среди нихъ царитъ хлыстовская богородица, рябая баба Матрена. Поэтъ Дарьяльскій идетъ къ нимъ. Онъ погруженъ весь въ міръ древней Эллады, гдѣ, темноликій и многоликій Діонисъ пиршественно утверждалъ себя,—и снится ему, что хлы-

стовскія раднія по существу то же, что и дѳонисическія изступленія. „мнилось ему, будто въ глубинѣ родного его народа бьется народу родная и еще жизненно не пережитая старинная старина—древняя Греція“. Дарьяльскій влюбляется въ Матрену какой-то темной любовью. „Рябая баба Матрена“—это нутрянная тяга хаотической земли. Образъ ея поистинѣ страшенъ и притягателенъ. Андрей Бѣлый, который, подобно Гоголю, совершенно не властенъ передать живую плоть женской половой психики, въ образѣ Матрены даетъ на фонѣ русскихъ овраговъ (—о, какъ ихъ чувствуетъ Бѣлый!) неслыханную влажность мистически осознанной безликой половой стихіи земли. Матрена—не красивая: она рябая (—въ этомъ сказалась не любовь Бѣлаго къ плоти, къ „оформленности“); но подъ рябинами ея лица струится волевой взглядъ, манящій и зовущій въ темное лоно земли. Дарьяльскій устоять не могъ: онъ полюбилъ Матрену. Но Матренѣ нужна безмѣрная любовь, любовь солнца: покоряющая и проникающая, могущая овладѣть женской стихіей до конца, любовь, несущая свѣтоносное сѣмя подлиннаго оплодотворенія. Такую любовь Дарьяльскій не можетъ дать Матренѣ,—и онъ гибнетъ: его убиваютъ. Въ этомъ ритмѣ романа. Темная стихія остается не одолѣнной и не освѣтленной: остается:—„ужасъ, петля, яма: не Русь, а какая-то темная бездна востока претъ на Русь изъ этихъ раднѣемъ истонченныхъ тѣлъ“.

4.

Итакъ: Андрей Бѣлый не побѣдилъ темной стихіи Земли. Онъ ушелъ отъ нея: ушелъ такъ же, какъ ушелъ и Гоголь. „Русь! Чего хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами?“ („Мертвыя души“),—преслѣдуетъ Гоголя Русь, „мать сыра земля“. Такъ же преслѣдуетъ Русь Бѣлаго въ образѣ Петербурга: „Петербургъ, Петербургъ! Осаждаясь туманомъ, и меня ты преслѣдовалъ праздною мозговой игрой: ты—мучитель жестокосердый; ты—непокойный призракъ; ты, бывало, года на меня нападалъ; бѣгалъ я на твоихъ ужасныхъ проспектахъ и съ разбѣга взлеталъ на чугунный тотъ мостъ, начинающійся съ края земного, чтобъ вести въ безкрайную даль; за Невой, въ потусвѣтной, зеленой тамъ дали—повозстали призраки острововъ и домовъ, обольщая тщетной надеждою, что тотъ край есть дѣйствительность, и что онъ—на воюющая безкрайность, которая выгоняетъ на петербургскую улицу блѣдный дымъ облаковъ“. Въ отвѣтъ на это преслѣдованіе Бѣлый далъ вторую часть означенной трилогіи—замѣчательный романъ „Петербургъ“ (1911—1913 г.г.).

Оторвавшись отъ Земли, Бѣлый Русь превратилъ въ призракъ. Гоголь пыталъ отвращеніе къ Землѣ и рождалъ безобразныя чудища: всюду—„рыло“: то „рѣдка“, то просто „звѣрье“. Андрей Бѣлый пы-

тался подойти къ Землѣ.—но, не имѣя силъ солнечно ее оплодотворить, отвернулся отъ нея и началъ выбрасывать астральные выкидыши. Сперва объ его отвращеніи къ плоти. У провокатора Липпанченко дубоватые пальцы съ обгрызанными ногтями; онъ—жирный хохоль, но на хохла не похожъ вовсе: какая-то помѣсь семита съ монголомъ; онъ высокъ и толстъ; желтоватое лицо его неприятно плаваетъ въ собственномъ подбородкѣ, выпертомъ крахмальнымъ воротничкомъ; голова его—голова недоноска; лобъ узкій; „чей-то хиленкій мозгъ обросъ ранѣ срока жировыми и костяными наростами“; террористъ Дудкинъ заходитъ къ нему—и вотъ картина: „вовсе къ столику принагнулась квадратная голова (надъ спиной виднѣлся лишь крашемный кокъ), подставляя широкую шускулистую спину съ, должно быть, невымытой шеей; спина какъ-то выдавалась, подставляясь взору; и подставлялась не такъ; не прилично, а... какъ-то... глумливо“; и далѣе: „безликой улыбкой повывадилась межъ спиной и затылкомъ жировая шейная складка: точно въ креслѣ тамъ засѣло чудовище; и представилась шея лицомъ; точно въ креслѣ засѣло чудовище съ безносою, безглазою харею; и представилась шейная складка—беззубо разорваннымъ ртомъ“. Беззубая, безносая харя,—жировая шейная складка—точно беззубо разорванный ротъ,—это ли не съ палитры Гоголя?? И еще: Аполлонъ Аполлоновичъ Аплеуховъ:—рачьа шея съ оттопыренными ушами; его сынъ Николай Аполлоновичъ:—лицо „богоподобное“, но въ тоже время какъ будто и „лягушенокъ“. Таково ощущеніе плоти у Бѣлаго. Отвращеніе къ тѣлесности у него переходитъ въ какое-то омерзеніе къ самому органу всего плотскаго, къ полу: Николай Аполлоновичъ полюбилъ Софью Петровну, но полюбилъ въ немъ не богъ, а „лягушонокъ“; Софья Петровна полюбила Николая Аполлоновича, но такъ, что „ангелъ“ въ ней полюбила въ немъ „бога“,—а „бабенка“ въ ней полюбила въ немъ „гаденькую улыбку“, т. е. „лягушенка, (—сначала возмущалась этой улыбкой, а потомъ полюбила само возмущеніе). Словомъ: въ художественномъ сознаніи Бѣлаго полъ носить въ себѣ что-то гадливое, отвратительное: нѣтъ въ немъ святости и дѣвственности Земли:—омерзительнымъ выведенъ актъ зачатія Николая Аполлоновича. Но это еще ничего. Въ своемъ отвращеніи къ плоти Земли Андрей Бѣлый доходитъ до отвращенія къ родному, къ естеству. Это исключительное ощущеніе доведено Андреемъ Бѣлымъ до предѣла въ изумительной сценѣ: Аполлонъ Аполлоновичъ уронилъ карандашъ; Николай Аполлоновичъ нагнулся его поднимать; А. А. бросился его упреждать; споткнулся; Н. А. схватилъ его—и увидѣлъ „желтую жироватую шею отца, напоминающую выцвѣтшій рачій хвостъ (сбоку билась артерія)“; и далѣе: „теплая пульсація шеи испугала его, и отдернулъ онъ руку, но—поздно отдернулъ: подъ прикоснове

нестъ его холодной руки (всегда чуть потѣвшей) А. А. повернулся и увидѣлъ—тотъ самый взглядъ". Т. е.,—добавимъ ми: взглядъ отъращения, пускающаго смертоносное жало. Омерзене къ естеству дальше этого пойти не можетъ. Тутъ въ нелюбви къ плоти, Андрей Бѣлый превзошелъ самого Гоголя. Земля еще мрачнѣе выдержулась изъподъ его ногъ.

5.

У Гоголя... „чувства стали уже чувствами не человѣковъ, а какихъ-то еще невоплощенныхъ существъ,—пишетъ Бѣлый въ той же статьѣ о Гоголѣ; летающая вѣдьма и грязная баба; Шпонька, описанный какъ овощъ, и Шпонька, испытывающій экстазъ,—несоединимы; далекое прошлое человѣчества (звѣрье) и далекое будущее (ангелство) видѣлъ Гоголь въ настоящемъ". Но, если Гоголь разложилъ людей на „звѣрье“ и „рѣпь“ (—слова Бѣлаго), то Бѣлый разложилъ людей на астральные флюиды:—и предметы тоже. Въ своей нелюбви къ плоти Земли онъ пошелъ такъ далеко, что совершенно разрушилъ физическій планъ бытія и перевелъ бытіе въ астральные сферы. Такъ, напримѣръ: Николай Аполлоновичъ,¹ запершись на ключъ въ комнату и продумывая силлогизмы своихъ мысленныхъ построеній, „чувствовалъ тѣло свое пролитымъ во „вселенную“, т. е. въ комнату; голова же этого тѣла смѣщалась въ головку пузатенькаго стекла электрической лампы подъ кокетливымъ абажуромъ“; далѣе: „старый сенаторъ (А. А.) передъ отходомъ ко сну ощущалъ, будто смотреть не онъ, „а нѣчто, засѣвшее въ мозгъ и оттуда, изъ мозга глядящее“; еще: Н. А., лишившійся тѣла, все же чувствовалъ тѣло: „нѣкій невидимый центръ, бывший прежде и сознаниемъ, и Я, оказался имѣющимъ подобіе прежняго, испепеленнаго: предпосылки логики Н. А. обернулись костями; силлогизмы вдругъ этихъ костей завернулись жестокими сухожильями; содержаніе же логической дѣятельности обросло и мясомъ, и кожей; такъ Я Н. А. снова явило свой тѣлесный образъ, хоть и не было тѣломъ; и въ этомъ не тѣлѣ (въ разорвавшемся Я) открылось чуждое „я“: это Я пробѣжало съ Сатурна и вернулось къ Сатурну“; не надо быть особенно посвященнымъ въ теософію, чтобъ видѣть, что тутъ это второе тѣло Н. А. является такъ—называемымъ „астральнымъ тѣломъ“ (—своего рода Демокритовская „оболочка“, хранящая отъ разрушенія тѣнь вещей: двойникъ); или еще: террористъ Дудкинъ видитъ сонъ, будто его дырявая туфля есть живое созданіе: „комнатное созданіе, что лм, какъ собачка или кошка; она самостоятельно шлепала, переползая по комнатѣ и шурша во угламъ“; словомъ: всюду—разложеніе физическаго плана въ астраль-

ный планъ: вмѣсто плоти—флюидъ, вмѣсто земляного тѣла—астральный выкидышъ.

Въ связи съ астральнымъ мірочувствіемъ у Бѣлаго замѣчается какая-то тягость отъ „пространства“ въ планѣ физическомъ. Почти всѣ его герои страдаютъ боязнью пространства. Эту боязнь Бѣлый находитъ у русскаго народа вообще: „русскій народъ еще доселѣ въ пространствахъ умѣетъ видѣть нечистую силу: разные бѣсы? въ холодныхъ, голодныхъ, въ безплодныхъ нашихъ степяхъ“ (Лугъ зеленый; статья: Настоящее и будущее русской литературы). Онъ же далъ изумительный образъ бродяги, гдѣ роль опредѣлительнаго рисунка играетъ пространство: „въ родную деревню, пространствами стертый, бредеть“... Съ ощущеніемъ астральнаго связано у Бѣлаго и чувство времени: въ единицу времени у него протекаетъ безконечный и громадный рядъ событій: событія въ „Петербургѣ“ изложены въ 633 страницы и протекаютъ они въ 24 часа съ лишнимъ. Острое чувство времени у Бѣлаго разрѣшается въ „безвремяе“: ибо, если допустить, что въ единый мигъ пролетаетъ вѣчность, то времени нѣтъ ужъ больше:—еще одинъ штрихъ апокалипсическаго міроощущенія.

Но въ чемъ содержаніе самого романа? Николай Аполлоновичъ, сынъ сенатора Аполлона Аполлоновича Аплеухова, опрометчиво связалъ себя общаньемъ передъ революціонной партіей. Террористъ Дудкинъ даетъ ему на храненіе „сардинницу ужаснаго содержанія“ (бомбу съ часовымъ механизмомъ). Липпанченко, членъ одновременно и революціонной партіи и „охранки“, требуетъ отъ имени партіи анонимно, чтобы сынъ (Н. А.) подложилъ бомбу отцу. Больной Дудкинъ догадывается о провокаціи и въ припадкѣ безумія убиваетъ Липпанченко. Но Н. А. уже завелъ часовой механизмъ бомбы,—а отецъ его, ничего не подозрѣвая, случайно занесъ бомбу въ свой кабинетъ. Узнавъ обо всемъ, сынъ въ ужасѣ ищетъ „сардинницу“,—но не находитъ. Ночью взрывается бомба въ пустомъ кабинетѣ. Происходитъ нѣчто страшное: отецъ думаетъ, что сынъ хотѣлъ его убить,—а у сына нѣтъ возможности доказать ему противное. Вотъ вся фабула романа.

Это не сюжетъ въ строгомъ смыслѣ слова: это скорѣй сонмъ-булическое разрѣшеніе полагаемаго сюжета: и потому такъ „безсодержателенъ“ онъ и въ тоже время такъ тягуче длинноватъ. Настоящимъ героемъ романа является самъ Петербургъ (—это одно нѣчто исключительное во всемірной литературѣ): городъ, магическій вызванный Петромъ изъ финскихъ болотныхъ тумановъ,—городъ, въ дыханіи котораго почувствовалъ Пушкинъ „Мѣднаго Всадника“,—городъ, на фонѣ котораго разрѣшалъ Достоевскій гениальное воспаленіе своей

фантазіи,—городъ, гдѣ, по слову Ницше, рѣшаются такія вещи, о которыхъ не снилось даже артистически-нервному Парижу,—городъ фантастичнѣйшій изъ всѣхъ городовъ земного шара. Бредитъ Петербургъ, бредитъ о чемъ-то великомъ, міровомъ, катастрофическомъ,—и за одно съ нимъ бредятъ его герои, бредятъ все о томъ же. Оттого послѣдніе не люди вовсе: „Родъ ублюдочный пошелъ съ острововъ—ни люди, ни тѣни,—осѣдая на грани другъ другу чуждыхъ міровъ“. Они—тѣни Петербурга: оттого такъ часто переходятъ они другъ въ друга: бредятъ общимъ бредомъ: Аполлонъ Аполлоновичъ, напр., бредитъ думой своего сына; Николай Аполлоновичъ—думой своего отца. Но въ этомъ бредѣ Петербурга есть желѣзная стройность. Не даромъ авторъ сообщаетъ: „Пирамида—бредъ геометріи“. Геометрически очерчена пирамидальность Петербургскаго бреда.

Но въ чемъ суть этого бреда? Въ міровомъ нигилизмѣ, который долженъ дать Петербургъ міру: нигилизмъ этотъ—послѣдняя фаза вселенной наканунѣ ея апокалипсическаго испепеленія. Въ самомъ дѣлѣ: Петербургъ—„праздная мозговая игра“: „это только кажется, что онъ существуетъ“; Петербургъ—призракъ. Точно такой же природы его герои. Аполлонъ Аполлоновичъ—бюрократъ: для него все нумерація: „по домамъ, этажамъ и по комнатамъ на вѣковѣчныя времена“; въ кубахъ и квадратахъ рѣшается для него все многообразіе жизни. Онъ реакціонеръ,—и потому въ существѣ своемъ нигилистъ до конца. Но такимъ же нигилистомъ по существу является и его сынъ (Николай Аполлоновичъ): революціонеръ: онъ призванъ только разрушать. Вдобавокъ: онъ—кантіанецъ; болѣе того: онъ—когеніанецъ. Кантъ превратилъ весь міръ въ гносеологическій призракъ, гдѣ само человеческое „Я“ является однимъ изъ явленій (—только „явленій“) въ ряду другихъ явленій; Когенъ превратилъ кантіанство въ „мозговую игру“ схоластики, гдѣ вмѣсто жизне-дѣйственнаго Эроса слышенъ лишь костлявый шумъ высушенной логики; и понятно: Николай Аполлоновичъ—„самому себѣ предоставленный центръ, серія изъ центра истекающихъ логическихъ предпосылокъ, предопредѣляющихъ все—душу, мысль“. По существу и онъ значить нигилистъ. Но это еще ничего. Реакціонера—отца и революціонера—сына объединяетъ общность происхожденія отъ дальняго монгольскаго предка, Абъ-Лай-Ухова: а монгольская стихія, по сознанію Вѣлаго (частичное наслѣдіе отъ Вл. Соловьева), нигилистична въ самой крови. Осознаніе нигилизма въ монголизмѣ происходитъ въ Николаѣ Аполлоновичѣ въ моментъ „пульсаціи стихійнаго тѣла“: мысленно допустивъ убійство отца, Николай Аполлоновичъ астральнымъ тѣломъ своимъ почувствовалъ, что время вернулось къ нему обрато: онъ видитъ „преподобнаго монгола“ (туранца—своего предка): и вспомнилъ онъ, что этотъ монголъ онъ

Самъ и есть на самомъ дѣлѣ: онъ „воплощался многое множество разъ; воплотился и нынѣ: въ кровь и плоть столбового дворянина Россійской имперіи, чтобъ исполнить одну стародавнюю, заповѣдную цѣль: расшатать всѣ устои; въ испорченной арійской крови долженъ былъ разгорѣться Старинный Драконъ и все пожрать пламенемъ“.

Такова композиція романа: Петербургъ—загадочный призракъ; онъ—символь призрачной Земли; тамъ проложить путь Драконъ при помощи нигилизма; тамъ же произойдетъ схватка Дракона съ Христомъ. Метафизическій идиотизмъ (—нигилизмъ духа) воплощенъ въ романѣ въ образѣ какого-то персидскаго ублюдка Шишнарфиэ; Христосъ явленъ въ образѣ „кого-то печальнаго и длиннаго“: борода его „будто связка спѣлыхъ колосьевъ“: и „свѣтъ струится такъ грустно отъ чепа его, отъ его костенѣющихъ пальцевъ“. Но въ романѣ схватка эта—только намекъ: (—вспомнимъ бредъ объ Откровеніи Дудкина и Николая Аполлоновича): она вся—въ линіи будущаго.

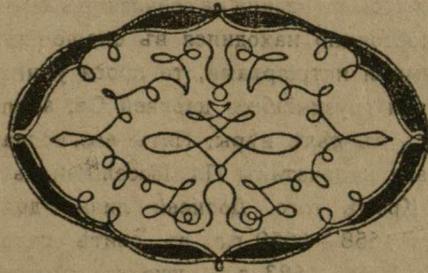
Такимъ образомъ: Андрей Бѣлый на образѣ Петербурга даль апокалипсическое (—и притомъ: черезъ испепеленіе) отрицаніе земли.

7.

Но интересно знать, каково отношеніе автора къ создателю Петербурга, мѣдннй призракъ котораго является въ романѣ не менѣе активнымъ лицомъ, чѣмъ самъ Петербургъ. Прежде всего послушаемъ страстное слово автора: „Съ той чреватой поры, какъ примчался къ Невскому берегу металлическій Всадникъ, съ той чреватой днями поры, какъ онъ бросилъ коня на финляндскій гранитъ, на двое раздѣлилась Россія, на двое раздѣлились и самыя судьбы отечества...Разъ взлетѣвъ на дыбы и глазами мѣряя воздухъ, мѣдннй конь копыть не опуститъ: прыжокъ надъ исторіей—будетъ; великое будетъ волненіе; разсѣчется земля; самыя горы обрушатся отъ великаго треска; а родныя равнины отъ труса изойдутъ повсюду горбомъ. На горбахъ окажется Нижній, Владиміръ и Угличъ. Петербургъ же опустится. Бросятся съ мѣстъ своихъ въ эти дни всѣ народы земные; брань великая будетъ—брань, небывалая въ мірѣ: желтыя полчища азіатовъ, тронувшись съ насиженныхъ мѣстъ, обагрятъ поля европейскія океанами крови; будетъ, будетъ Цусима! Будетъ—иновая Калка!...Куликово поле, я жду тебя! Возсіяетъ въ тотъ день и солнце надъ моею родною землей. Если, солнце, ты не ззойдешь, то, о Солнце, подъ монгольской тяжелой пятой опустятся европейскіе берега, и надъ этими берегами закурчавится пѣна; земнородныя существа вновь опустятся ко дну океановъ—въ прародимые, въ давно забытые хаосы...Встань, о Солнце!...“ Въ этихъ словахъ ясно:—Петербургъ опустится: ибо онъ нигилистиченъ въ корнѣ. Но отрицать просто его—нельзя: на двое раздѣлились

въ немъ судьбы Россіи (—и слѣдовательно: судьбы міра). Петербургъ... какъ загадочный предметъ выявленія чего-то значительнаго, мирового, не есть просто призракъ: онъ въ тоже время дѣйственный символъ: —въ этомъ его значительность. Отсюда—нѣкоторое двойственное отношеніе къ нему автора. Этимъ отношеніемъ можетъ быть выяснено до нѣкоторой степени и его отношеніе къ творцу Петербурга: Петръ загадоченъ въ романѣ. Съ одной стороны, онъ ведетъ Дудкина убить Липпанченко; а съ другой—убійца является карриатурой его: убивъ провокатора ножницами, Дудкинъ „на мертвеца сѣлъ верхомъ; онъ сжималъ въ рукѣ ножницы; руку эту простеръ онъ...; усики его вздернулись къверху“. Впрочемъ: трилогія еще не кончена.

Григорій Робакидзе.

ДИВАНЪ АБХАЗСКИХЪ ЦАРЕЙ.

Что заключала въ себѣ такъ называемая „Исторія Абхазіи царя Баграта“, которою пользовался іерусалимскій патріархъ Досиеей для своей „Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ“.

Извѣстный своею необыкновенною дѣятельностью, энергичный и образованный іерусалимскій патріархъ Досиеей Нотара (1669—1707), оказавшій большія услуги не только Іерусалимской церкви, но и вообще православію, оставилъ намъ многочисленныя сочиненія, изъ которыхъ безспорно первое мѣсто занимаетъ „Исторія іерусалимскихъ патріарховъ“. Книга была издана на греческомъ языкѣ въ Бухарестѣ въ 1715 г. Досиеей постоянно находился въ сношеніяхъ съ грузинскими царями, владѣтелями и патріархами, то прося у нихъ денегъ для выкупа и возобновленія грузинскихъ церквей Св. земли, то давая совѣты и наставляя ихъ въ дѣлѣ вѣры. Пять его посланій въ переводѣ Порфирія Успенскаго напечатаны Пл. Юсселиани въ „Духовномъ Вѣстникѣ“ въ 1866 г. Кромѣ того, Досиеей лично два раза пріѣзжалъ въ Грузію, разъ въ 1658—1659 г.г. въ свитѣ патріарха Паисія, во второй разъ въ 1681—1683 г.г. уже въ качествѣ іерусалимскаго патріарха. Довольно хорошо зная нашу страну, Досиеей даетъ многочисленныя свѣдѣнія о Грузіи въ своей „Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ“. М. Броссе воспользовался свѣдѣніями Досиеея для статьи „De l'état religieux et politique de la Géorgie jusqu'au XVII siècle“ (Bull. scient. t. V. 1839). Между прочимъ Досиеей приводитъ списокъ абхазскихъ царей съ указаніемъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, сколько лѣтъ каждый царствовалъ, сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ эти свѣдѣнія выписалъ изъ „Исторіи Абхазіи царя Баграта“. Не имѣя грузинскаго текста свѣдѣній и полагая, что „Исторія Абхазіи Баграта“ должна была заключать въ себѣ настоящую исторію абхазскаго народа, историки жалѣли объ утратѣ оригинала. Интересъ возбуждался еще тѣмъ, что имена первыхъ абхазскихъ царей или правителей въ другихъ грузинскихъ источникахъ не сохранились. Предполагалось, что

Досиеей сокращенно воспользовался историей Баграта. Но это предположение не оправдалось. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ посчастливилось открыть рукопись, въ которой помѣщается грузинскій текстъ, переводъ котораго почти цѣликомъ приводится у Досиеея. Рукопись эта второй половины XVIII вѣка и представляетъ изъ себя сборникъ разныхъ статей, преимущественно духовнаго содержания, писанныхъ разновременно, иногда на отдѣльныхъ тетрадахъ, но потомъ переплетенныхъ вмѣстѣ. Переписчикомъ большинства статей является іеромонахъ Германъ въ промежуткѣ времени отъ 1763 до 1793 года. Въ сборникѣ болѣе 77 статей, изъ которыхъ наиболѣе для насъ интересны двѣ послѣднія: „Диванъ царей“, или свѣдѣнія объ абхазскихъ царяхъ и краткія, но весьма цѣнныя хронологическія и династическія извѣстія изъ грузинской исторіи отъ IV по XIV вѣкъ. И въ другихъ статьяхъ сборника мы встрѣчаемъ интересныя и важныя для исторіи и литературы Грузіи свѣдѣнія, какъ, на примѣръ, указаніе на то, что извѣстный грузинскій философъ Іоаннъ Петрици (Петрицонскій) былъ изъ области Самцхе, изъ мѣстечка Чирчими, обстоятельство, указывающее, отчего онъ получилъ прозвище Чирчимели, обыкновенно встрѣчающееся въ формѣ Чимчимели¹⁾; или свѣдѣнія о дняхъ рожденія и смерти царя Ираклія II и его многочисленнаго потомства. Въ виду того, что на грузинскомъ языкѣ я уже напечаталъ всѣ тексты историческаго содержания изъ означенной рукописи съ комментаріями и далъ болѣе подробныя свѣдѣнія о самой рукописи²⁾, здѣсь я ограничусь переводомъ на русскій языкъ „Дивана царей“, или такъ назовемой у Досиеея „Исторіи Абхазіи царя Баграта“:

„Во имя Бога я царь Константинъ, сынъ блаженнаго памяти Баграта, царя абхазскаго, нашелъ въ кутаисскомъ казнохранилищѣ кутаискій „Диванъ (списокъ) царей“. Въ немъ записаны были имена царей, но онъ былъ уже въ состояніи ветхости, и я приказалъ заново его переписать.

„Первымъ царемъ абхазовъ былъ Анось; вторымъ сынъ его Гозаръ; третьимъ сынъ его Иствинэ; четвертымъ сынъ его Финиктіось; пятымъ сынъ его Бакуръ; шестымъ сынъ его Димитрій; седьмымъ сынъ

1) Въ области средняго теченія Чороха, входящаго прежде въ составъ Самцхѣ-Саатабаго, мы встрѣчаемъ теперь селеніе Чильчимъ на Чильчимскомъ перевалѣ, жители котораго, какъ мнѣ сообщилъ бывшій начальникъ участка Мело Александръ Степановичъ Матіасевичъ, и до сихъ поръ всѣ говорятъ по грузински. Не это ли селеніе Чирчими?

2) См. „Древняя Грузія“, т. III.

его Θεодосій;³⁾ восьмымъ сынъ его Константи; девятымъ сынъ его Θεодоръ (Теодоръ); десятымъ сынъ его Константинъ; одиннадцатымъ братъ его Леонъ, который прожилъ въ царствованіи своемъ сорокъ пять лѣтъ; двѣнадцатымъ (сынъ его) Θεодосій, который прожилъ въ царствованіи своемъ двадцать семь лѣтъ; тринадцатымъ братъ его Деметръ, царствовалъ тридцать шесть лѣтъ; четырнадцатымъ братъ ихъ Георгій, который владѣлъ въ качествѣ старшаго сына (наслѣдника) Агцупомъ, и потому былъ названъ Георгіемъ Агцупскимъ (Агцупели); онъ царствовалъ семь лѣтъ; пятнадцатымъ—сынъ Деметръ Багратъ, царствовалъ двѣнадцать лѣтъ; шестнадцатымъ сынъ (его) Костанти, царствовалъ тридцать девять лѣтъ; семнадцатымъ сынъ его Георгій, царствовалъ сорокъ пять лѣтъ; восемнадцатымъ сынъ его Леонъ, царствовалъ десять лѣтъ; девятнадцатымъ братъ его Димитрій, царствовалъ восемь лѣтъ; двадцатымъ братъ его Θεодосій Выжженый Глазь, царствовалъ три года. И послѣ сихъ царей угодно было Богу и я, Багратъ Багратидъ, сынъ блаженныя памяти Гургена, и сынъ дочери Георгія, царя абхазскаго, покорилъ страну Абхазскую, материнское мое наслѣдство, и сколько лѣтъ я проживу въ своемъ царствованіи, это вѣдаетъ Богъ*.

Потомъ прибавлено: „А царствовалъ этотъ Багратъ тридцать шесть лѣтъ, и послѣ него царствовалъ Георгій тринадцать лѣтъ и пять мѣсяцевъ“.

Данный историческій документъ, столь важный для исторіи Абхазіи, дѣлится на три части. Первая часть—эта замѣтка—вступленіе, принадлежитъ царю Константину, который по нашему мнѣнію никто иной, какъ царь Константинъ II, сынъ Баграта V Великаго, умершій въ 1414 году⁴⁾. Изъ этой замѣтки мы узнаемъ, что важные исторические акты и документы въ родѣ нашего „Дивана царей“ въ Грузіи хранились въ казнохранилищахъ наравнѣ съ государственными сокровищами. Благодаря заботливости царя Константина, который распорядился переписать нашъ документъ въ началѣ XV вѣка, мы имѣемъ теперь каталогъ абхазскихъ царей. А что онъ съ X-го по XV вѣкъ могъ вѣрять въ ветхость, тоже не удивительно.

Вторая часть документа представляетъ изъ себя „диванъ“—списокъ абхазскихъ правителей и царей до царя Баграта, сына Гургена,

³⁾ Въ оригиналѣ, вѣроятно по ошибкѣ, Θεодосій.

⁴⁾ Меторія царевича Вахушта, на груз. языкѣ, изд. Д. Бакрадзе, стр. 296-297.

внука абхазскаго царя Георгія. Этотъ Баграть безъ сомнѣнія абхазо-карталиинскій царь Баграть, который во второй половинѣ X вѣка воцарился сначала въ Абхазіи, а потомъ въ Грузіи и такимъ образомъ соединилъ въ одно государство Абхазію и Грузію. Въ спискѣ абхазскихъ царей онъ Баграть II, въ спискѣ грузинскихъ или картлійскихъ—Баграть III. Съ него то и начинается замѣтное усиленіе грузинскаго государства. Онъ былъ сынъ Гургена, котораго историкъ Сумбатъ Давидовичъ называетъ царемъ царей³⁾. Гургенъ былъ женатъ на дочери абхазскаго царя Георгія II Гурандухтѣ (†1008) и Баграть по этому правильно сообщаетъ, что онъ сынъ дочери абхазскаго царя Георгія и что Абхазія его материнское наслѣдство. Онъ наслѣдовалъ абхазскій престолъ, какъ будетъ указано ниже, въ 978 году, а въ 985 сдѣлался грузинскимъ царемъ. Такимъ образомъ все, что сообщаетъ Баграть въ концѣ документа, вѣрно. Очень часто въ Египтѣ, въ Вавилонѣ, въ Ассиріи и въ другихъ государствахъ новая династія или новые цари при вступленіи на престолъ въ особомъ актѣ или въ надписяхъ давали списокъ предшествующихъ царей. Такъ, повидимому, поступилъ и Баграть. Вступивъ на абхазскій престолъ, онъ собралъ свѣдѣнія о прежнихъ абхазскихъ царяхъ и внесъ ихъ списокъ въ актъ или въ манифестъ о своемъ вступленіи на абхазскій престолъ, объявивъ при этомъ, что Абхазія его законное наслѣдство со стороны матери. Актъ или „диванъ царей“ хранился въ кутаисскомъ казнохранилищѣ, которое, какъ видно, представляло вмѣстѣ съ тѣмъ и архивъ цѣнныхъ государственныхъ документовъ. Заключительныя слова документа: „Я, Баграть Багратидъ, сынъ Гургена“ и т. д. не оставляютъ сомнѣнія, что актъ принадлежитъ Баграту III. Въ этомъ смыслѣ патріархъ Досиеей правильно приписалъ его царю Баграту, придавъ ему нѣсколько громкое названіе исторіи Абхазіи. Это не исторія, а „диванъ“—списокъ, каталогъ абхазскихъ царей, изданный въ актѣ Баграта III, сообщающемъ объ его вступленіи на абхазскій престолъ.

Патріархъ Досиеей, какъ оказывается, почти полностью воспользовался нашимъ документомъ и далъ его переводъ на греческій языкъ.

Третья часть документа, сообщающая, сколько лѣтъ царствовали Баграть III и его сынъ Георгій I, есть замѣтка поздняго времени, быть можетъ, списка царя Константина и вполне согласуется съ данными грузинскихъ источниковъ. У Досиеея послѣднимъ царемъ неавѣрно показанъ Давидъ.

Подробныя свѣдѣнія объ исторіи Абхазіи сохранились въ Карт-

³⁾ См. мои Три хроники, стр. 160.

лись-цховреба. На грузинскомъ языкѣ безусловно была исторія Абхазіи, извѣстная подъ названіемъ „Жизнь Абхазіи“ или лучше, „Жизнь абхазскихъ царей“. На это есть ссылка въ Картлисъ-цховреба, въ которой относительно абхазскихъ царей Георгія II и Баграта, сыновей Константина I, сказано: „была между ними жестокая борьба, о которой въ отдѣльности найдете въ „жизни ихъ““. Эта „Жизнь ихъ“, т. е. „Жизнь абхазскихъ царей“ до насъ не дошла, но несомнѣнно свѣдѣнія ея вошли въ Картлисъ-цховреба. Мы не знаемъ автора „Жизни абхазскихъ царей“.

До сихъ поръ полагали, что Багратъ III является авторомъ подробной исторіи Абхазіи и что патріархъ Досіеѣй далъ намъ только краткія выписки изъ нея, но это не оправдалось. Если даже допустить, что Багратъ III былъ авторомъ болѣе подробной исторіи Абхазіи, во всякомъ случаѣ Досіеѣй эту исторію не видѣлъ, а то, что онъ называетъ исторіей Абхазіи царя Баграта, есть приведенный нами выше документъ, заключающій въ себѣ списокъ абхазскихъ царей, обнародованный Багратомъ III. Найденный нами грузинскій оригиналь этого документа окончательно выясняетъ вопросъ объ источникѣ Досіеѣя и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ вариантъ его списка. Нѣкоторыя различія въ именахъ царей объясняются трудностью для иностранца въ точности передать грузинскія названія. Кромѣ того, одни и тѣ же имена по существу не одинаково звучатъ по-грузински и по-гречески. Этими обстоятельствами нужно объяснить, что вмѣсто Барукъ (вѣроятно Бакуръ) у Досіеѣя читается Капаруки, вмѣсто Иствина—Юстиніанъ, вмѣсто Финиктіосъ—Филиктіосъ (впрочемъ, такая форма могла быть и въ грузинскомъ текстѣ, такъ какъ *н* и *л* переходные звуки), вмѣсто Димитрія—Деметръ, вмѣсто Константина—Константи (такая форма два раза приведена и въ грузинскомъ текстѣ), вмѣсто Баграта—Панкрасъ. Кромѣ того, у Досіеѣя однимъ царемъ больше, чѣмъ въ грузинскомъ текстѣ. Это 21-ый царь Антарнасъ—Давидъ, который по-грузински звучалъ бы Адарнасе—Давидъ, если допустить это двойное названіе. Онъ по Досіеѣю внукъ Константина III и предшествуетъ Баграту II, автору разбираемаго списка абхазскихъ царей, который по Досіеѣю началъ царствовать въ Абхазіи съ 992 года, а не съ 978, какъ будетъ доказано ниже. Ни отецъ ни мать этого Антарнаса-Давида у Досіеѣя неизвѣстны, не указано также, сколько лѣтъ онъ царствовалъ, и этимъ явно нарушается общій планъ списка. Объ немъ ничего не знаютъ и грузинскіе источники.

*) См. Картлисъ-цховреба, вариантъ царицы Маріи, мое изданіе, стр. 228.

Въ послѣднихъ извѣстенъ только одинъ Адарнасъ, сынъ Іоанна, котораго убили въ 887 г. его племянникъ Багратъ I и захватили престолъ. (Brosset. Additions, p. 175.) Досиеей не указываетъ также, чей сынъ Багратъ II, ибо онъ не приводитъ заключительныхъ словъ нашего акта, гдѣ Багратъ говоритъ о себѣ и своемъ воцареніи въ Абхазіи. Въ изданіи Броссе, у котораго мы беремъ свѣдѣнія Досиеея, относительно Баграта есть примѣчаніе: *Cousin d'Antarnas; etait-il aussi fils de Géorges?* Далѣе, послѣ Баграта II по Досиеею царствуетъ Давидъ 12 лѣтъ, и это ошибка. Ни о какомъ Давидѣ нѣтъ рѣчи въ грузинскихъ источникахъ. Нашъ списокъ даетъ вполне точное указаніе, помѣщая послѣ Баграта его сына Георгія (для Абхазіи III, для Грузіи I), который царствовалъ 13 л. 5 м. Невѣрно также извѣстіе Досиеея, что Багратъ царствовалъ съ 992 года. Кромѣ того количество лѣтъ царствованія Георгія I Агцупскаго у Досиеея не указано. Далѣе Димитрій III царствуетъ по Досиеею 26 лѣтъ, по нашему списку 36.

Изъ всего сказаннаго видно, что найденный нами грузинскій оригиналъ значительно исправляетъ списокъ Досиеея, дополняетъ и разъясняетъ его. Въ свою очередь и списокъ Досиеея въ нѣкоторомъ родѣ исправляетъ и нашъ списокъ. Въ немъ послѣ 12-го царя Феодосія пропущены слова „сынъ его“, а передъ 16-ымъ царемъ Константиномъ пропущено слово „его“. Слова эти мы вносимъ въ нашъ списокъ по Досиеею и заключаемъ въ скобки. Въ общемъ эти два списка пополняютъ и провѣряютъ другъ друга. Даемъ сравнительную таблицу царей по обоимъ спискамъ, считаемъ только нужнымъ отмѣтить, что изданія греческаго текста „Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ“ Досиеея мы въ Тифлисъ не достали и пользуемся переводомъ Броссе, помѣщенномъ въ его *Additions*'ѣ (стр. 173). Списокъ Досиеея помѣщенъ еще и въ книгѣ: „Руководство къ познанію Кавказа М. С. кн. I“, стр. 26-27, но и здѣсь свѣдѣнія взяты у Броссе, которыя онъ помѣстилъ въ *Bullet. Scient. t. V.*

Разъ извѣстно, сколько лѣтъ каждый царствовалъ, начиная съ Леона I-го, не трудно высчитать годы царствованія отдѣльныхъ царей списка. Для этого нужно установить начало царствованія въ Абхазіи Баграта II (въ Грузіи III). По принятой у Броссе хронологіи царствованіе его начинается съ 980 года, но это невѣрно. Мы знаемъ, что Баграть умеръ въ 1014 г. 7).

Царствовалъ онъ по нашему списку 36 лѣтъ. Это подтверждается армянскимъ переводомъ грузинской хроники. (Brosset. Additions, p. 53). Такимъ образомъ выходитъ, что Баграть воцарился въ 978 году (1014—36=978). Несомнѣнность этой даты подтверждается еще шаорской рукописью житія святыхъ, (Цагарели. Свѣдѣнія о пам. груз. письм., вып. I, стр. 83) которая переписана въ 25 индиктіонъ царствованія Баграта, отъ сотворенія міра въ 6607 годъ, въ корониконъ 222-ой, 1002 по Р. X. Годы отъ сотворенія міра по грузинскому счету соотвѣтствуютъ 1003 г. по Р. X. (6607—5604—1003). Если отсюда вычесть 22 индиктіонъ, получимъ 978 г., какъ начало царствованія Баграта II въ Абхазіи. Исходя изъ этой даты и ведя исчисленіе обратно отъ Баграта II до Леона I, годы царствованія нашего списка абхазскихъ царей представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Леонъ I (746—791)
 Θεодосій II (791—818)
 Деметрѣ II (818—854)
 Георгій I (854—861)
 Баграть I (861—873)
 Константинъ III (873—912)
 Георгій II (912—957)
 Леонъ II (957—967)
 Димитрій III (967—975)
 Θεодосій III (975—978)
 Баграть II (978—1014).

Нельзя сказать, чтобы списокъ абхазскихъ царей Баграта былъ полнымъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія и о другихъ царяхъ, имена которыхъ не внесены въ разбираемый списокъ. Абхазія прежде входила въ составъ Лазики и вмѣстѣ съ Лазикой вошла въ составъ Византійской имперіи. По сообщенію Прокопія Кессарійскаго абхазцы приняли христіанство при Юстиніанѣ Великомъ въ 529 г. До тѣхъ поръ они были язычники. У нихъ особенно былъ развитъ культъ деревьевъ. Около 550 года абхазцы возстали противъ грековъ и выбрали своихъ царей.

7) См. Исторію Сумбата сына Давида. Три хроники, мой переводъ, стр. 161.

Описита въ восточной Абхазіи и Скепарну въ западной. Но греки скоро подавили возстаніе.⁸⁾ Первыя имена нашего списка вѣроятно греческія и принадлежать, повидимому, не царямъ, а греческимъ правителямъ Абхазіи. Изъ грузинской исторіи извѣстно, что эриставъ (правитель) Абхазіи Леонъ I получилъ отъ грековъ въ управленіе страну отъ Клисстры до Хазарской рѣки (Кубани). Племянникъ по брату этого Леона Леонъ II при помощи хазаръ отложился отъ грековъ, занялъ страну Эгриси (Мингрелію) до Лихскихъ (Сурамскихъ) горъ и объявилъ себя царемъ абхазовъ въ 786 году. Съ этого времени, т. е. со второй половины VIII вѣка въ грузинскихъ источникахъ встрѣчаются болѣе подробныя свѣдѣнія изъ исторіи Абхазіи, которыя главнымъ образомъ сосредоточены въ Картлисъ-цховреба. Какъ мы выше замѣтили, эти свѣдѣнія вѣроятно взяты изъ „Жизни абхазскихъ царей“, о которой упоминается въ самой Картлисъ-цховреба и которая со временемъ, быть можетъ, и найдется. До тѣхъ поръ должны довольствоваться тѣмъ, что окончательно выяснился вопросъ, что заключала въ себѣ такъ называемая „Исторія Абхазіи царя Баграта“, которой пользовался патріархъ Досіеи для своей „Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ“.

Е. Такайшвили.

⁸⁾ De bello gothico Проконія, I, 4, сар. 9.

СЕЗАННЪ

(Четвертое измѣреніе въ живописи.)

Ильѣ Машкову.

Чтобы говорить о четвертомъ измѣреніи въ живописи, намъ необходимо бѣглый взглядъ на главныя стороны исторіи развитія живописи, а чтобы говорить вообще о живописи, необходимо разобратъ въ основахъ ея, въ элементарныхъ понятіяхъ о краскѣ, формѣ и т. п.

Живопись—это такая же наука, какъ, напримѣръ, математика и въ ней все также обосновано, логично, какъ и въ математикѣ; живопись имѣетъ законы и по законамъ она развивалась.

Разсматривая солнечный спектръ, мы замѣтимъ почти полный рядъ всѣхъ цвѣтовъ, при чемъ одни цвѣта явно преобладаютъ надъ другими. Эти преобладающіе цвѣта: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій, и фіолетовый, съ давнихъ поръ считаются основными цвѣтами.

По образцу солнечнаго спектра приготовляются и краски для живописи, хотя нужно замѣтить, что въ краскахъ для живописи есть много красокъ и не основныхъ, второстепенныхъ, приготовляющихся по образцу ихъ изобрѣтателя, таковой краской напримѣръ, является краска Ванъ Дикъ-коричневый, названная по имени фламандскаго художника XVII вѣка-Ванъ-Дейка, тоже самое, можно было-бы сказать о краскѣ Поль-Веронезъ (зеленая краска), однако, какъ первая, такъ и вторая краски безусловно находятся въ спектрѣ.

Въ живописи имѣется три основныхъ краски: красная, синяя и желтая, отъ смѣшенія которыхъ съ помощью бѣлой, а иногда и безъ этой краски, какъ въ акварели, гдѣ бѣлую краску замѣняетъ бумага, можно получить всевозможныя краски. Такъ напримѣръ, краски синяя и красная, дадутъ фіолетовую краску, при чемъ, взявъ большую часть красной краски, мы получимъ фіолетовую съ краснымъ оттѣнкомъ-то, что въ общежитіи принято считать малиновымъ цвѣтомъ и наоборотъ.

При смѣшеніи красокъ, намъ невольно приходится соприкасаться съ понятіемъ и объ оттѣнкѣ краски: такъ прибавляя въ зеленую краску небольшое количество желтой мы получимъ зеленую краску съ оттѣнкомъ желтой.

Такимъ образомъ оттѣнкомъ краски слѣдуетъ признать ощущеніе посторонней краски при явномъ перевѣсѣ ощущенія преобладающей краски.

Если мы возьмемъ любую краску, хотя-бы красную и будемъ постепенно разбавлять ее бѣлой краской, то получимъ замѣтный переходъ отъ краснаго къ бѣлому-рядъ тоновъ этой краски. Этотъ переходъ зависитъ отъ степени насыщенности данной краски на данномъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, тонъ есть степень насыщенности краски.

Цвѣтъ какъ ощущеніе, подчиняется своимъ физиологическимъ и психологическимъ законамъ. Слабое освѣщеніе, напримѣръ, лунное, вызываетъ ощущеніе почти безъ цвѣтового; воспріятіе одного, какого-либо цвѣта, создаетъ ощущеніе другого цвѣта, рѣзко отличнаго отъ перваго. Этотъ другой цвѣтъ называется „дополнительнымъ“ первому. Взаимно-дополнительными цвѣтами будутъ:

ОСНОВНЫЕ:	ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ:
Красный	Зелено-голубой
Оранжевый	Голубой
Желтый	Синій
Желто-зеленый	Фиолетовый
Зеленый	Пурпурный.

Смѣшивая дополнительные цвѣтовые лучи, мы замѣтимъ, что они вполне „дополняютъ“ другъ друга и смѣшивая красный лучъ съ зелено-голубымъ, или оранжевый съ голубымъ, получимъ лучъ, принятый считать бѣлымъ чучемъ.

Здѣсь я взялъ пять основныхъ и пять дополнительныхъ цвѣтовъ по образцу новѣйшихъ французскихъ физиковъ; обыкновенно считаютъ въ солнечномъ спектрѣ семь цвѣтовъ, а Ньютоновскій кругъ устанавливаетъ десять цвѣтовъ.

Взаимно-дополнительными красками будутъ:

ОСНОВНЫЯ:	ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ:
Красная	Зеленая
Синяя	Оранжевая
Желтая	Фиолетовая

Отъ смѣшенія дополнительныхъ красокъ получаютъ грязныя краски, весьма неопредѣленныя, почему они и названы „дополнительными“.

Здѣсь уместно замѣтить, что отъ смѣшенія цвѣтовыхъ лучей получается окраска иная, чѣмъ отъ смѣшенія самихъ красокъ. Такъ, напримѣръ: цвѣтовые лучи синій и желтый, даютъ бѣлый цвѣтъ, а синяя краска и желтая, даютъ зеленую краску. Происходитъ это по слѣдующимъ причинамъ: синяя краска можетъ быть такимъ веществомъ, которое пропускаетъ преимущественно синіе и голубые, но также и фиолетовые и зеленые лучи, обладающіе меньшей яркостью,

или взаимно нейтрализующіеся, какъ дополнительные. Желтая же краска, можетъ на примѣръ, пропускать преимущественно желтые лучи, но также и зеленые и желто-зеленые. При смѣшеніи обѣихъ красокъ, всѣ перечисленные цвѣтовые лучи воспринимаются глазомъ слѣдующимъ образомъ:

Желтая краска=желтая+зеленая+желто—зеленая

Синяя . . . =синяя +зеленая+фіолетовая

Смѣсь желтой и синей красокъ=бѣл.+зелен.+бѣл.

Этотъ законъ дополнительныхъ красокъ можетъ быть знали и древніе художники, а можетъ быть только предугадывали, но первый, столкнувшійся въ новое время съ этимъ закономъ въ живописи, былъ французскій художникъ Делакруа. Работая въ своей мастерской надъ желтой драпировкой Делакруа ни какъ не могъ достигъ яркости драпировки и рѣшилъ сейчасъ-же отправиться въ галерею посмотрѣть, какъ работали старые мастера. Художникъ торопился и заранѣе распорядился позвать извозчика, который и стоялъ около его подъѣзда. Выйдя изъ подъѣзда, первое на что Делакруа обратилъ вниманіе—это была желтая извозничья карета, тѣневья стороны которой были фіолетовыя. Художникъ тутъ-же разрѣшилъ свою задачу, вернулся обратно и продолжалъ работать. Такимъ образомъ, говоря про яркость краски, мы скажемъ: яркостью краски называется способность краски наибольше выразить свой цвѣтъ, эта яркость, главнымъ образомъ, зависитъ отъ сосѣднихъ дополнительныхъ цвѣтовъ.

Познакомившись приблизительно со свойствами красокъ, посмотримъ теперь, что такое форма въ живописи и вообще форма. Для примѣра возьмемъ шаръ и попробуемъ изобразить его форму одной линіей.

Такое изображеніе не можетъ дать представленія о шарѣ, такъ какъ одни скажутъ, что это дѣйствительно шаръ, а другіе, что это дискъ. Если изображеніе это попробуемъ оттѣнить съ одной стороны, мы начинаемъ понимать форму этого предмета и, наконецъ, давъ рефлексъ со стороны противоположной освѣщенности этого предмета мы, уясняемъ форму—это шаръ.

Такимъ образомъ, вообще форма предметовъ зависитъ отъ свѣтотѣни. Въ живописи форма предмета зависитъ не только отъ свѣтотѣни, но также и отъ цвѣта. Для примѣра можно закрасить гипсовую голову такими красками, что трудно было-бы представить себѣ, что это вообще голова и всѣ формы этой головы безусловно потерялись-бы, а слѣдовательно, потерялось бы и изображеніе ея.

Значеніе свѣтотѣни (тональности) настолько велико, что различіе въ окраскѣ предметовъ не создаетъ еще представленія о ихъ формахъ.

Если мы посмотримъ на живописное искусство, то увидимъ, что

многія художественныя произведенія были и не только живописныи, но и еще кое чѣмъ другимъ. Такъ, напримѣръ, мы говоримъ что картины Чурляниса музыкальны, картины Рериха поэтичны, картины Беклина фантастичны и т. д.

Вспомнимъ картину Рериха „За моремъ земли великія“. Что это, живописное произведеніе или другое какое нибудь? Строго говоря живописи (живописать) тамъ очень мало, однако картина на зрителя дѣйствуетъ, такъ какъ это художественное произведеніе, т. е. такое, которое способно побудить зрителя на извѣстныя переживанія.

„За моремъ земли великія“, какое поэтичное и какое красивое названіе! Мнѣ дѣйствительно впоминается вся старая Русь со своими вѣрованіями въ колдуновъ. Для меня эта русская картина, конечно, понятнѣе нежели картины Чурляниса, хотя я чувствую его музыкальность, или картины Беклина, хотя я вижу его фантастичность. Каждый художникъ передаетъ „кривую“ своей души, а эта кривая создается изъ всей жизни художника, значить художникъ передаетъ то, что пережилъ, передумалъ.

Индивидуальнымъ искусство будетъ только тогда, когда художникъ, передавая свое „я“, могъ—бы дать понятнымъ свое творчество и другимъ. Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: можетъ ли искусство быть для всѣхъ. Вопросъ, который стоитъ внѣ вопросовъ искусства. Какъ и наука всегда открыта для всѣхъ—учись, такъ и искусство—твори и наслаждайся.

Однако, необходимо замѣтить, что не каждый простой смертный можетъ понимать искусство, въ частности, наприм., живопись: для этого нужно помимо общаго развитія и развитіе художественное. Вѣдь странно было-бы, если человѣкъ никогда не видавшій ни одной картины, сталъ бы любоваться Сезанномъ, или Пикассо.

Значить, говоря объ индивидуальности мы скажемъ, что художественное произведеніе будетъ только тогда индивидуальнымъ, когда оно явится единственнымъ въ своемъ родѣ, неповторяемымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доступнымъ для другихъ.

Искусства древнихъ народовъ мы почти не знаемъ, и если говоримъ о немъ, то только по тѣмъ небольшимъ по количеству произведеніямъ, которыя добываются послѣдними раскопками.

Однако, мы знаемъ, что греческое искусство стояло высоко. Греки установили канонъ пропорцій человѣческаго тѣла, греки умѣли передавать движеніе, знали великолѣпно анатомію человѣческаго тѣла и красиво компоновали своихъ боговъ. Послѣ-греческое искусство—христіанское и средневѣковое, замѣтно падаетъ, вплоть до эпохи возрожденія, когда итальянцы снова берутся за изображеніе человѣческаго тѣла во всей его красотѣ, разнообразіи и силѣ.

За эпохой возрожденія слѣдуетъ эпоха, когда устанавливаются понятія реализма и натурализма, появляется импрессионизмъ: греческій канонъ является уже непригоднымъ—понадобилось время вплоть до нашихъ дней. Натуралистъ—это фотографъ съ красками, въ живописи хорошей примѣръ Дюреръ, писавшій въ портретахъ даже человѣческую кожу, разсматривая натуру въ увеличительное стекло, такія работы насъ будутъ поражать, но мы скорѣе ихъ забудемъ, чѣмъ, напримѣръ, картину Рехиха „За моремъ земли великія“. Реалистъ передаетъ сущность предмета, отбрасывая всѣ ненужныя, случайныя черты натуры. У насъ натуралистами можно было бы считать Верещагина, Шишкина, Айвазовскаго, Рѣпина, Петрова и т. п.; реалистами—Сурикова, изъ современныхъ Кончаловскаго, Машкова и т. п.

Современное искусство стало другимъ по сравненію съ прошлымъ, современное искусство, я бы сказала, стало больше кабинетнымъ. Раньше короли заказывали художнику картину, портретъ—заказывали роспись стѣнъ (фрески) и художникъ являясь къ работамъ, зналъ заранѣе, какъ онъ ее исполнить, теперь же художникъ, работая у себя въ кабинетѣ, пишетъ маленькія картины, казалось—бы никому ненужныя; современный художникъ больше ученый, онъ пробуетъ работать по разному, онъ что-то ищетъ, тогда какъ раньше будущій художникъ—ученикъ поступалъ къ маэстро и ничего не искалъ, его учитель все зналъ. Онъ начиналъ съ азовъ, теръ краски, таскалъ воду, приготавливалъ холстъ и постепенно пріобрѣталъ всѣ знанія, какими обладалъ его учитель. Въ то время посредственный художникъ въ лучшемъ случаѣ достигалъ совершенства учителя, а въ худшемъ подражалъ учителю и достичь совершенства учителя для него казалось идеаломъ.

Современный же посредственный художникъ даетъ что-то „свое“ вотъ почему современныя завоеванія родились въ кабинетѣ ученаго—художника. Такъ родился и импрессионизмъ.

Импрессионизмъ въ лицѣ его основателя Манэ далъ живописи много. „Больше свѣта“, съ этимъ лозунгомъ, натура была вынесена изъ стѣнъ студіи на воздухъ. Оптическое соединеніе красокъ, также большая заслуга импрессионистовъ*).

Въ противовѣсъ реализму, а въ то время жилъ Курбэ, импрессионисты не хотѣли долго останавливаться на натурѣ, они смотрѣли мимолетно на природу, какъ моментальный фотографическій аппаратъ,

*) Замѣчательно, между прочимъ, что нашъ русскій художникъ Суриковъ, неимѣвшій совсѣмъ понятія объ оптическомъ соединеніи красокъ пользовался имъ—„Боярыня Морозова“. И пожалуй, въ нѣкоторыхъ картинахъ Боровиковскаго, хотя этотъ вопросъ спорный, также можно замѣтить множество крупнокъ различныхъ красокъ—это предчувствіе—черта большихъ художниковъ.

въ этомъ ихъ заслуга и въ этомъ ихъ ошибка, заслуга потому, что реалисты той эпохи слишкомъ мудрствовали лукаво, какъ принято говорить моделировали натуру, а теперь, пожалуй, подходят выраженіе „утрировали“, и ошибка, потому что, рассматривая слишкомъ поверхностно натуру, импрессионисты не замѣчали многихъ красотъ ея.

Рядомъ съ импрессионистами появляется цѣлый рядъ другихъ замѣчательныхъ художниковъ, которые окончательно порываютъ со старыми традиціями. Въ графикѣ появляются Бирдслей, который сумѣлъ показать, что не только греческій канонъ красивъ, и можно брать голову по отношенію къ человѣческому тѣлу величиной не въ $\frac{1}{7}$ -ую, а въ $\frac{1}{15}$ -ую.

У новыхъ живописцевъ, первый среди которыхъ Сезаннъ, явилась мысль передать предметъ такъ, какъ онъ есть, его самую настоящую сущность. Мысль не новая, мысль, къ которой стремились всѣ художники всѣхъ странъ, къ которой стремятся современные художники и будутъ стремиться будущіе художники. Разница лишь въ томъ, какъ понимали, какъ понимаютъ, и какъ будутъ понимать это истинное изображеніе.

Послѣднія открытія въ области науки безусловно открыли горизонты и въ области живописи. Но я спрошу васъ: многіе ли художники понимаютъ четвертое измѣреніе въ области, наприм., математики, зналъ-ли о такомъ четвертомъ измѣреніи самъ Сезаннъ, давшій намъ четвертое измѣреніе въ области живописи. Безусловно нѣтъ.

Современная наука настолько велика, что человѣческой умъ, насколько бы онъ не былъ развитъ, не можетъ постичь всего, и нѣтъ ничего удивительнаго, что теперь не встрѣтишь ученыхъ художниковъ, какимъ въ эпоху возрожденія былъ Леонардо-да-Винчи. Современный художникъ также ученый, но кругъ его знаній болѣе узокъ.

Попытка соединить всѣ искусства въ одно искусство-теорія Рихарда Вагнера*), не приведутъ ни къ чему. Каждое искусство: живопись, скульптура и т. п. имѣютъ свои особые законы и развиваются по особымъ законамъ. Пытаться связать эти искусства въ одно искусство, пытаться уничтожить созданное самой жизнью ихъ раздѣленіе.

Вспомнимъ мысли объ искусствѣ Л. Толстого. Хотя я заранѣе скажу: въ этой книжечкѣ „Что такое искусство“ есть много вѣрныхъ мыслей, но ошибка въ самомъ корнѣ, когда Л. Толстой хочетъ подчинить искусство разуму, въ частности религіи.

*) Мысли о томъ-же Лессинга въ „Лаокоонѣ“ и Гегеля въ „Эстетикѣ“.

Искусство развивается и мнѣ, кажется, что со временемъ будутъ еще какіе нибудь искусства также открыты вновь, какъ было открыто искусство театра, или хотя бы живописи, которой не было у дикаря, если не считать его татуировки, да и татуировка появилась не сразу.

Мы видѣли, что живописныя произведенія носятъ отпечатокъ музыкальныхъ образовъ, словесныхъ и т. п. Если бы мы взяли, на примѣръ, художника-живописца чистѣйшей воды, то такому живописцу эти словесные и музыкальные образы только мѣшали-бы. Живописцу, прежде всего нужна живопись: свѣтъ, цвѣтъ и форма. Настоящій живописецъ дорожитъ живописью какъ зеницей ока, и эти поэтическія названія и музыкальныя композиціи только мѣшаютъ ему показать живопись: свѣтъ, цвѣтъ и форму.

Живопись есть пластическое изобразительное искусство всего того, что мы видимъ. Для живописца важно передавая стаканъ, передать именно стаканъ и такъ, какъ именно онъ чувствуетъ. Восприимчивость идеальнаго живописца мало реагируетъ на переходящее свойство предмета, а главнымъ образомъ на тѣ свойства, которые мы называемъ постоянными.

Говоря про идеальнаго живописца, а я бы сказала, что идеальный живописецъ, никогда-бы и не далъ своей картинѣ названія. Для чего же еще давать названіе, если живопись основана на зрительныхъ ощущеніяхъ: на цвѣтѣ, свѣтѣ и формѣ.

Современная живопись, я бы сказала переживаетъ второе возрожденіе и нѣтъ сомнѣнія, что будущее поколѣніе оцѣнитъ нашу эпоху. Родоначальникомъ этого возрожденія былъ Сезаннъ.

Здѣсь мы вернемся немного назадъ. Живопись японцевъ имѣеть два измѣренія: высота и ширина предмета; глубины этого предмета (формы) у нихъ нѣтъ.

Первые съ японцами познакомились французы приблизительно въ то время, когда во Франціи появляется импрессионизмъ; нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что французскій импрессионизмъ напоминаетъ отчасти японцевъ.

Но между ними есть и разница. Въ то время, какъ японцы раскрашиваютъ контуръ рисунка сплошнымъ цвѣтомъ и тономъ, импрессионисты, наоборотъ, соединяютъ краску оптически, имѣя на палитрѣ всевозможныя краски, а въ тонѣ, хотя и соблюдаютъ извѣстную переходность, но эта переходность не является у нихъ доминирующей какъ, на примѣръ, оптическое соединеніе красокъ.

Европейская живопись до Сезанна была живописью трехъ измѣреній. Здѣсь я останавливаться много не буду, укажу лишь, что въ картинахъ съ тремя измѣреніями—мы видимъ новое измѣреніе прех-

мета по сравненію съ японцами, въ глубь, его форму, но это не значить, что третье измѣреніе ввело перспективу, которую можно разсматривать, какъ перспективу воздушную—соблюденіе тональностей—и линейную, когда каждый предметъ, стоящій дальше отъ насъ, будетъ казаться меньшимъ. И воздушную и линейную перспективу мы видимъ и у японцевъ. Такимъ образомъ третье измѣреніе дало живописи форму.

Мы видѣли, что форма зависитъ отъ свѣтотѣни. Отчего же зависитъ свѣтъ и освѣщенность въ живописи?

Человѣчeskій глазъ видитъ только тѣ поверхности, которыя разсѣиваютъ свѣтъ, поверхности-же отражающія свѣтъ, даютъ блики, заставляя видѣть насъ не самую поверхность освѣщенныхъ предметовъ, а отображенія источниковъ свѣта. Значить эти отображенія мѣшаютъ намъ видѣть предметъ и въ тоже время помогаютъ, такъ какъ практическое полное уничтоженіе разсѣянаго свѣта (зеркальная поверхность); и практически полное уничтоженіе возможности бликовъ ведутъ къ полной невидимости предметовъ, могущей быть доказанной рядомъ физическихъ опытовъ. Въ текущую компанію австрійцы, желая замаскировать опредѣленный участокъ мѣстности, ставили подъ извѣстнымъ угломъ къ противнику зеркальную поверхность—бѣлую жечь, такимъ образомъ, противникъ вмѣсто замаскированной волнистой поверхности видѣлъ равнину, тогда какъ за этой равниной скрывалась сильная артиллерія. Сама же жечь безусловно казалась невидимой. Значить безъ свѣта немислима и форма предметовъ, и свѣтъ въ картинѣ будетъ также, лакъ и форма, зависитъ отъ тональности и краски. Однако форма и свѣтъ въ живописи не одно и тоже.

Разсматривая свѣтъ въ картинѣ, мы скажемъ, что можно разсматривать количество свѣта и качество свѣта, т. е. его яркость, независимо отъ того, правильно ли или неправильно онъ изображенъ, красивъ онъ или некрасивъ.

Количество свѣта въ картинѣ зависитъ отъ отношенія площади разсматриваемаго предмета къ тональностямъ, яркость же свѣта зависитъ отъ яркости красокъ, а яркость красокъ зависитъ отъ взаимно дополнительныхъ цвѣтовъ.

Освѣщенность же предметовъ въ картинѣ зависитъ отъ одного источника свѣта, хотя нужно замѣтить, что одинъ источникъ свѣта въ природѣ никогда не бываетъ. Если мы пишемъ портретъ въ комнатѣ, гдѣ нѣсколько оконъ, то источниковъ свѣта уже нѣсколько, если-же художникъ пишетъ пейзажъ среди природы, то уже каждый листочекъ, каждая травинка, освѣщены не только солнцемъ, но и массой другихъ источниковъ свѣта, которые образуются отъ отраженія и преломленія лучей главнаго источника свѣта—солнца.

Художники 4-го измѣренія также какъ и прочіе—стремятся пе-

передать истинное изображение, т. е. сущность предмета, они также имѣютъ душу и не хотятъ скопировать природу, предоставляя дѣло это фотографамъ.

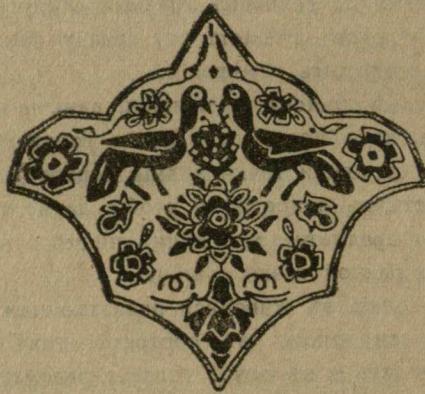
Сколько-же источниковъ свѣта у художниковъ 4-го измѣренія? Очень много. И чѣмъ больше, тѣмъ лучше, такъ какъ глаза художника тогда раскрываются все шире и шире, и художникъ все больше видитъ красоту природы.

Однако, не слѣдуетъ забывать, что всякое открытіе можно свести къ нулю, такъ какъ, чтобы пользоваться открытіемъ, нужно понимать его. Если мы будемъ класть подъ увеличительное стекло очень маленькія точки разныхъ красокъ, тѣмъ самымъ желая соединить краску оптически, то открытіе оптическаго соединенія уже пропадаетъ, такъ же и здѣсь, открытіе 4-го измѣренія можетъ пропасть, если художникъ, увлекаясь имъ, будетъ видѣть много источниковъ свѣта, краски и формы, или наоборотъ. Замѣтимъ, что нельзя точно провести грань, какими по величинѣ точками слѣдуетъ писать, напримеръ, данную голову: одинъ рѣшаетъ эту задачу такъ, другой иначе, Тоже самое и въ четвертомъ измѣреніи.

Теперь мы вполнѣ объясняемъ явленія, раньше казавшіяся абсурдомъ, болѣзнью ума, какъ портреты о трехъ головахъ. Здѣсь художникъ замѣтилъ, что съ одной точки зрѣнія портретъ не такъ характеренъ, какъ онъ есть въ природѣ, и чтобы дать максимумъ этого характера (сущности предмета), художникъ пишетъ портретъ о трехъ головахъ, каждая съ разной точки зрѣнія.

Четвертое измѣреніе въ живописи показало намъ, что совсѣмъ и не нужно писать три головы въ портретѣ, такъ какъ сущность предмета можно передать и въ одной головѣ; рассматривая и изображая со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, т. е. подъ всѣми источниками свѣта. Всѣ эти открытія принадлежатъ Сезанну.

Михаиль Христогановъ.

Миниатюры грузинских лицевых рукописей Сионского Дрeвлехранилища в Тифлисе.

Последняя десятилетия как на Западе, так и в России ознаменованы несомненным интересом к древне-христианским и средневековым восточно-христианским памятникам. Развивающиеся новые запросы на Западе вызвали к жизни серии томов многочисленных периодиков, породили обстоятельные публикации, посвященные отдельным особо-выдающимся произведениям, возбудили интенсивное собирательство и общественных Музеев и частных коллекционеров, а также привели с одной стороны к созданию новых ученых организаций, а с другой к расширению заданий старых, работавших раньше преимущественно над классической антикой. И Россия, а в частности и Закавказье, принимала известное участие в указанной интернациональной культурной работе. Это течение в ближайшие прошлые годы, выйдя из узких кругов ученых обществ,хватило у нас широкие общественные слои, привлекая внимание и любознательность к памятникам родной и родственной старины. В наиболее видных культурных центрах—в Петрограде, Москве, Киеве выходили журналы, рассчитанные на читателя-любителя, отчасти полностью посвященные („Русская Икона“, „Свѣтильник“), отчасти отводившие значительную долю и текста и иллюстраций („София“, „Баян“, Киевское „Искусство“, также некоторые статьи в „Мирѣ Искусства“, „Золотомъ Рунѣ“, „Старыхъ Годахъ“ и „Аполлонѣ“) исключительно произведениям христианского искусства. Устраивались выставки памятников старины и даже специально иконописи. Намѣтился рост провинциальных ученых Историко-Археологических Обществ и рождение провинциальных же музеев.

Закавказье не осталось чуждым. Помимо правительственных мѣроприятий и частная инициатива обратилась к сокровищам родной

старины и къ изслѣдованію народнаго быта. Возникли національныя ученія общества и музеи (Грузинское Общ. Исторіи и Этнографіи, Армянское Этнографическое Общ., Грузинское Церковно-Археологическое), предприняты при широкой общественной поддержкѣ археологическія раскопки (городища Ани) и начато коллекціонированіе въ копияхъ и фрагментахъ памятниковъ грузинской монументальной живописи. Около года назадъ въ помѣщеніи „Храма Славы“ изъ собранныхъ матеріаловъ была сѣорганизована „Выставка древне-грузинскихъ церковныхъ фресокъ“, явившаяся плодомъ совмѣстной плодотворной дѣятельности мѣстныхъ научныхъ и художественныхъ силъ. Интересъ общества, выразившійся въ многочисленныхъ посѣщеніяхъ, а равно широта и глубина его захвата превзошли всѣ ожиданія устроителей.

И все же, несмотря на давній интересъ къ памятникамъ Кавказа и Закавказья, вопросъ ихъ изслѣдованія часто стоитъ въ плоскости „ботанизованія“—предварительнаго, иногда даже регистраціоннаго, описанія. Такъ мало подготовленныхъ работниковъ. А между тѣмъ, текущіе грозные дни наглядно учатъ, что промедленіе какъ сбора матеріаловъ, такъ равно и изданія собраннаго приводятъ иногда къ безвозвратной гибели незамѣнимыхъ первоисточниковъ. Вотъ почему, учитывая отсутствіе публикацій и вытекающую отсюда неосвѣдомленность общества, я рѣшаюсь теперь же предложить вниманію читателя этотъ предварительный и эскизный очеркъ по исторіи грузинской живописи, опираясь на доступное всѣмъ въ Тифлисѣ богатѣйшее собраніе лицевыхъ, т.-е. украшенныхъ миниатюрами рукописей Сионскаго Древлехранилища. И я посчиталъ бы свою задачу исполненной, если при этомъ посильномъ освѣщеніи намѣченнаго частнаго вопроса мнѣ удалось бы пробудить любовное отношеніе и сознаніе важности предмета, столь увлекательнаго по развѣртывающимся проблемамъ и такъ мало затронутаго научной любознательностью не только среди грузинъ, но и среди всѣхъ вообще мѣстныхъ любителей.

Въ настоящее время, благодаря многолѣтнимъ послѣдовательнымъ трудамъ какъ провинціальныхъ мѣстныхъ, такъ особенно западно-европейскихъ и русскихъ ученыхъ, вопросы кавказовѣдѣнія уже окончательно втянуты въ орбиту міровой исторической науки. Эти широкія перспективы, открывающіяся все дальше и проясняющіяся все болѣе и болѣе по мѣрѣ археологической разработки мѣстообиталищъ насельниковъ очаговъ ближне-восточныхъ культуръ, позволяютъ, наконецъ то, все чаще и планомѣрнѣе, подходить къ частнымъ вопросамъ и проблемамъ, исходя уже отъ научной базы, лежащей не только въ предѣлахъ мѣстныхъ интересовъ¹⁾.

Уже намѣчающіяся культурно-историческія взаимоотношенія даютъ возможность и мнѣ, при разработкѣ взятаго частичнаго вопроса по исторіи грузинской живописи, выйти за предѣлы мѣстнаго ходоваго библіофильства.

Послѣднія научныя изысканія ²⁾ въ различныхъ отрасляхъ гуманитарныхъ наукъ рѣшительно устанавливаютъ фактъ принадлежности въ древнѣйшихъ періодахъ и армянской и грузинской церкви къ основному единому ядру собственно христіанскаго Востока, откуда, именно изъ Сириі, были принесены основы новой христіанской культуры. Греческая миссіонерская проповѣдь, благодаря чуждому языку, не имѣла въ это время успѣха. Греческое, точнѣе собственно — византійское, вліяніе выразилось позднѣе. Въ доиконоборческой же періодъ Кавказскій міръ, еще въ V вѣкѣ создавшій собственную церковь, собственную письменность и искусство, тѣснѣйшимъ образомъ былъ связанъ съ христіанскимъ Востокомъ какъ таковымъ, выступая и активнымъ дѣятелемъ и въ св. Землѣ и на Синаѣ ³⁾.

Удары мусульманъ, сильно понизившіе культуру христіанскаго Востока, не прошли безслѣдно и для Кавказскаго міра. Между тѣмъ, Византія, расцвѣтшая при Македонской династіи и при Комнинахъ, постепенно возвысилась на всемъ ближнемъ Востокѣ до роли главнѣйшей и передовой носительницы христіанской культуры. Къ этому то времени, не безъ участія армянъ-халкедонитовъ, въ Грузіи и въ грузинскихъ монастыряхъ внѣ ея территоріи развивается на почвѣ переработки старыхъ основъ христіанской культуры „грекофильское“ течение, приобщавшее Кавказскій міръ къ имперскимъ великодержавнымъ и идеологическимъ и политическимъ построеніямъ Константинополя, течение, оставившее яркіе слѣды и въ церковной (наиболѣе яркій фактъ — исправленіе церковныхъ книгъ по греческимъ оригиналамъ Евѡиміемъ и Георгіемъ Аѡонитами) и въ философской (Іоаннъ Петрицскій) литературѣ, въ церковной практикѣ и, что имѣетъ прямое отношеніе къ затронутой мною темѣ, — въ искусствѣ. Этотъ блестящій періодъ, извѣстный подъ терминомъ „золотого вѣка грузинской письменности“, продолжался до разгрома Грузіи Монголами. Дальнѣйшая борьба за національное бытіе, распаденіе государства и разгромъ культурнѣйшихъ областей отодвигаютъ новый культурный подъемъ уже къ XVI—XVIII вѣкамъ, когда Грузія оставалась единственнымъ христіанскимъ независимымъ или точнѣе полунезависимымъ островкомъ, уцѣлѣвшимъ отъ мусульманскихъ завоеваній.

Какъ же отразилась эта многовѣковая жизнь, полная борющихся культурныхъ теченій, въ памятникахъ живописи и, въ частности, въ дѣлѣ книжнаго украшенія и иллюстраціи?

Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ рассмотримъ ряда

фактовъ, я позволю себѣ предложить указанія на главнѣйшія собранія грузинскихъ рукописей. Въ библиотекахъ Западной Европы не много грузинскихъ манускриптовъ. Значительныя собранія имѣются въ Россіи: въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ, въ Публичной Библиотекѣ и въ библиотекахъ Института Восточныхъ языковъ и Румянцевскаго Музея. Въ Грузіи драгоцѣннѣйшія собранія грузинскихъ рукописей сохранились на мѣстахъ подвижничества грузинскихъ иноковъ на чужбинѣ—въ Іерусалимѣ, на Синаѣ и на Аѳонѣ. Въ самой же Грузіи, въ Тифлисѣ, имѣется два богатѣйшихъ книгохранилища рукописей: Грузинскаго Церковнаго Музея *) (Сіонскаго Древлехранилища) и соединенная библиотека Общества Распространенія Грамотности среди грузинскаго населенія и Грузинскаго Общества Исторіи и Этнографіи. Но множество кодексовъ разбросано по монастырямъ и храмамъ и въ частномъ владѣніи.

Дѣло каталогизированія и болѣе подробнаго описанія этихъ рукописныхъ сокровищъ является далеко не новымъ. Однако, въ указанныхъ работахъ историкамъ искусства, да и вообще лицамъ, обращавшимъ должное и компетентное вниманіе на украшенія манускриптовъ, принадлежитъ лишь очень малая, сравнительно, доля участія. Даже и дѣло изданія миниатюръ грузинскихъ кодексовъ, можно сказать, только начато. Выдѣливъ Адишское *) и Гелатское **) евангелія, миниатюры которыхъ полностью или въ значительной части опубликованы, относительно всей прочей массы приходится признать, что лишь въ лучшихъ случаяхъ воспроизведенія книжныхъ украшеній помѣщены урывками въ видѣ образцовъ или какъ части матеріаловъ, добытыхъ во время совершенія археологическихъ экскурсій. Богатѣйшее же собраніе снимковъ съ грузинскихъ миниатюръ, исполненное фот. Ермаковымъ, не пользуется еще должной распространенностью.

Только отмѣченнымъ положеніемъ вещей и можно объяснить тотъ печальный фактъ, что всѣ новѣйшіе общіе труды по исторіи византійскаго искусства *) не лишены соотвѣтствующихъ пробѣловъ. И если, благодаря инициативѣ западныхъ армянъ, искони знакомившихъ западно-европейскую науку съ памятниками своей родной культуры, на Западѣ отдается должное созданіямъ армянскаго искусства (Стржиговскій), то произведенія грузинскаго мастерства въ значительной мѣрѣ оставались въ неизвѣстности. А между тѣмъ, рѣшеніе частныхъ вопросовъ мѣстнаго искусства Кавказскаго міра и Арменіи, ихъ исторіи и памятниковъ, естественно, должно расширить и обогатить и общія построенія основныхъ схемъ эволюціоннаго процесса исторіи средневѣковаго христіанскаго искусства.

Отмѣченная въ древнѣйшемъ періодѣ близость Кавказскаго

культурнаго міра и въ частности Грузіи и первоначальныхъ религиозныхъ очаговъ христіанскаго Востока раскрывается особенно ярко въ фактахъ, знаменующихъ непосредственное вхожденіе грузинъ въ церковно-общественную жизнь Сиріи, Палестины, Синая. Иногда ихъ дѣятельность бывала значительной и замѣтной, выдвигая не только отдѣльныхъ видныхъ личностей (напр. Петръ Майумскій), но и цѣлыя коллективы религиозныхъ и культурныхъ подвижниковъ (грузинскія обители въ Палестинѣ и на Синаѣ). Эти факты и даютъ объясненіе такому, на первый взглядъ необычному, явленію—большинство древнѣйшихъ грузинскихъ рукописей были открыты въ Палестинѣ и на Синаѣ. Особо замѣчательны въ этой древнѣйшей группѣ двѣ книги, писанныя отчасти на папирусѣ (sic!) и пергаментѣ: іерусалимская минея и синайская псалтирь. Оба памятника восходятъ къ концу доиконоборческаго или къ началу иконоборческаго періода. Описанія отмѣчаютъ наличность украшеній и миниатюръ, однако эти рѣдчайшія произведенія, къ стыду кавказовѣдѣнія, еще должно не опубликованы. А между тѣмъ, судя по описаніямъ, они относятся къ группѣ народныхъ или народно-монашескихъ памятниковъ, создавшихся въ народныхъ низахъ, претворявшихъ по-своему интенсивную работу эстетическихъ и религиозныхъ центровъ, культивировавшихъ показное „аристократическое“ искусство *).

Вопросы о послѣдующихъ эпохахъ—конца иконоборческой и начала эпохи Македонской династіи въ Византіи по отношенію къ исторіи книжнаго украшенія въ Грузіи еще, на сколько мнѣ извѣстно, не ставились въ свѣтѣ научныхъ запросовъ настоящаго времени. Даже не было произведено научнаго описанія и регистраціи. А между тѣмъ, при накопившемся и теперь доступномъ для освѣдомленія подборѣ фактовъ уже намѣчаются проблемы первостепенной важности, рѣшать которыя до монографической обработки памятниковъ едва ли было бы цѣлесообразно, но отмѣтить нѣкоторыя я все же считаю необходимымъ. Въ первую голову должны быть поставлены вопросы о культурно-эстетическихъ центрахъ, и основныхъ и провинціальныхъ. Для этихъ эпохъ, между прочимъ, вполне реальную задачу въ сферѣ обслѣдованія вопросовъ грузино-армянскихъ взаимоотношеній ставитъ наличность замѣчательныхъ миниатюръ такъ называемаго перваго Джручскаго Евангелія. Позволю себѣ привести дословно небольшую выписку изъ труда Кондакова-Бакрадзе: „Оно [Евангеліе] писано на плотномъ пергаментѣ въ 16 долю листа, грубымъ церковно-заглавнымъ алфавитомъ, съ записями церковно-заглавнымъ алфавитомъ, съ записями церковно-строчнаго письма и обыкновенными канонами, называемыми въ самихъ записяхъ „камарами“; изъ миниатюръ въ немъ имѣются: Божія Матерь,

четыре евангелиста съ приписками у каждого на грузинскомъ, греческомъ и армянскомъ языкахъ, Иисусъ Христосъ, исцѣляющій сперва слѣпого, потомъ бѣсноватаго и далѣе разслабленнаго“. „Каноны исполнены согласно припискѣ спустя 4 года послѣ написанія текста—въ 940 году“⁹⁾. Наличие этихъ армянскихъ надписей на миниатюрахъ грузинскаго кодекса заставляетъ предположить, что или миниатюры были скопированы съ какого то оригинала, имѣвшаго греческія и армянскія надписи (грузинъ же мастеръ дополнилъ и грузинскія), или что мастеръ былъ армянинъ-халкедонитъ или что троязычныя надписи возникли изъ многообразныхъ запросовъ пользующихся рукописью (по желанію заказчика ли или по соображеніямъ исполнителя). Отмѣченные факты приобрѣтаютъ особый интересъ, т. к. изъ приписокъ выясняется, что рукопись возникла въ предѣлахъ „Грузинскаго Синая“ въ Шатбердскомъ монастырѣ въ Кларджи, въ предѣлахъ соприкосновенія грузинскаго и армянскаго міровъ¹⁰⁾. И еще фактъ, заслуживающій особаго вниманія—каноны (а быть можетъ и миниатюры?) возникли позднѣе текста. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что большинство древнѣйшихъ Евангелій (до аѳонитскихъ редакцій Евимія и Георгія) рѣдко украшены не только изображеніями, но даже заставками и росписными инициалами, что заставляло позднѣйшихъ владѣльцевъ, иногда, заднимъ числомъ пополнять кодексъ иллюстраціями¹¹⁾.

Несомнѣнно, что часто въ одномъ лицѣ совмѣщалось знаніе мастерства и писца и миниатюриста. Несомнѣнно, что еще чаще переписчикъ бывалъ только грамотенъ, а къ изобразительному искусству совсѣмъ непричастенъ. Но были ли художественно-культурные центры, гдѣ иные изъ тружениковъ были заняты преимущественно (если не всецѣло) дѣятельностью художественно-иллюстраторскою? Но гдѣ эти центры находились и кто были каллиграфы-миниатюристы?

Цѣннѣйшимъ подспорьемъ въ дѣлѣ рѣшенія и историко-художественныхъ и иконографическихъ задачъ явятся дальнѣйшія (умножающіяся за послѣднее время—до и въ началѣ войны во всякомъ случаѣ) публикаціи лицевыхъ сирійскихъ¹²⁾ манускриптовъ и обѣщанное изслѣдованіе при обширномъ изданіи армянскихъ миниатюръ¹³⁾.

Но обратимся къ иконографіи. Изъ пока мнѣ извѣстныхъ древнѣйшихъ украшеній грузинскихъ списковъ Евангелія изображенія Евангелистовъ сохранились въ Джручскомъ¹⁴⁾, Θεодоровскомъ¹⁵⁾ (Сіонское Древнехранилище, р-съ № 98) и Адишскомъ. Замѣчательно, что всюду дана серія или полностью со стоящими фигурами или, во всякомъ случаѣ, съ наличностью и таковыхъ¹⁶⁾ (напр. Адишскій кодексъ). Этотъ иконографическій изводъ, дошедшій и среди миниатюръ (напр. въ смѣшанной, какъ и въ Адишскомъ спискѣ, редакціи Еван-

гелія сирійскаго монаха Рабулы VI вѣка, или въ чистой, какъ на скопированныхъ съ древнихъ сирійскихъ образцовъ въ Эчміалзинскомъ и другихъ многихъ и болѣе позднихъ армянскихъ рукописяхъ) и среди памятниковъ прикладнаго искусства (напр. на рѣзныхъ словновыхъ костяхъ—диптихъ Бетмана, кресло еп. Максиміана въ Равеннѣ), въ послѣднее время наиболѣе надежно локализуется (Стржиговскій) въ сиро-египетскомъ культурно-эстетическомъ мірѣ. Болѣе того, миниатюры иныхъ греческихъ рукописей этой же иконографической редакціи (напр. изображенія въ рукописи № 5 Андреевскаго скита на Аѳонѣ) возводятся авторитетнѣйшими изслѣдователями ¹¹⁾ къ сирійскимъ оригиналамъ, т. е. вводятся въ тотъ же культурный кругъ вліяній.

Въ Джручскомъ Евангеліи изъ евангельскихъ событій даны только сцены исцѣленій въ краткихъ древнихъ редакціяхъ, при чемъ Христосъ изображенъ ¹²⁾ въ безбородомъ, восходящемъ къ эллинистическимъ образамъ, юномъ типѣ.

Но и исполненіе обрамленій и аркадъ едва ли не столь же характерно въ смыслѣ выбора формъ, говорящаго не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ иконографія изображеній, о своихъ восточно-христіанскихъ (въ узкомъ значеніи термина) прототипахъ. Достаточно уже, какъ на наиболѣе яркую черту, указать, напр., на подковообразную форму арочекъ обрамленія одной изъ страницъ канонѣвъ Θεодоровскаго списка (см. прилагаемый рисунокъ).

Къ тому же собственно восточно-христіанскому, хотя и менѣе ярко выраженному, типу арковыхъ обрамленій относится рядъ декоративныхъ миниатюръ въ рукописи Сіонскаго Д-ща № 38, датированной 974 годомъ ¹³⁾ по Р. Хр. На листахъ предпоследней тетрадки (л. 249—251) даны указатели въ орнаментальныхъ обрамленіяхъ въ формѣ одиночныхъ арочекъ, опирающихся на двѣ симметричныя колонки. Каждая арочка занимаетъ цѣльную страницу. Всего арочекъ пять (л. 249 лиц. и об., л. 250 лиц. и об., и л. 251 лиц.). Арочки почти полуциркульныя приниженныя; безъ верхнихъ угловъ и полей росписныхъ. Лунеты—совершенно чистый пергаментъ безъ рисунка и не заполненный текстомъ, который занимаетъ лишь пролеты интерколумній. Всѣ эти обрамленія, будучи исполненными по общей схемѣ, въ отдѣлкѣ деталей вполнѣ отличны другъ отъ друга, но всюду орнаментальные мотивы лишь геометрическихъ и растительныхъ формъ.

Изъ собранія Сіонскаго Древлехранилища въ смыслѣ значенія для исторіи искусства изъ этого древняго періода, кромѣ указанныхъ Θεодоровскаго Евангелія (р—съ № 98) и псалтиря (р—съ № 38), еще видное мѣсто должно быть отведено такъ называемому Урбнисскому кодексу Евангелія (р—съ № 28), украшеннаго росписными канонами

и многочисленными инициалами въ текстѣ ²⁰⁾. Сверхъ названныхъ трехъ книгъ должно упомянуть два номера собранія, сохранившихъ произведенія миниатюристовъ древняго періода, но уже стоящихъ на границѣ (по датировкамъ Жорданіи относятся къ X (?) вѣку) разбираемаго періода. Это: отрывки Евангелія (р—сь № 359) и сборникъ (р—сь № 397) съ современными тексту записями, гдѣ названы „братья Иверскаго или Шатбердскаго монастырей“ ²¹⁾.

Перечисленныя рукописи Сионскаго Древлехранилища, какъ и аналогичныя памятники этого времени въ другихъ собраніяхъ, распадаются по стилистическимъ приѣмамъ исполненія на двѣ основныхъ группы—графическаго и живописнаго; послѣдній терминъ употребленъ не какъ обозначеніе работы отъ пятна, а какъ противопоставленіе болѣе сложной техники красочнаго выполненія чистолинейной съ расцвѣткой работъ украшеній книгъ первой группы.

Евангелія Θεодоровское и Урбнисское и сборникъ № 397—представители графическаго теченія въ исторіи грузинской миниатюры. Псалтирь же относится ко второй группѣ. Инициалы Евангельскихъ отрывковъ (р—сь № 359) хотя и исполнены заливками безъ пробѣловъ и оживокъ, но и по художественному „почерку“ и по красочному подбору стоятъ особнякомъ отъ чистыхъ представителей первой группы.

При исполненіи абочекъ р—си № 38 (псалтирь) краска нигдѣ не кладется густымъ слоемъ сплошь, а въ основныхъ заливкахъ—прокладкахъ фоновъ орнаментальныхъ лентъ (на дугахъ абочекъ, на стволахъ колоннъ) писана очень жидко, такъ что даже мѣстами ощущается просвѣтъ сквозящаго пергамента. По такимъ прокладкамъ орнаментальный мотивъ исполненъ уже болѣе густой красочной проработкой иногда того же, но уплотненнаго, иногда же иного тона. Наружная оконтуровка бываетъ то киноварная, то черная, а не чернильная. Внутренняя же—или уплотненная локальная или черная или какая иная, но красочная же. Проработка орнаментальныхъ мотивовъ иногда имѣетъ характеръ оживокъ, а мѣстами мелкія красочныя детали нанесены безъ оконтуровки на фонъ иного тона въ видѣ ли красочныхъ ударовъ или даже цѣльныхъ орнаментальныхъ мотивовъ.

Миниатюры же первой группы (р—си №№ 28, 98 и 397) исполнены линейной чернильной (рѣдко красочной) прорисью иногда расцвѣченной легкой красочной заливкой или красочной, сопрсвождающую чернильную, обводной полосой. Иныя инициалы и виньетки (вокругъ размѣтокъ тетрадей р—си № 397) выполнены исключительно перомъ. И въ то время, какъ въ красочномъ наборѣ миниатюръ р—си № 38 замѣчается общая гамма и наличность бѣлыхъ и черной, эле-

менты миниатюръ первой группы расцвѣчены цѣлтонными красками простого набора.

Гдѣ были художественно-культурные центры этихъ двухъ совершенно различныхъ художественныхъ теченій? Какова исторія каждой изъ намѣчающихся основныхъ школъ? Эти проблемы—задачи коллективныхъ трудовъ будущаго, но, повидимому, уже намѣчается путь, указывающій на исконность первой графической школы въ собственныхъ предѣлахъ грузинскаго міра и связь его съ чисто народнымъ „кустарнымъ“ искусствомъ.

Эпоха роста политическаго могущества Грузіи при Багратидахъ, ведшихъ широкую зарубежную политику, совпала съ „эпохю вторичнаго процвѣтанія византійскаго искусства“. Лучшіе и богатѣйшіе лицевые кодексы конца X и XI вѣковъ исполнены или украшены мастерами, воспитанными либо непосредственно въ этой „аристократической“ столичной школѣ или стилистически примыкающими ближайшимъ образомъ къ Константинополю отвѣтвленіями той же художественной традиціи. Константинополь, Аѳонъ, Антиохія (бывавшая въ то время въ предѣлахъ имперіи), дарили Грузію утонченнѣйшими произведеніями каллиграфовъ-миниатюристовъ часто природныхъ кавказцевъ, работавшихъ пріемами чисто-византійскаго мастерства. Этотъ фактъ, засвидѣтельствованный современными тексту книгъ приписками, ярко характеризуетъ художественные вкусы своего времени, именами вкладчиковъ, заказчиковъ-меценатовъ говоритъ о „западническихъ“ (для Грузіи) уклонахъ именно аристократіи мѣстной грузинской въ сторону воспріятія „византизма“. Среди такихъ „грекофильскихъ“ памятниковъ для отмѣченной эпохи нѣтъ указаній на мѣстныя школы мастеровъ этого художественнаго теченія. Даже древніе кодексы, переписанные безъ украшеній въ Грузіи, иногда уже спустя продолжительное время дополнялись специально выписанными изъ художественнаго центра миниатюрами ²²).

Это теченіе представлено въ Сіонскомъ Древлехранилищѣ рядомъ типическихъ образцовъ, изъ которыхъ выдѣляются два блестяще минированныхъ манускрипта, составляющихъ гордость библіотеки: фрагменты Евѡиміевскаго Синаксаря Захаріи Валашкертскаго и Алавердское Четвероевангеліе съ повѣстью объ Авгарѣ Эдесскомъ. Изъ памятниковъ лишь орнаментированныхъ должно указать на №№ 1 (исполненъ въ Константинополѣ въ 1031 г.) и 92 (исполненъ на Аѳонѣ въ первой четверти XI в.).

До обслѣдованія рукописи Сіонскаго древлехранилища, числящейся по описи и каталогу за № 648, прот. К. Кекелидзе ²³) эти разрозненные отрывки нѣкогда роскошной книги были отнесены по содержанію къ минейнымъ, а согласно припискамъ связаны съ именемъ еп. За-

харии Валашекертскаго. Обслѣдовавъ памятникъ съ литературной стороны, названный авторъ смогъ сдѣлать цѣнные выводы: 1) текстъ содержитъ фрагменты считавшагося утраченнымъ безслѣдно синаксаря Евѳимія Аѳонскаго, 2) точная дата, прежде относимая ко всѣмъ листамъ, писана на случайномъ вкладномъ листѣ, 3) названный въ записяхъ еп. Захарій Валашекертскій—дѣятель грузинской церкви первой четверти XI в., окончившій жизнь, по всѣй вѣроятности, въ Византіи, куда онъ былъ увезенъ греками изъ своей епископіи.

Къ сожаленію, до сихъ поръ нѣтъ печатнаго полнаго описанія лицевого состава этого памятника ²⁴). Но по иконографіи и стилю имѣются чрезвычайно важныя замѣчанія въ трудѣ Кондакова-Бакрадзе ²⁵).

Лицевая рукопись эта дошла фрагментарно въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ листковъ. Всѣ имѣющіеся листы либо сохранили миниатюры, либо мѣста вырѣзанныхъ частями или полностью изображеній. Это наблюденіе заставляетъ предположить, что настоящій памятникъ фрагментировался по крайней мѣрѣ два раза—сначала были изъяты изъ рукописи листы исключительно съ миниатюрами, а потомъ нѣкоторыя изъ нихъ были вырѣзаны ²⁶).

Приводимыя ниже соображенія, полагаю, позволяютъ съ достаточной достовѣрностью намѣтить, что, подобно хранящемуся въ Ватиканѣ Минологію царя Василія Болгаробойцы ²⁷), и эта, примѣрно, современная первой рукопись иллюстрирована не однимъ, а группой мастеровъ-миниатюристовъ. Это предположеніе основывается на различіи художественныхъ „почерковъ“ различныхъ миниатюръ. Отмѣченный фактъ наиболѣе ярко обнаруживается при сличеніи изображеній чудесныхъ исцѣленій, при чемъ двѣ изъ миниатюръ этого цикла сюжетовъ (исцѣленія: 1) прокаженнаго и 2) по поздней припискѣ „слуги сотника“) по стилистическимъ чертамъ близки миниатюрамъ съ фигурами въ ростѣ отдѣльныхъ лицъ (св. Прокопія, пророка Іліи и особенно св. Аѳиногена и св. Марины), изъ которыхъ одна, а именно съ изображеніями св. Аѳиногена и св. Марины ²⁸), единственная изъ всѣхъ миниатюръ манускрипта, имѣетъ на фонѣ грузинскую надпись, соответствующую греческой на поляхъ и называющую св. Марину. На миниатюрахъ же указанныхъ исцѣленій нѣтъ сопроводительныхъ греческихъ, всюду обычныхъ, надписей. Стилистическая близость этихъ трехъ послѣднихъ миниатюръ, выдѣляющихся и стилистически и надписями, даетъ поводъ предполагать, что нѣсколько листовъ были, въ числѣ прочихъ, сданы для исполненія мастеру-грузину, выученнику грековъ. Но и другія миниатюры не всѣ сплошь стилистически однородны. Лѣпка тѣла въ одномъ случаѣ выдержана въ чисто коричневыхъ тонахъ, а въ другомъ выполнена съ зеленоватыми прокладками. Исполненіе драпировокъ

также разнообразно; кромѣ ходового типа лѣпки въ одинъ тѣнь съ пробѣлами, попадаютъ миниатюры и съ лѣпкой въ контрастный оттѣнокъ. Среди миниатюръ имѣются и выдержанныя въ бѣлесовато-разбѣленныхъ тонахъ и исполненныя въ болѣе интенсивной гаммѣ. Опавшія мѣста позволяютъ видѣть подготовительную работу мастера, писавшаго красками по легкой предварительной, контурной прописи, исполненной мѣстами съ выдающейся каллиграфической легкостью и свободой. Образцомъ мастерства миниатюръ этого фрагментированнаго кодекса можетъ служить прилагаемое воспроизведеніе—Сошествіе во Адъ ²⁹).

Алавердское Четвероевангеліе поступило въ Сіонское Древлехранилище изъ бібліотеки Алавердскаго собора въ Кахетіи (правильнѣе Кахіи), гдѣ его раньше видѣли и описали многіе ученые и любители посѣтившіе названную святыню ³⁰). Теперь оно занесено за № 484. А. С. Хахановъ, изслѣдовавшій приписки, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, такъ пересказываетъ содержаніе этихъ историческихъ записей, дающихъ исторію бытія манускрипта: „Евангеліе написано въ Антиохіи, на Черной Горѣ, въ грузинскомъ монастырѣ Пресвятыя Богородицы, Калипосѣ, при лаврѣ св. Симеона Столпника, около 1050—1054 г.г. . . . . Написанное въ Антиохіи, Евангеліе это пріобрѣтено въ 1059 г. въ Константинополѣ Иваномъ Орбели Проздоросомъ. Иванъ Орбели, привезенный въ Грузію изъ Константинополя царемъ Багратомъ IV въ томъ же 1059 году, водворился въ Кацхскомъ монастырѣ (въ горной Имеретіи), которому и пожертвовалъ настоящее евангеліе . . . . Въ Кацхскомъ монастырѣ оно оставалось недолго и было унесено изъ Кацха татарами въ Саатабаго и здѣсь, пріобрѣтенное нѣкимъ Георгіемъ, пожертвовано Грузинскому монастырю св. Георгія Ханцта (Хандзоэти) во спасеніе душъ—Іоанна и Микела; затѣмъ оно находилось въ рукахъ Самцхійскаго владѣтеля Кайхосро († 1500 г. 6 мая) и супруги его Тамары . . . . , а потомъ у правнука его Мзедчабука Кайхосровича . . . . затѣмъ, около 1614 г. евангеліе это куплено въ Гегутѣ (въ Имеретіи, близъ Кутаиса) придворнымъ духовникомъ владѣтеля Мингреліи Леона Дадіани Заведеемъ у неизвѣстнаго воина; Заведей скончался въ 1651 г. и похороненъ въ оградѣ Алавердскаго собора. Въ силу его завѣщанія, изложеннаго въ припискѣ сего евангелія . . . . еще во время пріобрѣтенія его въ Гегутѣ (1614 г.) евангеліе это должно было остаться въ церкви той мѣстности, гдѣ Заведей суждено было умереть“ ³¹).

Евангельскій текстъ этого кодекса является рѣдчайшимъ спискомъ грузинскаго перевода четвероглава, исполненнаго Евѡиміемъ Аѡнскимъ, непосредственнымъ предшественникомъ Георгія Святогорца, автора общераспространенной съ XI в. редакціи ³²).

Въ началѣ рукописи помѣщены каноны и письмо Евсевія къ Карпіану съ богато и тонко обработаннымъ обрамленіемъ съ колонками (аналогичны обрамленію выходной миниатюры повѣсти объ Авгарѣ Эдесскомъ; см. сопроводительную таблицу) и на цѣлой страницѣ Процвѣтшій Животворящій Крестъ. Далѣе передъ каждымъ Евангеліемъ помѣщено изображеніе соотвѣтствующаго Евангелиста. Въ концѣ книги находится отдѣльная повѣсть объ Авгарѣ Эдесскомъ богато иллюстрированная и украшенная многочисленными росписными инициалами. Миниатюры, сопровождающія текстъ апокрифа, сл.: Больной царь Авгаръ передаетъ слугѣ посланіе ко Христу (см. сопроводительную таблицу и ук. фот. Ермакова), 2) Христосъ пишетъ Авгару отвѣтъ, 3) Нерукотворенный Убрусъ (см. ук. фот. Ермакова), 4) Изображеніе главныхъ городскихъ воротъ Эдессы (надъ которыми нѣкогда явленъ былъ впервые этотъ образъ посланный Авгару) и 5) Крещеніе Авгара (по схемѣ миниатюра восходитъ къ композиціи Божоявленія; см. ук. фот. Ермакова) ³³).

Въ концѣ повѣсти объ Авгарѣ Эдесскомъ имѣется современная всему тексту и миниатюрамъ приписка Іоанна Двал-и одного изъ членовъ знаменитой фамиліи, давшей рядъ выдающихся переписчиковъ и миниатюристовъ—каллиграфовъ ³⁴).

Этотъ памятникъ грузинскаго мастерства долженъ быть отнесенъ въ группу первоклассныхъ произведеній „византійскаго“ искусства въ узкомъ значеніи термина. Какъ лучшія миниатюры изъ „фрагментовъ Евѡиміевскаго Синаксаря Захаріи Валашкертскаго“, Ванскаго ³⁵) и Гелатскаго (лучшей руки) Четвероевангелій и здѣсь изображенія писаны легко, безъ сухой мелочности, но сдержанно—въ сознаніи полноты обладанія мастерствомъ. Ясенъ живописный, а не графическій, уклонъ вкуса сдержанный, конечно, задачами каллиграфа.

И не только чисто художественная сторона характерна здѣсь для своего времени. Выборъ иконографическаго извода, т. е. типа портретовъ Евангелистовъ не менѣ знаменателенъ: Отлично отъ стараго „сирофильскаго“ преданія, воспроизводившаго сиро-египетскіе прототипы серіи стоящихъ въ ростъ фигуръ (Евангелія Джручское, Θεодоровское) или дававшихъ смѣшанный наборъ стоящихъ и сидящихъ, какъ въ сирийскомъ кодексѣ Рабулы (Евангеліе Адисское), здѣсь, какъ и въ приблизительно современномъ ему Гелатскомъ Четвероголавѣ всѣ четыре Евангелиста изображены за своими столиками каллиграфовъ, т. е. въ томъ типѣ портретнаго набора, который (часто съ вариантомъ: Іоаннъ дается диктующимъ Прохору то за столикомъ, то въ „пустынь“) съ „эпохи вторичнаго процвѣтанія византійскаго искусства“ становится доминирующимъ на всемъ христіанскомъ Востока. И болѣе того—миниатюры и Алавердскаго и Гелатскаго кодек-

совъ, равно какъ и современныя имъ мозаики XI в. въ нарѣикѣ никейскаго храма Успенія Богородицы ³⁶⁾, рѣдчайшемъ точно датированномъ памятникѣ византійской монументальной живописи названной эпохи, всѣ эти, примѣрно, одновременно возникшія произведенія принадлежатъ не только къ указанному общему типу, но и къ одной и той же редакціи, разнящейся лишь вариантами. Эта редакція характерна тѣмъ, что старая эллинистическая схема сидящаго и пишущаго, искони примѣненная въ видѣ извѣстнаго шаблона авторскаго портрета къ украшенію рукописей, здѣсь взята только исходной композиціонной основой. Художники, создавшіе и разрабатывавшіе эту редакцію съ чрезвычайной опредѣленностью выявили одно изъ глубочайшихъ душевныхъ движеній своего времени. И если эта эпоха съ одной стороны готовила мертвящія „академическія“ нормы и шаблоны для всѣхъ видовъ искусствъ, то съ другой именно въ то же время зарождается и крѣпнетъ то теченіе, которое по справедливости должно быть названо византійскимъ Ренессансомъ, тѣмъ Возрожденіемъ гуманитарнаго самоопредѣленія, любви къ природѣ и интереса къ античной древности, которое не только хронологически предшествовало, но и во многомъ легло въ основу Ренессанса итальянскаго. Не случайны совпаденія житій св. Луки Фокидскаго и Франциска Асизскаго, любившихъ природу и говорившихъ съ низшими тварями, не случайно и то, что съ этого времени и далѣе къ эпохѣ Палеологовъ возникаетъ серія хроникеровъ и историковъ-мемуаристовъ, смѣнившихъ сухихъ лѣтописцевъ, а равно и то, что тогда же были исполнены тѣ сохранившіеся многочисленные списки съ произведеній античныхъ авторовъ, доиконоборческіе подлинники которыхъ теперь утрачены. И это не только въ области чисто-литературной. Списывались и лицевыя рукописи иногда вполнѣ свѣтскаго научнаго содержанія, напр. знаменитый кодексъ Никандра въ Парижской Національной Библіотекѣ. И въ области религіознаго христіанскаго искусства это теченіе отражается въ интересѣ къ легендѣ и усиленіи культа Богоматери. Появляются, напр., лицевыя оміліи Іакова Кокиновафскаго, посвященная дѣтству Богородицы. И, конечно, не простое совпаденіе, а историческая пріемственная связь сочетаетъ мозаики константинопольской Кахріэ-Джами съ фресками Джотто въ Капеллѣ дель Арена. Въдѣ не даромъ такъ родственны византійскимъ иконамъ созданія Дуччіо и не вполнѣ невѣроятна легенда Вазари о византійскихъ учителяхъ Чимабуэ.

Но отъ этихъ широкихъ общихъ замѣчаній вернемся къ изображеніямъ Евангелистовъ. Какъ отразились эти глубокія общественно-психологическія движенія на отмѣченной группѣ памятниковъ? Самое главное это то, что и на мозаикахъ и на миниатюрахъ мы на-

ходимъ не иконную схему, своего рода „пиктографическій знакъ“, не орнаментально-декоративное дополненіе къ тексту, а циклъ глубоко-задуманныхъ психологическихъ портретовъ. Каждый Евангелистъ ярко характеризуванъ. Роли иногда варьируются, но замысль остается неизмѣннымъ. Одинъ изъ пишущихъ, поднеся руку къ лицу, задумчиво смотритъ на зрителя или, размышляя, омокаетъ перо, другой тянется за манускриптомъ въ порывѣ вдохновенія, третій пишетъ, усердно склонясь надъ листомъ, четвертый, по-старчески, сидя въ глубокомъ креслѣ, опустилъ перо и преданъ наитію прозрѣній. Повторяю—мѣста еще не фиксированы, есть тѣ или иныя отклоненія, но психологическій замысль редакціи общій, какъ обща и принадлежность этихъ памятниковъ къ передовому искусству мірового тогда культурнаго центра.

Многообразное приобщеніе Грузіи къ константинопольской культурѣ эпохъ Македонской династіи и Комниновъ и пышный ея политической расцвѣтъ въ параллельную имъ эпоху могущества Багратидовъ, давшій благоприятную почву для развитія занесенныхъ новыхъ культурныхъ импульсовъ, повлекло, несомнѣнно, къ развитію уже и на самой территоріи страны тѣхъ типовъ художественной декорировки книги, которая сперва явилась исключительно привносимой. Создалась широкая „грекофильская“ волна, мѣстами вынесшая культурное движеніе, даже несмотря на удары монголовъ. Но все-таки оно оставалось по преимуществу искусствомъ „аристократовъ“, „западниковъ“—искусствомъ придворнымъ (царскимъ и феодалнымъ: духовныхъ или свѣтскихъ лицъ—безразлично), искусствомъ богатыхъ. Эти рукописи исполняются на хорошемъ дорогомъ пергаментѣ (или позднѣе на плотной лощеной бумагѣ), украшаются золотомъ и тонкимъ подборомъ красокъ и, часто, оправляются въ драгоценные оклады. Характерными образчиками этого не только воспринятаго, но и претворенно усвоеннаго константинопольскаго (въ широкомъ значеніи термина) искусства въ Сіонскомъ Древлехранилищѣ являются, напр., рукописи за №№ 26 и 734, взятая, какъ характерные образцы изъ цѣлаго ряда стилистически сродныхъ памятниковъ.

Въ первомъ, отчасти фрагментированномъ, кодексѣ (Евангеліе, указатель къ чтеніямъ, календарь на весь годъ) сохранилась тетрадка росписныхъ каноновъ и часть серій: двенадцатыхъ праздниковъ (Благовѣщеніе Богородицы, Рождество Христово, Входъ Господень во Іерусалимъ и Сошествіе Св. Духа) и Евангелистовъ (въ редакціи сидящихъ фигуръ; сохранились Маркъ и Лука) и листы съ заставками.

Первые семь листовъ составнаго набора различныхъ вырванныхъ и разрозненныхъ миниатюръ занесенныхъ подъ однимъ номеромъ (734) представляютъ изъ себя обрывокъ серіи новозавѣтныхъ собы-

тій. Въ наличности имѣются слѣдующія миниатюры въ листъ: Исцѣленіе слѣпого, Христось и самарянка, Исцѣленіе разслабленнаго, Вознесеніе, Увѣреніе Θомы, Іосифъ Аримаѳейскій и 3 св. жены-мироносицы и Сошествіе св. Духа. Миниатюры эти весьма тонкаго, артистическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько сухого и дробнаго исполненія. Поля фоновъ золотыя. По золоту киноварью выведены грузинскія надписи.

Но были ли вытѣснены окончательно этимъ новымъ искусствомъ старыя художественныя традиціи и навыки?

Рядомъ съ миниатюрами „константинопольскаго“ пошиба иногда встрѣчаются кодексы, и иконографически и стилистически далеко отстоящіе отъ смежныхъ треческихъ памятниковъ своего времени. Чрезвычайно яркимъ образцомъ можетъ служить рукопись за № 25. Этотъ списокъ Цвѣтной Тріоди сохранилъ 7 миніатуръ; каждая занимаетъ почти всю страницу. Поля фоновъ цвѣтныя, красочныя, а не золотыя; они почти всюду сплошныя (рѣдко въ „траввахъ“). Изображенія фигуръ исполнены съ преобладаніемъ графичнаго тонко, но не мелочно рисованнаго контура. Лѣпка и плавь не контрастны и оживки не рѣзки. Золота нигдѣ не употреблено. Наборъ красокъ простой въ глубокой, хотя нѣсколько сѣровато-бѣлесоватой гаммѣ. Но рядомъ съ этимъ, на одной изъ миніатуръ (7-я) крещатыя ризы святителей исполнены иной чисто графической, техникой—узоръ данъ либо черниломъ, либо киноварью по свѣтлому полю незакрашеннаго пергамента. А передъ началомъ текста заставка изъ плетенки. Иконографически рѣдкой является первая миніатура—Увѣреніе Θомы (см. прилагаемое изображеніе), гдѣ невѣрующій касается руки сидящаго Христа, въ то время какъ въ ходовомъ типѣ этой композиціи онъ подноситъ руку къ ребру стоящаго Спасителя. Кромѣ того, имѣются сл. композиціи: жены-мироносицы и Іосифъ Аримаѳейскій, Исцѣленіе разслабленнаго, Христось и самарянка, Исцѣленіе слѣпого ⁸⁷), Вознесеніе и Никейскій соборъ 318 отцевъ ⁸⁸).

Не меньшаго, а пожалуй большаго вниманія заслуживаетъ фактъ наличности смежныхъ хронологически съ цѣлымъ рядомъ „показныхъ“ богатыхъ памятниковъ и еще одной группы минированныхъ рукописей. И если первые, какъ указывалось, исполнялись на новомъ дорогомъ писчемъ матеріалѣ при помощи роскошныхъ техническихъ средствъ, то рукописи, на которыя въ настоящее время обращается вниманіе читателя, какъ разъ не блещутъ указанными особенностями. Наоборотъ—онѣ исполняются то на палимпсестахъ старыхъ обветшалыхъ разбитыхъ манускриптовъ, то на пергаментѣ грубой „доморощенной“ выдѣлки. Иногда эти памятники имѣютъ форму книгъ, но иногда и свитковъ ⁸⁹). Рукописи эти, рѣдко снабженныя историческими

приписками, большею частью анонимны и по содержанию охватывают очень узкий круг литературных произведений, из которых главными являются: Евангелие, Литургические тексты (иногда сопровождаемые суевѣрными молитвами и заклинаніями, какъ напр. въ р—си Сіонскаго Древлехранилища за № 194) и монашескіе сборники. Въ палеографическомъ отношеніи они также не укладываются въ ходовыя датировочныя нормы, по преимуществу разрабатываемыя на основаніи матеріаловъ иныхъ категорій памятниковъ ⁴⁰). Для многихъ провеніенція не устанавливается, но тамъ, гдѣ имѣются налицо свѣдѣнія о мѣстѣ, она намѣчаетъ знаменательные выводы. Сванетскіе (правильнѣе сванскіе) литургическіе свитки, кодексъ изъ Мтіулетіи (правильнѣе Мтіуліи) или „вывезенъ изъ деревни“—таковы свѣдѣнія о мѣстахъ находокъ большинства этихъ манускриптовъ.

Изъ собраній Сіонскаго Древлехранилища я позволю отмѣтить особенно сл. рукописи: №№ 18, 146, 194, 922.

Евангелие, по тексту отличное отъ Аѳонскаго перевода (sic!), украшено изображеніями пишущихъ Евангелистовъ (воспроизведение одного изъ нихъ—см. прилагаемый снимокъ). По палеографіи Ѳ. Жорданія относитъ памятникъ къ XIII в. ⁴¹). № 146—монашескій сборникъ украшенъ многочисленными и часто весьма сложными инициалами, раздѣланными по преимуществу плетенкой. Въ книгѣ 3 композиции: бесѣдующіе Дороеи и Іоаннъ (стр. 112; иллюстрація къ сочиненію: „отвѣты Іоанна, прозваннаго пророкомъ, на вопросы Дороея“), три святыхъ въ ростъ (стр. 129; иллюстрація къ сочиненію: „Душеспасительныя наставленія св. Максима Исповѣдника, въ переводѣ св. Евѳимія“⁴²) и сложная многофигурная композиція, называющаяся св. пустынниковъ (стр. 199). Палимпсестъ. № 194. Литургическая р—сь изъ Мтіуліи съ суевѣрными молитвами и заклинаніями; украшена заставкой (основной орнаментальный мотивъ—плетенка) и миниатюрами на двухъ листахъ: на первомъ листѣ сильно пострадавшая миниатюра, изображающая въ особыхъ обрамленіяхъ фигуру въ ростъ и женскую съ младенцемъ, а на послѣдней страницѣ—подъ тройной арочкой на двухъ колоннахъ по сторонамъ креста, высящагося на подножіи (декорованъ плетенкой), стоятъ со свитками св. Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ ⁴³). Оба въ шапочкахъ и фелоняхъ шахматной раздѣлки. № 922. Литургическій свитокъ, украшенный инициалами и одной миниатюрой, помѣщенной, какъ заставка, въ началѣ полотноща. Изображенъ св. Іоаннъ Златоустъ въ ростъ со свиткомъ передъ жертвенникомъ или престоломъ въ крещатой (шахматное поле) фелони.

Миниатюры всѣхъ этихъ рукописей въ основномъ стилитическомъ приѣмѣ относятся къ единой группѣ чисто графическихъ про-

изведеній. Разница лишь въ „почеркѣ“ школы или мастера, да въ большемъ или меньшемъ богатствѣ красочнаго набора. Всюду чернильный рисунокъ, выработанный то плоскими цѣлостными заливками, то проводительной красочной обписью. И стиль, и техника, и красочный, часто, наборъ настолько близки непосредственно къ памятникамъ графическаго теченія болѣе древняго періода (Феодоровское и Урбнисское Евангелія, сборникъ № 397), что живучесть преемственности этой художественной школы вскрывается внѣ всякаго сомнѣнія. Новое „константинопольское“ искусство отгѣснило старыя традиціи къ низамъ и въ глухіе провинціальныя углы, но отнюдь не искоренило его. Раскрывающіяся наблюденія пріобрѣтають особый интересъ въ связи со стилистическимъ родствомъ миниатюръ этой группы съ памятниками скульптуры, какъ до извѣстной степени монументальной, такъ и еще болѣе близкой стилистически портативной (металлопластика) и болѣе древняго и послѣдующаго времени ⁴⁸). Достаточно всмотрѣться въ пріемы выполненія драпировокъ и способовъ трактовки лица.

Конечно не приходится представлять исключительной сословной разслоенности эстетическихъ міровъ—здѣсь намѣчаются полюсы. И „живописная“ школа, кромѣ высоко-утонченныхъ произведеній, создавала болѣе грубые памятники отчасти съ деталями переходныхъ формъ, напр. въ Четвероевангеліи занесенномъ за № 498. Изображенія Евангелистовъ (редакція сидящихъ) на золотыхъ фонахъ писаны сложной техникой съ оживками, а заставки передъ Евангеліями исполнены мѣстами линейной расцвѣткой, мѣстами же лишь контурно киноварью, какъ и выходные инициалы.

Таковы намѣчающіеся пути при обслѣдованіи въ предѣлахъ указанного времени исторіи книжнаго украшенія въ земляхъ Грузіи. Къ сожалѣнію, неопубликованность памятниковъ, возникшихъ въ грузинскихъ зарубежныхъ монастыряхъ, особенно на Синаѣ, не позволяетъ расширить захватъ вопроса.

Послѣдующая эпоха культурнаго подъема падаетъ на послѣ-монгольскій періодъ. „Эпоха серебрянаго вѣка грузинской письменности“ протекаетъ при совершенно иныхъ историческихъ условіяхъ и обстановкѣ, чѣмъ то было въ „эпоху золотого вѣка“. Если раньше боролись иновѣрный халифатъ и единовѣрная имперія, то ко времени, послѣдовавшему за окончательнымъ паденіемъ монголовъ Константинополь сталъ Стамбуломъ. И въ эпоху послѣдняго расцвѣта грузинской миниатюрной живописи съ XVI по XVIII в.в. Грузія, распавшаяся на малыя, часто полунезависимыя, политическія единицы и потерявшая культурнѣйшія юго-западныя области, оказалась уже между двумя мусульманскими имперіями. И если раньше эстетическое влияніе шло съ

запада изъ Византіи, то теперь ярко выступаетъ вліяніе Востока, идущаго изъ преоборовшей иконоборческой Исламизмъ Персіи. Я не касаюсь здѣсь лицевыхъ грузинскихъ рукописей свѣтскаго содержанія, иллюстраціи которыхъ часто лишь провинціальное отвѣтвленіе искусства персидскихъ миниатюристовъ. Гораздо болѣе знаменательнымъ являются факты проникновенія персидскихъ вкусовъ и приемовъ въ сферу украшенія книгъ церковныхъ. Для уясненія силы культурнаго погрома предшествоваго времени должно отмѣтить, что въ XVI вѣкѣ кахетинскіе цари, завязавшіе сношенія съ Москвою, желая росписать храмы фресками, выписывали московскихъ иконниковъ ⁴⁴).

Иконографія, конечно, вполне христіанская. Техника исполненія фигуръ и композицій еще связана съ традиціоннымъ прошлымъ, но декорровка, какъ и во многихъ современныхъ армянскихъ манускриптахъ, подверглась сильнѣйшему персидскому воздѣйствію. Не только отдѣльные орнаментальные мотивы, но весь духъ книжнаго украшенія навѣяны Персіей. Прекраснымъ образцомъ этого, опять таки „аристократическаго“ искусства является р-съ за № 517 (хранится въ Сіонскомъ Соборѣ). Это Евангеліе, переписанное въ 1673 году, снабжено серіей росписныхъ канонныхъ композиціями изъ Нового Завѣта и тремя сохранившимися изображеніями Евангелистовъ. Должно въ первую голову отмѣтить тѣ угловыя украшенія по за обписью поля изображеній не въ углахъ, а на срединахъ сторонъ ⁴⁵). Не менѣе характерны и парныя рукописи за №№ 909 и 910. Здѣсь заставки и поля росписаны совершенно по-персидски; на поляхъ творенымъ золотомъ нанесенъ легкій ковровый узоръ доминирующихъ растительныхъ формъ ⁴⁶). Обѣ рукописи начала XVIII в. Но и въ другихъ рукописяхъ появляются болѣе мелкія заимствованія. Входитъ въ широкое употребленіе обычай обчерчивать листы цвѣтной каймой. Конечно, эти замѣчанія относятся только къ такъ сказать „передовой“ группѣ памятниковъ того времени. Отсталые ближе къ старой традиціи.

Въ XVIII вѣкѣ начинается внесеніе и католическими миссіонерами и изъ Россіи композицій формъ и техники западно-европейскаго искусства и постепенно наступаетъ отмираніе старыхъ традицій искусства, нѣкогда столь яркаго. Въ XIX вѣкѣ онѣ пресѣклись.

Въ предложенномъ очеркѣ я старался, по возможности, не выходить изъ сферы матеріаловъ, доставляемыхъ только однимъ, правда богатѣйшимъ, собраніемъ. И вотъ обзоръ только одного собранія позволяетъ видѣть широкія историческія перспективы. Но какъ много еще неяснаго и гадательнаго. Только собирательство и публикація памятниковъ смогутъ выяснитъ и непреложно установить историческіе выводы. Это—неотложныя культурныя проблемы не только грузинскаго общества, но и всѣхъ, кому дорого пониманіе Востока.

Дмитрій Гордѣевъ.

Тифлисъ. 1918. апрѣль—май.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ИВ. Иллюстраціи исполнены по снимкамъ фотогр. Л. П. Таранушенко.

¹⁾ Прекрасный общій очеркъ исторіи развитія и наличнаго состоянія кавказовѣдѣнія въ широкомъ значеніи термина и соотношенія къ смежнымъ дисциплинамъ см.: «Записка академика *Н. Я. Марра* о Кавказскомъ Историко-Археологическомъ Институтѣ» (Приложеніе къ протоколу X засѣданія отд. Ист. Наукъ и Филолог. Р. А. Н. 6 сентября 1917 г.; напечатана въ Извѣстіяхъ Р. Академіи Наукъ за 1917 г. стр. 962—991). Для ознакомленія съ общими проблемами Кавказовѣдѣнія см. также двѣ статьи *Н. Я. Марра*: 1) Кавказъ и памятники духовной культуры» (Извѣст. И. Акад. Наукъ, 1912, стр. 69—82) и особенно—2) «Кавказскій культурный міръ и Армения» (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1915 г.; отд. отт. стр. 53).

²⁾ Внимательный читатель, вѣроятно, замѣтитъ ниже не только неполноту библиографическаго подбора, вызванную, отчасти, популяризаторскимъ направленіемъ статьи, но и устарѣлость нѣкоторыхъ ссылокъ. Причинами тому явились: состояніе библиотекъ Тифлиса и почтовая разруха, пресѣвшая почти всякое научное общеніе съ другими культурными центрами.

³⁾ Ук. соч. *Марра* «Кавказск. культурн. міръ и Армения», отд. отт. стр. 11—13.

⁴⁾ Къ сожалѣнію, Музей имѣетъ, пока, только недостаточно провѣренныя и часто не точныя освѣдомители (особенно два первыхъ тома). См. *Θ. Д. Жорданія*, Описание рукописей Тифлискаго Церковнаго Музея Карталино-Кахетинскаго Духовенства. Кн. I (изд. Церк. Музея № 12), Тифлисъ, 1903 и кн. II (изд. Церк. Музея № 9), Тифлисъ, 1912; *М. Г. Джаналивили*, Описание рукописей Церковнаго Музея духовенства Грузинской Епархіи. Кн. III. (Изд. Церк. Музея № 13), Тифлисъ, 1908.

⁵⁾ Матеріалы по Археологіи Кавказа (изд. Моск. Арх. Общ.), вып. XIV (Москва, 1916), изд. подъ ред. *гг. П. С. Уваровой, А. С. Хаханова и Е. С. Такайшвили*.

⁶⁾ *Н. Петровъ*, О миниатюрахъ греческаго Никомидійскаго евангелія (XIII в.) въ сравненіи съ миниатюрами евангелія Гелатскаго монастыря XI в. Труды V Археологическаго съѣзда (въ Тифлисъ), Москва, 1887, стр. 170—179, фототипическая таблица XVII (издана миниатюра съ композиціей Вознесенія). *Н. Покровскій*: 1) миниатюры Евангелія Гелатскаго монастыря XII в. Записки И. Русск. Археологическаго Общества, отд. русск. и славянск. археологіи, т. IV (С.Пб., 1887) и 2) (его-же) Евангеліе въ памятникахъ иконографіи преимущественно византійскихъ и русскихъ. Труды VIII Археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1890 г., т. I (Москва, 1892), стр. XXVI—XXVII (№ 3) и рисунки (прориси) въ текстѣ.

⁷⁾ *Gabriel Millet*, L'art byzantin (Histoire de l'art depuis les premiers temps chrétiens jusqu'à nos jours, publ. p. André Michel. Paris, I [1905], p. 126—301; II [1908], p. 925—962). *Charles Diehl*, Manuel d'art byzantin. Paris, 1910. *O. M. Dalton*, Byzantine art and archaeology. Oxford, 1911.

⁸⁾ *А. А. Цагарем*, Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, вып. I. С.Пб. 1886, стр. XXVIII—XXIX (набросокъ схемы исторіи эволюціи искусства грузинскаго книжнаго украшенія). Описание указ. р-сей см. «Свѣдѣнія» вып. II (С.Пб., 1889): Миней—№ 29 каталога р-сей м-ря св. Креста, псалтиря—№ 1 каталога грузинскихъ р-сей Синайскаго монастыря (имѣются

только инициалы). Оба каталога II вып. «Свѣдѣній» извлечены изъ труда того же автора «Памятники грузинской старины въ св. землѣ и на Синаѣ» С.Пб., изд. Православн. Палестинск. Общ.

⁹⁾ *Н. Кондаковъ и Д. Бахрадзе*, Опись памятниковъ древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи. С.Пб., 1890, «Джручшскій м-рь», № 6. Первая выдержка—стр. 153—154; вторая—стр. 154.

¹⁰⁾ Георгій Мерчулъ, Житіе св. Григорія Хандзійскаго. Грузинскій текстъ, введене, изданіе и переводъ *Н. Марра* съ «Дневникомъ поѣздки въ Шавш[ет]ію и Клардж[ет]ію». (Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи, кн. VII) С.Пб., 1911. Введеніе, §§ 2 и 13). О Шатбердѣ см. въ «Дневникѣ» съ 14 VIII.

¹¹⁾ Классическимъ примѣромъ можетъ служить кодексъ, сохранившій цѣнную, касающуюся даннаго вопроса, приписку о такомъ позднемъ украшеніи—первое, болѣе древнее, Тбетское четвероевангеліе 995 года изъ собр. кн. Ив. Грузинскаго (въ Петроградской Публичной Библиотекѣ). См. ук. соч. *Цагарели*, «Свѣдѣнія», вып. I, отд. III, № 5, стр. 17—22. Вилетенными являются, судя по стилю, и два листа кононовъ въ Кеанскомъ кодексѣ (Сіонское Древлехранилище, р-съ № 509).

¹²⁾ Кромѣ общеизвѣстнаго въ Закавказьѣ Эчмιάдинскаго кодекса Евангелія, давно изданнаго *Стржиловскимъ* въ серіи *Byzantinische Denkmäler*, позволю обратить вниманіе читателя на сл. главнѣйшіе изъ опубликованныхъ памятниковъ этого рода. Избѣгая загромождающей библиографіи, я даю параллельныя ссылки или тамъ, гдѣ изданія пополняютъ другъ друга, или тамъ, гдѣ кромѣ иностраннаго есть и русское, болѣе доступное.

Ев. Габулы, cod. Laur. sur. 56, датировано 586 годомъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ еще изданія, достойно публикующаго этотъ первоепенной важности памятникъ. *С. А. Усовъ*, Сирійское евангеліе Лаврентіанской библиотеки. Древности, Труды И. Московск. Археологич. общ., XI, 2, 1886. (Дано описаніе—стр. 1—51 и изданіе миниатюръ по старымъ гравюрамъ). Полная фотографическая съемка—*Collection des Hautes Etudes (A. Venturi)*, С. 1384—1406. Въ краскахъ: *J. Labarte*, Histoire des arts industriels au moyen âge et à l'époque de la Renaissance, Album, II, Paris, 1864, pl. LXXX (Распятіе); *В. В. Стасовъ*, Славянскій и восточный орнаментъ по рукописямъ древняго и новаго времени. С.Пб., 1887, табл. СХХVI, 15 (аркада канона). Анализъ памятника—*Д. В. Айналовъ*, Эллипстическія основы византійскаго искусства. Записки И. Русск. Археологическаго Общества, XII, 3—4, Труды отд. археологіи древнеклассич. визант. и зап.-европ., V, 1901, стр. 47—55. Общедоступное изданіе по фот. снимкамъ образцовъ—*O. Wulff*, Altchristliche und byzantinische Kunst. Lieferung 10, Berlin—Neubabelsberg (безъ года изданія), fig. 277 (р. 294)—аркада и миниатюры на поляхъ: Причащеніе Апостоловъ и Входъ во Іерусалимъ и fig. 278 (р. 295)—Вознесеніе.

Ев. cod. Bibl. Nat. syr. № 33 (относимо къ VI в.). Общее описаніе—*Е. Рудникъ*, Сирійскія рукописи съ миниатюрами Парижской Національной библиотеки и Британскаго Музея. Археологическія Извѣстія и Забѣтки. III (1895), стр. 355—357. Анализъ—ук. соч. *Айналова*, Эллипст. основы, стр. 55—58. Въ краскахъ—ук. соч. *Стасова*, табл. СХХVI, 2—11. По фот. снимкамъ—ук. соч. *Wulff'a* fig. 276 (р. 294)—Христосъ и кровоточивая жена.

Книги Ветхаго и Новаго Завета, Bil. Nat. syr. № 341 (VII—VIII в.в.). Полная публикація миниатюръ этой рукописи, относящихся къ книгамъ Ветхаго Завета, см. *Н. Omont*, Peintures de l'ancien testament dans un manuscrit

sAriaque du VII-e ou du VIII-e siècle. „Monuments et mémoires“ publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Fondation Eugène Piot, tome XVII, Paris, 1909. p. 85—98, pl. V—IX сь 23 воспроизведеніями.

Миніат. берлинской сур. р-су. См. А. Baumstark, Spätbyzantinisches und frühchristlich-syrisches Weihnachtbild. Oriens Christianus, N. S., III, p. 115—127 (mit 4 abb.).

Ев. въ Болоньѣ 1144 г. см. Steph. Beissel, Geschichte der Evangelienbücher in der ersten Hälfte des Mittelalters. Freiburg i. B., 1906, p. 69—70.

Ев. Британскаго Музея № 25, Addit. 7169 (относимо къ XII в.). Общее описание—ук. соч. Рудина, дано описание 15 новозавѣтныхъ миниатюръ.

Ев. Bibl. Nat. syr № 355 (относимо въ XII—XIII в.). Полная публикація миниатюръ этой рукописи см. Н. Omont, Peintures d'un évangélaire syriaque du XII ou XIII siècle. ук. периодикъ „Monuments et mémoires“ Piot, XIX (1911), p. 201—210, pl. XVI—XX (Стрѣненіе, Крещеніе Господне, Входъ во Іерусалимъ, Умовеніе ногъ, Невѣріе Фомы, Вознесеніе Христова, Крестъ Провѣтній и выходной листъ).

Ев. 1221 г. хранящееся въ Іерусалимѣ. А. Baumstark, Drei illustrierte syrische Evangeliare. Oriens Christianus, IV, 1904. Это описание застаётъ памятникъ въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ послѣдовавшее затѣмъ и принадлежащее перу Joh. Reil'я [Der Bildschmuck des Evangeliars von 1221 im Syrischen Kloster zu Jerusalem. Ztshr. d. Deutschen Palästina-Vereins, XXXIV, 1911, p. 138—146, +taf. I—IV], который описываетъ и отчасти издаетъ ея миниатюры: Симеонъ (по грудь) съ Младенцемъ Христомъ на рукахъ, Тайная Вечера (t. I), Распятіе, сѣв. Жены у Гроба (t. II), Сомествіе во Адъ, Вознесеніе (t. III), Сомествіе св. Духа (t. IV) и Преображеніе. По Баумштарку были еще миниатюры: Рождество Христова=Поклоненіе Пастырей и Крещеніе во Іорданѣ.

Іаковитское Ев. апракосъ Брит. Музея № 26, Addit. 7170 (исполнено между 1208 и 1222 годами). Г. К. Рудинъ, Сирійская рукопись Евангелія съ миниатюрами XIII вѣка Библиотеки Британскаго Музея. Записки И. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XXI (1898). Въ отдѣльномъ отискѣ 14 стр. описанія (45 миниатюръ)+5 таблицъ съ 10 фототипич. воспроизведеніями.

Сиро-армянское Ев. Bibl. Nat. № 344 (относимо къ XV—XVI в.в.). F. Macler, Miniatures arméniennes. Paris, 1913. pl. XX—XXVIII—fig. 47—64.

¹²⁾ О. Теръ-Овсепянъ, Гареминъ, архим. Поѣздка въ Іерусалимъ лѣтомъ 1911 года. Христіанскій Востокъ, т. I (С.Пб., 1912 г.), стр. 37—40.

¹⁴⁾ Фот. Ермакова: Ев. Матѳей—№ 16742 (117) и Маркъ—№ 15303 (82).

¹⁵⁾ Фот. Ермакова: №№ 17603 (167) и 17604 (168).

¹⁶⁾ Ук. изданіе—Мат. по Арх. Кавказа, вып. XIII, табл. 1 и 2.

¹⁷⁾ Д. В. Аймаловъ, Византійскіе памятники Аѳона, I. Византійскій Временникъ, т. VI (С.Пб., 1889). Памятникъ датируется авторомъ IX—X в.—стр. 63. (табл. IV—Христосъ, табл. V—Богородица, табл. VI—Маркъ, табл. VII—Лука и табл. VIII—Іоаннъ).

¹⁸⁾ Фот. Ермакова: № 15308 (87). Исцѣленіе разслабленнаго.

¹⁹⁾ Ук. соч. Жорданія, т. I, стр. 29.

²⁰⁾ Фот. Ермакова: №№ 17593 (157), 17594 (158), 15610 (89)—каноны; отъ 15611—15614 (90—93)—образцы текста съ инициалами.

²¹⁾ Ук. соч. Жорданія, т. I, стр. 394. Это замѣчаніе одного изъ видѣйшихъ работниковъ въ дѣлѣ обследованія грузинскихъ рукописей краснорѣчивѣйшимъ образомъ говоритъ о той степени неизвѣданности грузинскихъ памятниковъ, когда еще возможны такіа колебанія въ локализаци, какъ Иверъ

(Аѳонъ) и Шетбердь (Кларджія). Однако, для поднятаго мною вопроса о стиляхъ миниатюръ та или другая локализациа не вліетъ на выводы, такъ какъ даже въ случаѣ возникновенія памятника на Аѳонѣ оныя изготовленъ мастеромъ въ эпоху основанія обители, не выработавшей еще своихъ „грекофильскихъ“ традицій, и, слѣдовательно, работавшимъ „по старинкѣ“—въ рамѣ навыковъ своей школы.

²²⁾ См. примѣч. 11. Первый тбетскій четвероглавъ.

²³⁾ *Прот. Корн. С. Кекелидзе*, Иерусалимскій канонарь VII в., Приложение I. Тифлисъ, 1912.

²⁴⁾ Регистраціа миниатюръ, данная *Жорданія* (ук. соч., т. II, стр. 132—133), не только кратка, но и часто не точна, да и не полна.

²⁵⁾ Ук. соч. *Кондакова-Бакрадзе*. Отд. „Ризница Сіонскаго Собора въ Тифлисъ“ № 1. Къ сожалѣнію, дано не полное перечисленіе миниатюръ.

²⁶⁾ Одна изъ вырѣзанныхъ миниатюръ (изображеніе св. Аѳиногена и Марины) вшита вновь на свое мѣсто. Текстъ на оборотѣ возстанавливается. Объ этихъ святыхъ см. мѣсяцъ іюль 17 число въ ук. соч. *Кекелидзе*, стр. 309.

²⁷⁾ *N. Kondakoff*, Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures, trad. p. M. Travinski. II (Paris, 1891), p. 102—109. *Pio Franchi de Cavalieri*, Il menologio di Basilio II (cod. Vat. gr. 1613) I—II, Torino, 1907, XXII+125 p.+433 pl.

²⁸⁾ По размѣткѣ *Жорданія* (ук. соч., т. II, стр. 133) отд. 6) № 46. По новой пагинаціи памятника краснымъ карандашомъ стр. 123. Исцѣленія по этой же пагинаціи: прокаженнаго—стр. 131 и „слуги сотника“—стр. 134.

²⁹⁾ Рядъ миниатюръ Синаксаря былъ снятъ *фот. Ермаковымъ*. См. №№:—12783 (1) Ев. Матѳей,—12784 (2) св. Николай,—12785 (3) Крещеніе Спасителя,—12786 (4) св. Антипа,—12787 (5) св. Евѳимій,—12788 (6) Благовѣщеніе Богородицы,—12789 (7) Ев. Маркъ,—12790 (8) ап. Іаковъ Заведеевъ,—2388 (221) Христосъ и Самарянка,—12791 (9) Пророкъ Ісаія и св. Христофоръ,—12792 (10) св. Пахомій и пророкъ Захарія,—12793 (11) ап. Петръ и Павелъ.

³⁰⁾ Старая библиографія собрана *А. С. Хахановымъ*, видѣвшимъ памятникъ еще въ Алавердскомъ соборѣ. См. „Экспедиціи на Кавказъ 1892, 1893 и 1895 г.“ въ Матеріалахъ по Археологіи Кавказа (изд. Моск. Арх. Общ.), вып. VII (Москва, 1898), стр. 10.

³¹⁾ Тамъ же, стр. 16.

³²⁾ ук. соч. *Жорданія*, т. II, стр. 51.

³³⁾ *фот. Ермакова*: №№—12822 (40) Ев. Матѳей,—17598 (162) Ев. Маркъ,—12823 (41)—17599 (163) Ев. Лука,—12824 (42) Ев. Іоаннь; выходная миниатюра „Переписки Спасителя съ Авгаросомъ“—17602 (166), Нерукотворенный Убрусъ—17601 (165), Крещеніе Авгара—17600 (164).

³⁴⁾ ук. соч. *Хаханова*, стр. 16—17.

³⁵⁾ Объ этомъ памятникѣ, пока, см. описаніе въ ук. соч. *Кондакова-Бакрадзе*, отд. „Монастырь Гелать“ № 42, стр. 47—50. Въ Христіанскомъ Востокѣ должна появиться публикаціа этого выдающагося произведенія миниатюристскаго мастерства, издаваемая *Е. С. Такайшвили*.

³⁶⁾ *О. Вульфъ*, Архитектура и мозаики храма Успенія Богородицы въ Никее. Византійскій Временникъ, т. VII (С.Пб., 1900), табл. III. Описаніе—стр. 415; о датѣ мозаикъ на рѣзкѣ—стр. 419—421.

³⁷⁾ *фот. Ермакова* № 16750 (145).

³⁸⁾ *фот. Ермакова* № 16751 (146).

³⁹⁾ Кромѣ указываемаго ниже свитка Сіонскаго Древлехранилища за

№ 922 позволю себѣ указать еще и на драгоценную по полнотѣ коллекцію сванскихъ свитковъ, хранящихся нынѣ въ Музеѣ Грузинскаго Общества Исторіи и Этнографіи въ библиотекѣ рукописей за №№ 510, 511, 512, 518, и 521. См. *фот. Ермакова*: №№ 17196—17200 включительно (р-сь № 511) и 17210—17215 включительно (р-сь за № 518).

⁴⁰⁾ Такъ, такой опытный палеографъ, какъ Е. С. Такайшвили по поводу дать указанныхъ сванскихъ свитковъ высказался: „не древнѣе X и не позже XIV вѣка“.

⁴¹⁾ ук. соч., т. I, стр. 12,

⁴²⁾ Композиція, встрѣченная и на сванскомъ свиткѣ. литургическаго же содержанія; ук. р-сь Груз. Общ. Ист. и Этнограф. № 510.

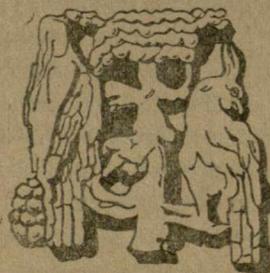
⁴³⁾ Среди датированныхъ памятниковъ древней грузинской скульптуры можно напр. указать на рельефъ изъ Опизы съ ктиторскимъ портретомъ Ашота Великаго († 826). *Е. Такайшвили*, Археологическія экскурсіи, разсканія и замѣтки, вып. II (отд. отт. изъ вып. I Извѣстій Кавказскаго отдѣленія И. Московскаго Археологич. Общества), Тифлисъ, 1905. „Грузинскія надписи на археологическихъ предметахъ, хранящихся въ Кавказскомъ Музеѣ въ Тифлисѣ. № 1. +ненумерованное воспроизведеніе (пинктографія) на стр. 57. Особо близкое средство трактовки лица и въ частности волосъ (вполнѣ ясно у Багратида и пророка Давида) и характера схематизаціи одеждъ съ изображеніями Евангелистовъ на миниатюрахъ Θεодоровскаго Евангелія (р-сь Сіонскаго Д-ща № 98; см. примѣчаніе 15). Среди памятниковъ прикладнаго искусства ср. стилистическую близость „графическаго“ подхода въ исполненіи драпировокъ миниатюръ отмѣченной группы р-сей съ цѣлою серіей чеканныхъ образовъ напр.: а) хранящейся въ Шемокмед-и иконы IX в. и болѣе позднихъ (ср. съ миниатюрами, р-си № 18), б) иконы Богоматери (ктиторы Мхецидзе) въ Гелати и в) древо-хранительницы въ Шемокмеди (*Кондаковъ-Бакрадзе*, а) рис. 67 на стр. 130 и опис. за № 23 на стр. 131; б) рис. 16 на стр. 33 и 80 на стр. 173 и опис. за № 9 стр. 32; в) рис. 64 на стр. 127 и опис. за № 19 на стр. 131).

⁴⁴⁾ *А. А. Цагарели*, Сношенія Россіи съ Кавказомъ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ; Рѣчь читанная на годичномъ актѣ И. С. Пб. У-та 8, V, 1891 г. С. Пб. 1891. стр. 12. Ук. соч. *Хаванова* стр. 33).

⁴⁵⁾ см. *фот. Ермакова* № 12 804 (22) съ воспроизведеніемъ Евангелиста. Нѣкоторыя другія миниатюры см. снимки той же фирмы №№ 12798—12803 (16—21) и 17609—10 (169—170).

⁴⁶⁾ *фот. Ермакова* №№ 17595 (159)—пророкъ Давидъ и 17596 (160)—Благовѣщеніе Богородицы и выходной листь. Оба снимка изъ р-си № 910.

Д. Г.

Старый Тифлисъ по описаніямъ А. Негри (1817 г.) и М. Медичи (1824—30 г.г.) ¹⁾.

Въ одной изъ своихъ замѣтокъ извѣстный кавказовѣдъ К. О. Ганъ (Изъ прошлаго города Тифлиса, — „Тифл. Листокъ“, 1911 г. № 80) писалъ о Тифлисѣ слѣдующее: „Источники для изученія нашего города весьма скудны. Даже за послѣднее столѣтіе, со временъ владычества русскихъ на Кавказѣ, мы имѣемъ сравнительно мало точныхъ, притомъ трудно доступныхъ свѣдѣній. Сильно чувствуется отсутствіе хроники и была бы великая заслуга, если бы кто-либо, любящій такое дѣло, записалъ со словъ старожилонъ главнѣйшія событія въ жизни города, хотя за послѣдніи 50—60 лѣтъ, провѣривъ и пополнивъ такіе рассказы изъ старыхъ газетъ, архивовъ и т. д. Не мѣшало бы также поручить официальному лицу дальнѣйшее продолженіе такой хроники, какъ это дѣлается во многихъ большихъ городахъ Европы. Эта хроника, помимо историческаго интереса, имѣла бы также громадное соціально-экономическое значеніе, открыла бы намъ любопытныя данныя о ростѣ города и его благосостоянія въ связи съ открытіемъ новыхъ путей сообщенія и новыхъ промышленныхъ предприятий, о перемѣнѣ условій жизни къ лучшему или худшему, о постоянствѣ или измѣненіи климата и т. д. Она послужила бы во многихъ отношеніяхъ также полезнымъ указаніемъ для нашего городского самоуправления, въ какомъ направленіи должна итти созидательная работа его“.

Подобное заявленіе К. О. Гана, конечно, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны любителей тифлисской старины. Однако, собраніе свѣдѣній о главнѣйшихъ событіяхъ въ жизни города не совсѣмъ достаточно для составленія исторіи этого послѣдняго. При составленіи исторіи города, помимо голой хронологіи и архивныхъ матеріаловъ, необходимо располагать еще и нѣчто инымъ, именно тѣми свѣдѣніями, которыя сообщаютъ объ этомъ городѣ третьи лица и прежде всего, разумеется, отзывами по сему предмету путешественниковъ-иностранцевъ.

Въ этомъ отношеніи Тифлису нѣсколько посчастливилось: въ трудахъ П. Госселіани (Описаніе древностей города Тифлиса, Тфл 1866), Д. Бакрадзе—Н. Бердзенова (Тифлисъ въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, Спб 1870), А. Ерицова (Краткій историческій очеркъ Тифлиса, въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ“, кн. VI, Тфл 1880) и М. Джанашивили (Столица Грузіи—Тифлисъ, на груз. яз., Тфл 1899) собраны отзывы о Тифлисѣ почти всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ, путешественниковъ-иностранцевъ, какъ-то: Шардена (1671 г.), Турнефора (1701 г.) и Делапорта (1768 г.). Но этими отзывами все-таки не исчерпывается такъ сказать описательная литература о старомъ Тифлисѣ.

Желая съ своей стороны оказать посильную помощь дѣлу изученія прошлаго города Тифлиса, мы считаемъ не безполезнымъ опубликовать тѣ скромные по этому вопросу матеріалы, которые имѣются въ нашемъ распоряженіи. Это—двѣ картинки стараго Тифлиса, принадлежація кисти двухъ путешественниковъ первой половины XIX столѣтія, и именно Александра Негри отъ 1817 года и Миная Медичи отъ 1824—1830 годовъ.

I.

Описаніе Тифлиса, принадлежащее перу Александра Негри, содержится въ одной, доселѣ не изданной, рукописи на французскомъ языкѣ, которая принадлежитъ библиотекѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Рукопись озаглавлена такъ: *Journal de l'Ambassade extraordinaire, envoyé de la part de Sa Majesté l'Empereur de Russie, près de Schah de Perse en 1817; sous les ordres de Son Excellence le Général Jermoloff. Redigé par le conseiller d'Ambassade, conseiller d'Etat actuel A. Negru* *Дневникъ чрезвычайнаго Посольства отъ Его Величества Императора Россійскаго къ Шаху Персидскому въ 1817 году, во главѣ съ Его Высокопревосходительствомъ Генераломъ Ермоловымъ. Составленъ совѣтникомъ Посольства, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ А. Негри.* Рукопись in-folio распадается на 2 части: 1) *Journal de mon voyage en Géorgie et en Perse à commencer du 20 décembre 1816* *Дневникъ моего путешествія въ Грузію и въ Персію, начиная съ 20 декабря 1816 года* (стр. 1—172); и 2) *Annexes et notes du Journal* *Приложенія и замѣтки къ Дневнику* (стр. 175—302). Рукопись сопровождается записочкой слѣдующаго содержанія: *A Madame La Princesse Elise Soutzo Née Kroupensky hommage affectueux de son tres devoué A. Negru. Odessa, le 26. 7. 1848. Княгиня Элизъ Сутцо, урожденной Крупенской, благосклонное почтеніе отъ преданнѣйшаго ей А. Негри. Одесса, 20 іюля 1848 года.* Судя по этой запискѣ,

рукопись составляла собственность княгини Элизы Сутцо, урожд. Крупенской, отъ которой она, очевидно, и поступила въ Одесское О-во Исторіи и Древностей. Кстати отмѣтимъ, что на Дневникъ посольства ген. Ермолова въ Персію какъ-то указываетъ и П. Бутковъ (Матеріалы для новой исторіи Кавказа, ч. III, Спб 1869, стр. 400).

Что касается самаго описанія Тифлиса, то такое помѣщается въ рукописи на стр. 7—10. Приводимъ его въ точной выкопировкѣ изъ рукописи, съ параллельнымъ переводомъ нашимъ на русскій языкъ.

Tiflis—résidence du Commandant en Chef des provinces Géorgiennes et de tout les pays adjacens; cette ville est située au pied d'une montagne. La Koura la traverse dans toute sa longueur; on y jouit d'une température salubre, son eau est bonne. Le nombre des ses habitans est au-delà de 20.000; des deux milles maisons, qui s'y trouvent, à peine y en a-t-il 150 ou 200 de géorgiens, tout les reste est habité par Arméniens. Le marché de cette ville est composé de plus d'un millier de boutiques en bois; c'est un entrepôt de marchandises persannes, turques, russes et de productions indigènes. Les Arméniens y font le plus grand commerce; et ce n'est que parmi eux qu'on trouve des particuliers aisés. La construction de maisons est la même qu'en Perse; ce sont des carrés plus ou moins grands, percés par quelques ouvertures, qui leur servent de fenêtrés, l'intérieur est obscur; pour la plupart vous n'y trouvez qu'un rez-de-chaussée, qui est même creusé dans la terre; l'entrée de presque toutes les maisons est fort petite, leurs toits sont plats et couverts de terre, ce sont autant de terrasses sur les-

„Тифлисъ—резиденція главнокомандующаго Грузіи и всѣхъ прилегающихъ странъ. Городъ этотъ расположенъ у подошвы горы. Кура пересѣкаетъ его во всю длину. Въ немъ воздухъ здоровый, вода прекрасная. Число его жителей свыше 20.000 душъ. Изъ двухъ тысячъ домовъ, находящихся въ немъ, едва лишь 150 или 200 грузинскихъ, всѣ-же остальные принадлежатъ армянамъ. Базаръ этого города состоитъ изъ свыше тысячи деревянныхъ лавокъ; здѣсь—складочное мѣсто товаровъ персидскихъ турецкихъ и русскихъ и произведеній туземныхъ. Армяне совершаютъ крупныя торговыя операціи. И только среди нихъ и можно найти довольно зажиточныхъ. Конструкція домовъ такая-же, какъ и въ Персіи. Послѣдніе представляютъ собою не что либо иное, какъ четырехугольникъ, болѣе или менѣе высокій, внутри мрачный, и прорѣзанный нѣсколькими отверстиями, которыя служатъ окнами. Обыкновенно вы не находите въ городѣ домовъ, состоящихъ болѣе чѣмъ изъ одного этажа, который, въ тому-же, врытъ въ землю. Двери всѣхъ почти домовъ слишкомъ малы. Эти же кровли суть въ то-же

quelles les hommes et les femmes se promènent et couchent pendant les nuits d'été; une grande partie de ces maisons est voûtée, le milieu de ces voûtes est ouvert pour éclairer l'appartement. Les plus aisés parmi les habitants font bâtir sur leur maisons des „Derbaz“, ou voûtes assez vastes, les chambres, sur lesquelles elles s'élèvent, sont les meilleures et les plus grandes; le jour n'y vient que d'en haut par le moyen d'une ouverture. Ces appartements, quoiqu'un peu obscurs, sont les plus frais pendant les grandes chaleurs de l'été. Vis-à-vis de Tiflis, à la gauche de la Koura, il y a un nombre assez considérable de cabanes bâties sous terre... Un métropolitain de la religion grecs-russe, un archevêque arménien, trois pères Catholiques y sont les chefs de différens rites. Dans la ville de Tiflis on voit aussi une Mosquée pour les Mahometans de la secte d'Ali, établis dans cette ville. La Koura traverse Tiflis, qu'elle divise en deux parties; cette rivière rapide dans son cours et très poissonneuse, contribue beaucoup à la salubrité de l'air. Le costume Géorgien est à peu de différence près comme celui des Persans; leurs femmes s'entortillent depuis la tête jusqu'aux pieds de toiles blanches; elles cachent leur visage ainsi, que tout le reste le leur corps; avec des traits réguliers et bien marqués, elles se défigurent toutes en couvrant leurs visages de fard et en teignant leurs sourcils. Le cli-

самое время террасы, на которых мужчины и женщины прогуливаются и спать въ лѣтнія ночи. Большая часть домовъ сводчата, а посреди свода имѣется отверстие для освѣщенія жилища. Наибольше зажиточными изъ жителей пристраивается къ дому „дербазъ“ — т. е. довольно обширные своды, и комнаты, которыя зиждятся на нихъ, суть гораздо лучше и гораздо больше [нежели жилища]. Дневной свѣтъ проникаетъ въ жилища не иначе, какъ сверху, черезъ отверстие. Эти жилища, нѣсколько мрачныя, во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ бывають очень прохладны. Напротивъ отъ Тифлиса, влѣво отъ Куры, находится довольно значительное число хижинъ, построенныхъ въ землѣ... Одинъ митрополитъ греко-россійскаго исповѣданія²⁾, одинъ архіепископъ армянскій и три католическихъ патера суть въ городѣ главы различныхъ ритуаловъ. Въ городѣ Тифлисѣ имѣется также мечеть для магометанъ алиева учения³⁾, водворившихся въ этомъ городѣ. Кура, пересѣкая Тифлисъ, дѣлитъ его на двѣ части; эта рѣка, быстрая въ своемъ теченіи и изобильная рыбой, значительно способствуетъ здоровому состоянію воздуха. Костюмъ грузинъ почти не отличается отъ такового же персовъ. Женщины у нихъ закутываются съ головы до ногъ въ бѣлую чадру; онѣ скрываютъ все лицо такъ-же, какъ и все прочее тѣло; съ чертами правильными и довольно рѣзкими, онѣ обезображиваютъ себя тѣмъ, что покрываютъ

mat de la Géorgie est temperé, l'hiver y est très doux et courte durée; on y recueille quantité de fruits et de raisins de plusieurs espèces, dont on fait d'assez bon vin rouge et blanc...

свое лицо румянами и красятъ свои брови. Климать въ Грузіи умѣренный, зима слишкомъ мягкая и кратковременная. Въ Грузіи имѣется множество фруктовъ и виноградъ разныхъ сортовъ, изъ котораго приготавлиють довольно хорошее вино—красное и бѣлое...”

II.

Другое описаніе Тифлиса, которое мы имѣемъ въ виду привести здѣсь, принадлежитъ перу патера Миная Медичи.

Подъ именемъ патера Миная Медичи или Медици (pater Mina Medici) извѣстенъ въ европейской литературѣ членъ конгрегации Венеціанскихъ мхитаристовъ, армяно-католическій архимандритъ Мина съ Бжшкянцъ ⁴⁾, который въ началѣ прошлаго столѣтія состоялъ въ должности apostolicus administrator'a армяно-католиковъ Тавриды. Перу его принадлежитъ рядъ ученыхъ трудовъ на древне-армянскомъ языкѣ, напечатанныхъ въ Венеціи, и въ томъ числѣ—*հանազարհորդութիւնք ի Լեհաստան և չալի հղմանս բնակեալս ի Հալիպոզանց սերելոց ի նախնեաց Անի քաղաքին* Путешествіе въ Польшу и друія мѣста, населенныя тайканцами, происходящими отъ потомковъ города Ани, изданное въ 1830 году. Въ этомъ послѣднемъ, между прочимъ, и заключается описаніе Тифлиса (§ 615—619, стр. 412—414) ⁵⁾.

Когда патеръ Минай Медичи посѣтилъ Тифлисъ—объ этомъ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакого указанія въ его трудѣ. Въ виду этого, настоящій вопросъ и долженъ быть разрѣшенъ а priori и, притомъ, лишь приблизительно.

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что авторъ въ своемъ описаніи Тифлиса упоминаетъ Нерсесовскую духовную семинарію, можно, конечно, заключить, что онъ былъ въ Тифлисѣ, во всякомъ случаѣ, не ранѣе времени основанія этой семинаріи; и, такимъ образомъ, годъ основанія семинаріи—1824—долженъ быть принятъ за terminus a quo. Что касается terminus ad quem, то таковымъ долженъ быть принятъ годъ изданія книги—1830. Слѣдовательно, посѣщеніе нашимъ авторомъ Тифлиса должно быть приурочено къ промежутку между 1824 и 1830 годами.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній считаемъ возможнымъ привести самое описаніе Тифлиса, въ нашемъ переводѣ съ древне-армянскаго (подлинное описаніе здѣсь нами не воспроизводится, въ

виду того, что оно, въ отличіе отъ описанія А. Негри, имѣется въ печати).

„Тифлисъ—главный городъ Грузинской области, а нѣкогда древняя столица Грузіи. Онъ съ запада на югъ огражденъ скалистыми горами, а съ востока имѣетъ рѣку Куру, протекающую съ сѣвера на югъ. По ту сторону рѣки расположена гора *Аглабаръ*, на которой находится обширное плато; здѣсь обитаютъ эчміадзинскіе крестьяне, которыхъ привелъ сюда областной начальникъ русской службы Циціановъ во время послѣдней войны съ персами и которые стали строить дома и тѣмъ самымъ расширять городъ ⁶⁾. Сей знаменитый городъ расположенъ на склонѣ горы, начиная отъ береговъ Куры, и имѣетъ стѣны изъ щегня на глинѣ. Въ немъ близъ моста, перекинутого съ юга на востокъ, находится 5 бань изъ натурально-горячихъ водъ, которыя построены на многочисленныхъ сводахъ и благодѣльны, имѣя различныя глубокія ванны изъ камня на извести. Влѣво отъ бань находится дорога въ Персію; а по сю сторону отъ баннаго моста—высокая башня, называемая *Нари'але* ⁷⁾, гдѣ хранятъ оружіе и вообще военные снаряды. Къ сѣверу, внѣ города,—равнина, гдѣ находится предмѣстье, составляющее собою предѣлъ большого квартала, называемаго *Тан'ит'аг* ⁸⁾. Въ этомъ кварталѣ, близъ рѣки, находится армянскій *Банк* ⁹⁾ или резиденція епархіальнаго начальника—архіепископа; древняя церковь по имени *Кат'ог'икэ* ¹⁰⁾ основана въ 600 году отъ [Рождества] Господа ¹¹⁾; имѣетъ она 3 алтаря въ одинъ рядъ и 5 куполовъ ¹²⁾; внутри разрисована различными картинами. Замѣчательно основанное высокоименитымъ Нерсесомъ, архіепископомъ армянъ Грузіи, новое училище ¹³⁾, въ которомъ учатся дѣти-армяне языкамъ армянскому, русскому и персидскому, подъ наблюденіемъ благоразумнаго архимандрита Аругюна Аламдарянца. Жители сего большого города принадлежатъ разнымъ національностямъ; ихъ, въ общемъ счетѣ, двадцать тысячъ семействъ, а семействъ армянскихъ—5.000 ¹⁴⁾. Армяне прежде имѣли 24 церкви, но при взятіи Магометь-ханомъ этого города многія изъ нихъ подверглись разрушенію. Нынѣшнихъ церквей, кромѣ Банк'а,—10, кои суть слѣдующія: 1) *Сурб-Нишанъ Мо'нинскій* ¹⁵⁾, 2) *Джипрашенъ*, 3) *Виолемская* ¹⁶⁾, 4) *Большая крепостная* ¹⁷⁾, 5) *Малая крепостная* ¹⁸⁾, 6) *св. Георгія*, ¹⁹⁾, 7) *св. Саргиса*, которая внѣ города, близъ Банк'а ²⁰⁾, 9) *св. Саргиса* близъ бань, 10) *св. Каранета* по ту сторону рѣки. *Двичья пустынь*—обитель армянскихъ инокинъ ²²⁾, которыя издавна подвизаются подъ главенствомъ игуменъ ²³⁾. *Сіонъ*—соборъ грузинскій, построенный царями, купольный и высокій, съ высокою колокольнею,—расположенъ на берегу Куры. Онъ—обширный и великолѣпный—разрисованъ внутри картинами (сюжетами) изъ Библии. Такъ-же великолѣпенъ епископатъ русскій ²⁴⁾. Находятся въ

Тифлисъ и армяне римскаго исповѣданія, около 40 семействъ; они имѣютъ каменную церковь во имя святой Богородицы, которая основана въ 1803 г.; при ней—церковный домъ, гдѣ живутъ латинскіе священники, пасущіе приходъ ²⁸). Въ городѣ имѣются и греки, пришедшіе съ разныхъ мѣстъ. Дома, принадлежащіе лицамъ высшаго состоянія,—двухъэтажны и построены изъ кирпича, принадлежащіа лицамъ средняго состоянія—одноэтажны, а принадлежащіе простолюдинамъ построены изъ щебня на глинѣ; кровли всѣхъ ихъ называются „дарпас“ ²⁸). Улицы города узки и безпорядочны; дома настолько перепутаны межъ собою, что они не только не оставляютъ свободныхъ пространствъ, но и мѣста для улицы. Нынѣ въ Тап'итаг'ѣ начали строить порядочные дома вдоль длинныхъ и прямыхъ улицъ, по европейскому образцу. Тамъ-же построенъ большой дворецъ для областного начальника; около него—прекрасный казенный садъ, порядочные магазины и роскошные дома знати. Напротивъ Тап'итаг'а, къ западу, находятся сады и красивые парки, такъ что, если наблюдать съ высотъ, можетъ показаться интереснымъ положеніе и видъ большого города, имѣющаго посредиѣ красиво-текущую и плодоносную рѣку Куру. На двухъ концахъ города построено по карантину: одинъ—для прѣзжающихъ изъ Персіи, другой—для прѣзжающихъ съ Кавказа. Ниже Тифлиса къ горѣ Авлабаръ раскинутъ широкій деревянный мостъ. Около него, въ рѣкѣ, тамъ и сямъ установлено 10 передвижныхъ мельницъ, которыя приводятся въ движеніе теченіемъ рѣки; онѣ доставляютъ городу муку; онѣ-же иногда, будучи охвачены напоромъ воды, передвигаются съ мѣста. Эта знаменитая рѣка называется обыкновенно *К'юръ*. Въ рѣкѣ Курѣ всегда ловится разнаго сорта рыба, въ особенности *оракуль* (лососина), весьма жирный, и *мерси*, которую тамъ называютъ *зуркель* (балыжь); изъ нихъ вынимаютъ икру въ большомъ количествѣ вблизи Ганджи (Елисаветполя) и посылаютъ въ другія мѣста. Попадается въ рѣкѣ и выдра (*lutra vulgaris*), зачастую близъ Тифлиса. Рѣка Кура ниже Тифлиса, раздѣляясь на два рукава и на разстояніи одной мили отъ этого [города] опять соединяясь, образуетъ продолговатый красивый островъ, который называется Орт'ач'ала; здѣсь находятся прекрасные сады съ фруктовыми деревьями. *Сололакъ*—это ручей, который, стекая съ вершины горы, впадаетъ въ бассейнъ у подножія той-же горы и оттуда, распредѣляясь, орошаетъ сады. На этой горѣ ²¹) находится грузинская церковь, называемая Т'ац'минда ²⁸); это—святая гора, на которую богомольцы поднимаются босикомъ разъ въ седмицу по четвергамъ ²⁹).

Л. М. Меликсетъ-Бекоевъ.

Примѣчанія.

¹⁾ Настоящая работа доложена въ засѣданіи Кавказскаго Отдѣленія Московскаго Археологическаго О-ва 31 мая 1918 г.

²⁾ Т. е. экзархъ Грузіи, въ данномъ случаѣ—митрополитъ Варлаамъ (кн. Эрнстовъ), бывший въ этомъ званіи съ 8 іюля 1811 г. по 14 мая 1817 г.

³⁾ Т. е. такъ называемая Шахъ-Абасская мечеть, что на Майданѣ.

⁴⁾ Минай Медичи или Медици—это дословный переводъ арм. *Մինայ Բժշկիանց* *Минась Бжшкянцъ* (Минай, герр. Мина,—эквивалентъ арм. имени *Մինաս* *Минась*, а Медичи или Медици—италианизированная форма арм. фамиліи *Բժշկիանց* *Бжшкянцъ*, имѣющей въ своей основѣ терминъ *բժշկի* *бжшк*, т. е. „медикъ“, „врачъ“).

⁵⁾ О М. Медичи и его трудѣ см. также: Л. Меликсетъ-Бековъ, Изъ матеріаловъ для исторіи Одессы.—Одесса въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія по описанію патера Миная Медичи,—„Извѣстія Одесскаго Библиографическаго О-ва при Новороссійскомъ Университетѣ“, т. III (1914), в. 3, стр. 158—161.

⁶⁾ Фактъ водворенія въ Авлабарѣ эчмιάдинскихъ крестьянъ, между прочимъ, подтверждается существованіемъ тамъ доднесъ (близъ т. н. Кахетинской площади) церкви св. Георгія, извѣстной подъ названіемъ *Էջմիածնական* *Эчміадзнецон*, т. е. „церкви эчміадзнецевъ“.

⁷⁾ *Нарин'але*, вѣрнѣе *Нарин-и'ала*, въ буквальномъ переводѣ съ персидскаго означающее „неприступная крѣпость“,—это то-же, что груз. *შტრობ-ცხენე* *Штурис-цхэнэ*, т. е. „крѣпость-соперница“ (букв. „крѣпость зависаи“), подъ каковою разумѣется старинная крѣпость (питадель), висящая надъ Майданомъ.

⁸⁾ *Tan'um'ag'* (*Տափիթագ*), въ буквальномъ переводѣ съ армянскаго означающее „кварталь равнины“,—это то-же, что груз. *კალოუბანი* *Калоубан-и*, т. е. „кварталь гумна“, подъ которымъ разумѣется одинъ изъ кварталовъ стараго Тифлиса, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находятся церкви грузинская и армянская, сохранившія за собою старинныя названія (согласно мѣстонахожденію): первая—*კალოუბანის-ეკლესია* *Калоубанис-эклесіа*, т. е., „Калоубанская (Колубанская) церковь“, а вторая—*Տափիթագի եկեղեցի* *Tan'um'ag'i-екег'еси*, т. е. „Тап'ит'аг'ская (нынѣ Камоевская) церковь“. Впрочемъ, подъ Тап'ит'аг' зачастую разумѣютъ и мѣстность вплоть до Ванкскаго собора.

⁹⁾ *Ванк'* (*Վանք*), собственно, означаетъ „монастырь“, „обитель“.

¹⁰⁾ *Kat'og'ukh* (*Կաթողիկէ*) въ подлинномъ смыслѣ—„купольный [храмъ]“; хотя, впрочемъ, терминъ этотъ чаще употребляется для обозначенія „соборной [церкви]“. Что касается данного случая, то здѣсь терминъ этотъ, несомнѣнно, долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ „соборной“ или „каедральной“.

¹¹⁾ Насколько правъ М. Медичи, относящій основаніе этого Ванк'а къ 600 г. отъ Р. Х.,—не беремся судить. Однако, мы позволимъ себѣ представить тутъ нѣкоторыя свои соображенія, въ силу которыхъ основаніе этого храма на рубежѣ VI—VII вв. окажется довольно таки сомнительнымъ. Правда, согласно общему смыслу нѣкоторыхъ мѣстъ, въ особенности главы 4-й, сочиненія армянскаго епископа X вѣка Ухтанэса „Исторія отдѣленія грузинъ отъ армянъ“ (*Պատմութիւն բաժանման Վրացի Հայոց*, Вагаршанатъ 1871, стр. 14—15) М. В. Gossset, *Deux historiens Arméniens*, Paris 1870, p. 284) намъ удается установить фактъ существованія въ Тифлисѣ въ концѣ VI столѣтія армянскихъ пастврей съ пасомыми, другими словами говоря, армянскаго населенія съ его приходскою организаціей, но этотъ фактъ самъ по себѣ все-таки оказывается бесполезнымъ для рѣшенія не только вопроса о времени основанія въ Тифлисѣ

той или иной армянской церкви, но даже другого, болѣе существеннаго, вопроса, именно вопроса о самомъ существованіи въ городѣ какихъ бы то ни было армянскихъ церквей (т. е. сколько церквей и какія именно). Слѣдовательно, на основаніи одного лишь законическаго заявленія Ухтанэса о Тифлисѣ совершенно невозможно установить, существовалъ-ли Ванк'ъ на рубежѣ VI—VII столѣтій или нѣтъ. Въ литературѣ, ни въ исторической, ни въ новой—такъ сказать научной, мы, къ сожалѣнію, также не наталкиваемся ни на какія указанія по вопросу о первоначальномъ основаніи Ванк'а. И потому, полагаемъ, вопросъ этотъ до поры до времени долженъ быть разрѣшенъ лишь на основаніи изустаннаго преданія. Но, къ нашему несчастью, о Ванк'ѣ оказывается преданій не одно, а по меньшей мѣрѣ два, и то совершенно разнорѣчивыя. Такъ, согласно сообщенію извѣстнаго путешественника Шардена (Voyages en Perse et autres lieux de l'Orient, t. II, Paris 1811, p. 77—78), основанному на заявленіи тифлискихъ армянъ въ бытность его въ Тифлисѣ (въ 1671 г.), Ванк'ъ основанъ въ исходѣ XVI вѣка какимъ-то турецкимъ пашою, бѣжавшимъ изъ Турціи и перешедшимъ въ лоно арменійской церкви, почему храмъ первоначально якобы и назывался *Փաշապահե Մառ-վանկ*, т. е. „монастыремъ паша“. Другое преданіе по тому-же вопросу зафиксировано лично нами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, со словъ нынѣ покойнаго († 1916) архитектора Михаила Псаевича Саламбекова, руководившаго реставраціею Ванк'скаго собора въ 1901—1902 г.г.; согласно этому преданію, впрочемъ неизвѣстно на чемъ основанному, Ванк'ъ въ стилѣ первоначальной однефной базилики основанъ въ 931 г. отъ Р. Х. тремя братьями по имени Суджаат' (*Սուջաատ*), Арук' (*Արուխ*) и Джашап' (*Չաշապ*), и въ такомъ видѣ онъ просуществовалъ до 1430 г., когда якобы состоялась перестройка его въ трехнефную базилику о трехъ куполахъ.

¹²⁾ Замѣчаніе о 5 куполахъ собора не можетъ вызвать ни малѣйшаго недоумѣнія, ибо онъ, въ дѣйствительности, имѣетъ 5 главъ, изъ коихъ 3 надъ самымъ храмомъ по числу трехъ его кораблей, а 2 надъ притворами сѣвернымъ и южнымъ.

¹³⁾ Т. е. духовная семинарія.

¹⁴⁾ Указаніе какъ общаго числа жителей города, такъ равно численности армянъ въ немъ, даваемое М. Медичи, особенно сомнительно, ибо трудно себѣ представить, чтобы Тифлисъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія насчитывалъ въ себѣ 20 тысячъ семействъ и, при наличности такового общаго числа жителей, лишь 5 тысячъ семействъ армянскихъ; тогда какъ нѣсколькими годами раньше, именно въ 1817 г., судя по А. Негри, въ немъ было около 20.000 душъ (а не семействъ) и 2000 домовъ, изъ коихъ 150—200 грузинскихъ, всѣ-же остальные—армянскіе; по Турнефору, посѣтившему Тифлисъ въ 1701 г., въ немъ было тогда 20.000 жителей, въ томъ числѣ 14.000 армянъ, 3.000 мусульманъ и лишь 2.000 грузинъ. Комментируя это свидѣтельство Турнефора, профессоръ И. А. Джаваховъ (*ქობეცი, საქალაქო წესწესობლება და ცხოვრების ვითარება საქართველოში XVII—XVIII სს.*,—журн. „Прометей“, 1918 г. № 1, стр. 40—41) замѣчаетъ слѣдующее: „Значить, въ то время (въ 1701 г.) численность грузинъ въ Тифлисѣ составляла лишь $\frac{1}{3}$ численности армянъ“; и далѣе продолжаетъ: „Въ концѣ 19-го вѣка грузины въ Тифлисѣ, согласно официальнымъ свѣдѣніямъ, умножились до половины числа жителей армянъ, а всеобщая перепишь въ Тифлисѣ въ 1917 г. выяснила, что нынѣ численность грузинъ въ нашей столицѣ превосходитъ численность армянъ“; въ заключеніе, по сопоставленіи статистическихъ данныхъ о распредѣленіи населенія Тифлиса по на-

циональностямъ, тотъ-же ученый находитъ достойнымъ вниманія „такой удивительный, натуральный и не-искусственный ростъ [числа] грузинъ [въ этомъ городѣ]“.

¹⁵⁾ Очевидно, должно быть „Сурб-Нишан“ (Սուրբ Նշան) и „Могнин“ (Մողնին), т. е. 2 церкви: „Сурб-Нишанская“ и „Могнинская“.

¹⁶⁾ Т. е. „Петхайнская“—на склонѣ Сололакской горы.

¹⁷⁾ Т. е. св. Георгія, бывшая „К'ат'ог'икэ“—соборная или кафедральная (во имя Богородицы), что на Майданѣ.

¹⁸⁾ Т. е. „Архангельская“—по дорогѣ къ банямъ.

¹⁹⁾ Повидимому, т. н. К'арап'и (Քարաբի), т. е. „церковь на скалѣ“, что рядомъ съ Петхайнскою.

²⁰⁾ Это—нынѣ не существующая церковь, которая находилась на берегу р. Куры, по близости Ванскаго собора (ср. M. Brosset, Voyages archéologiques dans la Géorgie et dans l'Arménie, par. V, p. 3, а также о. Л. Инч'ич'янъ, Աշխարհագրութիւն չորից մասանց աշխարհի. Արեւի, Եւրոպայ, Արեւելոյ և Ամերիկոյ, Կ. Ի. Ե. 1806, стр. 278).

²¹⁾ Т. е. „Ходживанская“, нынѣ кладбищенская.

²²⁾ Т. е. монастырь во имя св. Стефана, что по дорогѣ къ Петхайнской церкви.

²³⁾ Слѣдуетъ сказать, что при перечисленіи тифлискихъ армянскихъ церквей М. Медичи вообще не обнаруживаетъ достаточной осведомленности. Такъ, напр., какъ нами уже указывалось выше (прим. 15), онъ упоминаетъ „Сурб-Нишанъ Могнинскій“ подъ видомъ одной церкви, тогда какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ двѣ различныя церкви. Далѣе, если даже подъ названіемъ „Сурб-Нишана Могнинскаго“ разумѣть не одну, а двѣ церкви, и къ остальнымъ 9 изъ перечисляемыхъ нашимъ авторомъ десяти церквей присоединить также отдѣльно имъ упоминаемые Ванскій соборъ и дѣвичій монастырь св. Стефана, то всѣхъ армянскихъ церквей въ городѣ окажется лишь 18. Между тѣмъ, въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія, какъ это документально подтверждается, армянскихъ церквей въ Тифлисѣ, если не считать т. н. „Малой Могнинской“, подлежавшей разборкѣ, и загородной т. н. „Ц'иранавор“ (въ м. Кр'ц'анис-и), насчитывалось ровно 22. По крайней мѣрѣ, въ имѣющемся въ нашемъ распоряженіи экземплярѣ доселѣ еще неизвѣстнаго въ литературѣ „Перечня“ армянскихъ церквей Тифлиса, отъ 1827 года,—документа официальнаго, оваглавленнаго Կարգ եկեղեցեաց Հայոց եղևոյ ի Տիֆլիս քաղաքի ըստ Կարգաւորելոյ Տեառն ներքինի վիճակաւոր Արքեպիսկոսոսի նորին և Առաջնորդի Յովհն Տեառն 1827. ու՛հ՛դ Распорядокъ Армянскихъ Церквей, находящихся въ городѣ Тифлисъ, установленный Владыкой Персесомъ, Епархіальнымъ его Архіепископомъ и Начальникомъ. Въ апто отъ Р. X. 1827, [арм. зры]—1276, таковыхъ церквей въ городѣ насчитано въ общемъ счетѣ 24, на кои приходилось 53 священника. Вотъ эти церкви: 1) Ванк'—во имя Богоматери, соборная и кафедральная епархіальнаго [въ Грузіи] архіепископа, представителя патріаршаго престола св. Эчмιάдзина, 2) Кат'ог'икэ—[во имя Богоматери], кафедральная епархіальнаго архіепископа Ахлатскаго св. Знаменія монастыря, 3) Могнинская св. Георгія, 4) Норашенская Богородичная, 5) Сурб-Нишанская, 6) Внелеемская, 7) Джиграшенская Благовѣщенія пресв. Богородицы, 8) Камоевская св. Георгія, 9) свв. Архангеловъ, 10) Св. Минаса, 11) Шамхорская Богородичная, 12) св. Карапета, 13) дѣвичьяго монастыря св. Стефана, 14) „Т'э-кэнам“ св. Георгія (?), 15) „Сасахлу“ св. Георгія (?), 16) св. Саргиса, 17) Зркинская св. Карапета, 18) Малая Могнинская св. Георгія, 19) св. Козмы (часовня),

20) „К'арап'и“ св. Георгія, 21) св. Саргиса, 22) св. Георгія тэр-Аствацатура (?), 23) Эчмιάდзинская св. Георгія, 24) „Ц'ирававор“—усыпальница кн. Бебутовыхъ.

²⁴⁾ Т. е. экзаршескій домъ, нынѣ грузинскій католикосать.

²⁵⁾ О какой тутъ церкви идетъ рѣчь—о старой (разобранной) или новой Успенской,—трудно сказать.

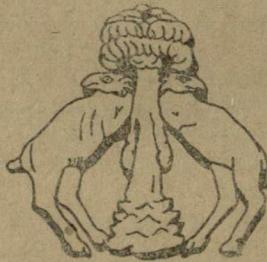
²⁶⁾ „Дарпас“ или „дербаз“—это, собственно говоря, не кровля, какъ думаетъ нашъ авторъ, а своеобразное обширное помѣщеніе, сводчатое и освѣщаемое сверху.

²⁷⁾ Вѣрнѣе было бы сказать—на продолженіи этой горы.

²⁸⁾ Правильнѣе „Мт'ац'минда“ (т. е. святая гора)—церковь св. Давида.

²⁹⁾ Слѣдовало бы замѣтить, что хожденіе босикомъ ветарину практиковалось по отношенію не только къ церкви св. Давида, но и другихъ церквей, которыя заранѣе намѣчались богомольцами—либо добровольно, либо по указанію гадалки (китхави)—при томъ или иномъ обѣтѣ.

Л. М.-Б.

Ахтамарскій монастырь св. Креста *).

Топографія. Въ Ахтамаръ можно проѣхать изъ Вана, откуда колесная дорога идетъ до Востана, а оттуда и далѣе—до Ахаванка; этотъ переходъ легко совершить въ 6 часовъ. Переѣздъ изъ Ахаванка до острова можно на мѣстной лодкѣ совершить въ теченіе $\frac{1}{2}$ —1 часа, а отъ порта Аванць мѣстная же лодка плыветъ до Ахтамара около 4-хъ часовъ.

Бывшая резиденція Ахтамарскаго католикоса—обитель во имя св. Креста расположена почти на серединѣ Ахтамарскаго острова (38°22' шир. и 60°38' долг.) на Ванскомъ озерѣ. Находясь на разстояніи 3 километровъ отъ материковаго берега, Ахтамарскій монастырь, воздвигнутый на скалистомъ трудно доступномъ берегу острова, былъ, кромѣ того, въ среднихъ вѣкахъ укрѣпленъ искусственно—форсированными башнями и стѣнами. Благодаря своему мѣстоположенію почти въ центрѣ Васпуракана, и будучи хорошо защищеннымъ, монастырь представлялъ большія удобства Ахтамарскимъ католикосамъ ¹⁾ для управленія всей названной областью.

*) Предлагаемое вниманію читателя описаніе, посвященное одному изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ армянскаго искусства, является переработаннымъ переводомъ съ армянскаго цитируемой ниже статьи.

Ե. Լալաշեան, Վասպուրականի նշանավոր վանքեր, Ա. Աղթամարի ու Խաչ գիւղը (Далаянъ, Замѣчательные монастыри Васпуракана. I. Ахтамарскій монастырь св. Креста,—„Ազգագրական Հանդես“, кн. XX (Тифлисъ, 1910), стр. 197—212).

Должно отмѣтить, что за послѣднее время Ахтамарскій монастырь привлекалъ неоднократно вниманіе изслѣдователей. Кромѣ экспедицій С. В. Теръ-Аветисяна и Г. А. Орбели (собранные матеріалы еще ни однимъ изъ названныхъ лицъ полностью не опубликованы), Ахтамаръ былъ обследованъ нѣмцами, успѣвшими опубликовать въ прекрасныхъ воспроизведеніяхъ, съ сопроводительнымъ текстомъ, изготовленные въ монастырѣ фотографическіе снимки. См.—W. Vachmann, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan. Leipzig 1913 (XXV Veröffentlichung d. Deutschen-Orient-Gesellschaft).

¹⁾ Въ спискахъ Ахтамарскихъ католикосовъ первымъ считается Егеше (съ 921 г.), родственникъ царя Гагика, а послѣднимъ Хачатуръ (1895 г.).

Изъ монастыря открывается чудесная панорама, вдохновившая Хачатура Ахтамарскаго и Раффи, вступившаго въ разговоръ съ озеромъ.

Въ древности въ монастырѣ былъ источникъ чистой, прѣсной питьевой воды, который теперь уже изсякъ, и въ настоящее время тамъ есть только одинъ колодезь, вода котораго соленая. Нынѣ воду возятъ изъ Ахаванка на лодкѣ. На островѣ мало растительности, но все же есть вновь посаженные деревья миндаля и другихъ родовъ, подъ тѣнью, которыхъ можно найти отдыхъ.

Историческій обзоръ. Христіанство, распространенное въ Васпураканѣ ап. Өаддеемъ, сохранилось въ Ахтамарѣ гораздо дольше, чѣмъ во многихъ другихъ частяхъ Арменіи. Постепенно развиваясь, Ахтамаръ, ставши въ X вѣкѣ центромъ политической жизни Васпуракана, естественно сдѣлался и центромъ религіознымъ. Царь Гагикъ изъ дома Арцруни (908—936), во время правленія котораго Ахтамаръ сдѣлался крѣпостью и городомъ, заложилъ въ 915 году нынѣшнюю церковь св. Креста и закончилъ ея постройку, производившуюся подъ руководствомъ архитектора Мануиля, въ 921 году. Въ 1556 году отъ рож. X-ва ея куполь былъ разрушенъ и тогда же возобновленъ ²⁾.

Еще со временъ католикоса Егише (Елисѣя) этотъ монастырь былъ обращенъ въ резиденцію Ахтамарскихъ первосвятителей.

Моделъню Сурбъ-Саркиса, находящуюся у сѣверной стороны церкви св. Креста, соединили съ храмомъ и обратили въ ризницу. Въ 1803 году католикосъ Тума (Өома) построилъ паперть съ западной стороны, и въ томъ же XIX вѣкѣ у южной стѣны богачами Ахиджаномъ и Геворкомъ построена колокольня.

Описание монастыря. Въ Ахтамарскомъ монастырѣ св. Креста, кромѣ храмовыхъ сооружений, находятся бывшіе покои католикоса и зданіе училища. Въ настоящее время эти сооружения заброшены и пришли въ ветхость; теперь и мѣстопробываніе католикоса и училище перенесены въ новопостроенныя зданія въ Ахаванкѣ, т. е. противъ острова на берегу материка.

Церковь св. Креста построена изъ краснаго тесанаго камня, привезеннаго изъ сел. Котомъ близъ Битлиса. Постройка въ планѣ крестообразна; зданіе увѣнчано шестнадцатиграннымъ барабаномъ и покрыто многогранной пирамидальной кровлей, съ вершины которой крестъ уже упалъ.

²⁾ Ղ ու կ ա մ Ի ն ճ ի ճ Ե ա ն Ե. Ա շ ր ա ր չ ա գ ր ու լ թ ի ն չ ո ր ի ց մ աս ան ց ա շ ր ա ր Կ ի ն Ա ր և յ, Ե Վ ր օ ղ ի յ, Ա Բ ր և ի յ և Ա մ Է ր ի ի յ, մ աս ն ա. Ա թ և. Հ ա տ օ ր ա., Վ Ե ն Ե ա ի կ 1806, Ե ր. 152 (о. Лука Инч'янъ, Географія четырехъ частей свѣта: Азія, Европы, Африки и Америки, ч. I, Азія, т. I, Венеція 1805, стр. 152).

Какъ уже указывалось, къ главному корпусу храмового зданія придѣланы позднѣйшія пристройки—паперть и колокольня (см. фиг. 2), которыя совершенно портятъ чудный фасадъ церкви.

Какъ памятникъ архитектуры, Ахтамарскій храмъ св. Креста принадлежитъ къ числу сооружений опредѣленнаго конструктивнаго типа, довольно распространеннаго въ древнюю эпоху армяно-грузинскаго зодчества; классическимъ образцомъ этого типа зданій для Арменіи должно почестъ сходный по плану храмъ во имя св. Рипсиміи въ Эчмиадзинѣ³⁾.

Длина церкви—15,40 метровъ, ширина—12,60 м., высота—20 м.; длина алтаря—4,10 м., глубина—4,30 м.; длина боковыхъ абсидъ—3,35 м., глубина—2,55 м.; длина западнаго крыла—3,35 м., глубина—3,64 м., длина малыхъ боковыхъ придѣловъ по сторонамъ главнаго алтаря—3,60 м., ширина—1,10 м.

Въ восточной и западной стѣнахъ, по сторонамъ оконъ, имѣются по двѣ (на каждомъ фасадѣ) сводчатыхъ нишки. Въ глубинѣ каждой изъ этихъ нишекъ, расходящихся къ устью, выведена трехугольная въ планѣ пилястра.

Длинные узкія окна всюду размѣщены по одиночкѣ. Надъ сводомъ арки cadaго изъ большихъ оконъ находится выступающая изъ плоскости отеса стѣнъ декоративная арка съ горизонтальными заворо-

³⁾ Рядъ примѣровъ грузино-армянскихъ сооружений такового крестообразнаго въ планѣ центрально-купольнаго типа собранъ еще Павлиновымъ въ „Христіанскихъ памятникахъ“ (см. Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. III, Москва, 1893; отдѣлъ „Мартвильскій монастырь“).

Однако, судя по имѣющемуся плану (см. ук. мою статью объ Ахтамарѣ на арм. яз., рис. на стр. 199); Ахтамарскій храмъ все же значительно разнится, въ конструктивной схемѣ, отъ болѣе древнихъ памятниковъ той же группы. Въ то время, какъ въ церквахъ св. Рипсиміи, Мартвильской, Атенской и св. Креста близъ Мцхета горизонтальному распору главнаго купола (въ каждомъ изъ перечисленныхъ зданій) дается 8 основныхъ, одинаково удаленныхъ отъ центра, точекъ сопротивленія, въ Ахтамарскомъ основная тяжесть купола положена уже на 4 мощныхъ подкупольныхъ столбахъ; тромповыя нишки, вписанныя въ углы межукавіи въ названной группѣ древнѣйшихъ храмовъ, въ Ахтамарѣ переработаны уже въ малыя угловыя помѣщенія, открывающіяся непосредственно въ подкупольное пространство, а въ пролеты абсидъ. И если всѣ 4 тромповыя нишки раньше выводились одинаковыми, то въ Ахтамарѣ угловыя помѣщенія лишь парно симметричны—западная пара отличается уже отъ восточной. Въ первомъ случаѣ оба выхода направлены на востокъ (т. е. въ боковыя рукава), а во второмъ—обращены другъ къ другу, выходя оба въ алтарную абсиду у ея устья.

Восточная (алтарная) абсида имѣетъ съ сѣвера и юга по сторонамъ два небольшихъ помѣщенія (въ каждомъ по одному окну на востокъ въ стѣнахъ абсиды) съ алтарями. Выходы открываются въ восточную пару вышеуказанныхъ малыхъ угловыхъ помѣщеній, вписанныхъ въ углы межукавіи.

тами у пять. Аналогичныя украшения имѣются и надъ указанными нишками западнаго и восточнаго фасадовъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ смежныя завороты сведены. Эти декоративныя арки покрыты орнаментальной рѣзбой (наиболѣе частый орнаментальный мотивъ—гранаты) художественной работы. Церковь имѣетъ три двери и 16 оконъ, 8 оконъ также открываются въ куполъ, такъ что въ храмъ свѣтъ проникаетъ въ изобиліи.

Едва ли не главнѣйшей художественной цѣнностью Ахтамарскаго храма св. Креста являются многочисленныя *рельефы*, украшающіе его стѣны сваружи. По мнѣнію Линча *) эти изваянія могутъ быть почтены какъ замѣчательное звено, связующее между собою памятники ассирійскаго, арабскаго и византійскаго искусства.

Вся церковь, можно сказать, покрыта тонко изваянными рельефами. Однако, мастерство ихъ исполненія никогда не можетъ быть сравниваемо съ аналогичными памятниками, сохранившимися на Анійскомъ городищѣ. Между прочимъ, замѣтно, что на ахтамарскихъ рельефахъ въ рисункѣ частей тѣла какъ у людей, такъ и у животныхъ часто не вполне соблюдены симметрія и пропорціональность.

Прежде чѣмъ приступить къ общему описанію скульптурной декорировки этого храма здѣсь предпосылается описаніе рельефовъ, особенно интересныхъ съ точки зрѣнія мѣстной исторіи. Самый замѣчательный изъ таковыхъ—это ктиторскій портретъ основателя церкви Гагика Арцруни, изваянный на западной стѣнѣ зданія. Общая схема композиціи, въ которую входитъ изображеніе названнаго царя Гагика, различима на прилагаемомъ воспроизведеніи (см. фиг. 1). На простѣннѣ между двумя нишками западнаго фасада по сторонамъ нижняго окна изображены двѣ фигуры въ ростъ: вправо (отъ зрителя) около окна стоитъ обращенный къ царю благословляющій Христосъ. Въ лѣвой рукѣ Иисуса книга, на которой написано: «Я свѣтъ міра». По другую сторону оконнаго пролета изваянь Гагикъ (высота около 1¹/₂ метра). Лѣвой рукой онъ снизу поддерживаетъ высѣченную высокимъ рельефомъ модель храма, а правой указываетъ на свой даръ Господу. Подъ окномъ, между Христомъ и Гагикомъ, два ангела держатъ вписанный въ медальонъ крестъ. Въ томъ же регистрѣ, въ которомъ помѣщены Спаситель и царь—строитель храма, но уже на простѣнкахъ между углами и нишками, высѣчены два шестокрыльца.

*) Х. Ф. Б. Линчъ, Армения (путевые очерки и этюды), т. II, Тифлисъ, 1910, стр. 170. Описанію Ахтамара посвящены стр. 167—173+3 табл. (fig. 141—видъ церкви съ юго-востока, fig. 142—видъ церкви съ сѣверо-запада и fig. 143—изваянія на сѣверной стѣнѣ—сцены изъ исторіи прародителей). Мнѣніе о связи ассирійскаго и армянскаго искусства, см. также стр. 83.

На головѣ Гагика, окруженной нимбомъ, изображенъ вѣнецъ, украшенный драгоценными камнями. На плечи царя накинута плащъ; рельефъ воспроизводитъ узорную ткань, всю испещренную рисунками. Орнаментальный узоръ плаща составляютъ медальоны, соединенные ленточнымъ виткомъ; между медальонами — пальметки, а въ медальонныхъ кружкахъ — птицы. На груди плащъ застегнутъ красивой прижкой въ формѣ розетки. Нижнее доличное изображено изготовленнымъ изъ полосатой матеріи; каждая полоска заполнена цѣпью кружковъ (см. фиг. 5).

На правой сторонѣ южной стѣны высѣчены рельефы, воспроизводящіе изображенія еще двухъ историческихъ лицъ изъ дома Арцруни. Обѣ фигуры изваяны въ ростъ. Онѣ одѣты въ широкое долгополое доличное, похожее на рясу. Головы окружены нимбами. Между ними высѣченъ медальонъ съ погруднымъ изображеніемъ. Около нимба одного изъ изображенныхъ царевичей написано: св. Амазаспъ, князь Васпураканскій, а у другого — св. Саакъ, братъ Амазаспа, мученики и свидѣтели Христа ⁵⁾.

Эта центральная группа композиціи обрамлена съ обѣихъ сторонъ полосами рельефовъ: налѣво (отъ зрителя) отъ свв. Амазаспа и Саака изваяно три рельефа, помѣщенныхъ одинъ надъ другимъ — внизу скомпанованы геральдически изображенія двухъ дерущихся, вставшихъ на заднія лапы, медвѣдей; подъ ихъ лапами находятся два медвѣженка; надъ описанной композиціей находится крылатый левъ съ птичьей головой, а еще выше — медальонъ съ погруднымъ изображеніемъ какого-то святого въ фасъ. Направо размѣщено аналогичнымъ образомъ слѣдующіе три рельефа: внизу — орелъ, держащій въ своихъ когтяхъ и терзающій голубя, посреди — крылатая птица съ головой ягненка, а сверху — медальонъ съ погруднымъ изображеніемъ какого-то святого въ фасъ.

Кромѣ этихъ несомнѣнныхъ портретовъ представителей дома Арцруни, возможно, имѣется и еще одно изображеніе уже упомянутаго царя Гагика среди рельефовъ скульптурнаго, обходящаго корпусъ зданія

⁵⁾ Въ 8 вѣкѣ арабскій правитель Езидъ, по приказанію Халифа Гаруна, подъ какимъ-то предлогомъ позвалъ къ себѣ въ городъ Партавъ Васпураканскихъ князей, сыновей Гагика: Амазаспа, Саака и Меружана. Эти князья, оставивъ страну на попеченіи Давида Мамиконяна, явились къ Езиду. Здѣсь правитель Езидъ предложилъ имъ или перемѣнить вѣру или лишиться жизни. Амазаспъ и Саакъ воспротивились и 8 апрѣля 786 года были убиты мученически, а Меружанъ принялъ магометанство и получилъ за это отъ халифа васпураканское княжество, но по прибытіи его въ Васпураканъ былъ убитъ вышеупомянутымъ Давидомъ Мамиконяномъ, господствовавшимъ въ то время въ Ванѣ (см. Մի քայլ էլ Ձաճեան. Պատմութիւն Հայոց եկեղեցւոյ աշխարհի մինչև ցա՛մ ա՛ն 1784. Հատոր Բ, Վենետիկ 1785 г. [о. Михаилъ Чамчянъ, Исторія Арменіи отъ сотворенія міра до 1784 года, т. II, Венеція 1785, стр. 416—417]).

пояса, представляющаго виноградный садъ. Рельефъ находится на восточной стѣнѣ. Царь сидитъ на подушкѣ, поджавъ подъ себя по-восточному ноги; въ правой рукѣ онъ держитъ чашу, а лѣвую протягиваетъ къ грозди винограда. По обѣимъ сторонамъ царя находятся пажы; одинъ изъ нихъ срываетъ гранатъ, а другой виноградъ (см. воспроизведеніе, фиг. 4).

Наружныя стѣны Ахтамарскаго храма св. Креста украшены, какъ указывалось, многочисленными рельефами, обходящими зданіе поясами или регистрами. Два регистра окружаютъ 16-ти угольный барабанъ—прекрасный поясъ изваяній опоясываетъ его у основанія, а въ верхней части находится рѣзной карнизъ, состоящій изъ ряда маленькихъ изваяній. На восточной сторонѣ изображены: заяцъ, собака, свинья, осель, левъ, корова, левъ, ягненокъ, собака, левъ, двѣ бодающіяся овцы, птица, лошадь, левъ, овца, заяцъ, лисица; съ юга—заяцъ, собака, серна, левъ, заяцъ; съ запада—двѣ человѣческихъ головы, заяцъ, левъ, двѣ серны, двѣ человѣческихъ головы, два зайца, серна, заяцъ, пантера; съ сѣвера—шакаль, собака, голова человѣка съ вѣнцомъ, левъ, заяцъ, корова, человѣческая голова, собака и левъ. Между этими двумя поясами находятся 8 оконъ барабана; надъ каждымъ изъ нихъ имѣется выступающая изъ плоскости отеса стѣнъ декоративная арка съ горизонтальными заворотами у пяты. Арки эти декорированы изваяніями цвѣтовъ и курошатовъ.

Верхніе края стѣнъ храмоваго корпуса отдѣланы скульптурнымъ орнаментированнымъ изображеніями разныхъ животныхъ, карнизомъ, пербитымъ лишь на фронтонахъ, гдѣ находятся на каждомъ, по одному изображенію стоящаго евангелиста—большой фигурѣ въ ростъ человѣка. Ниже карниза (на простѣнкахъ безъ фронтоновъ на одинъ метръ) вокругъ церкви обходитъ поясъ, скомпанованный изъ разныхъ орнаментальныхъ мотивовъ, главнымъ образомъ изъ виноградныхъ гроздей. Еще ниже, вокругъ всей церкви, высѣчены, выступая сильнымъ горельефомъ изъ плоскости тески стѣнъ, рельефныя изображенія и головы и цѣлыхъ фигуръ животныхъ. Еще ниже находятся многочисленные скульптурныя работы, изображающія святыхъ и сцены изъ ветхаго и новаго завѣта.

Теперь приступимъ къ описанію настѣнныхъ рельефовъ, начиная сверху ⁶⁾.

На карнизѣ церкви изваяны: небольшая собака, преслѣдующая зайца, другая собака, преслѣдующая лань, пантера, терзающая оленя

⁶⁾ Чтобы быть совершенно объективнымъ, я даю изваяніямъ только тѣ названія, которыя указаны въ сопроводительныхъ надписяхъ; если же названія (имени) нѣтъ, я только описываю изображеніе, не дѣлая предположеній, кого рельефъ изображаетъ.

два голубя, любезничающих другъ съ другомъ своими клювами, охотникъ, держащій пойманнаго вола за шею, четыре овцы, сидящихъ и два льва, стоящихъ, 10 человѣческихъ головъ и одинъ левъ (на лѣвой сторонѣ сѣверной стѣны). Еще одинъ левъ, 12 человѣческихъ головъ, заяцъ, еще левъ, еще заяцъ, птица, еще левъ, опять два зайца, двѣ птицы, любезничающія своими клювами, также два голубя въ той же позѣ, только между ними змѣя, подъ однимъ голубемъ два яйца, гнѣздо птицы, въ немъ одно яйцо; волъ, пантера, два дерущихся пѣтуха, левъ, ягненокъ, олень, свинья.

Верхній поясъ представляетъ какъ будто виноградный садъ, состоящій большей частью изъ гроздей. Если наблюдать съ восточной стороны, съ лѣвой стороны изваянїя Гагика, то увидимъ слѣдующее:

Человѣкъ держитъ за хвостъ бѣгущаго зайца, всадникъ стрѣляетъ изъ пращи въ медвѣдя, усѣвшаго уже вонзить свои когти въ крупъ его коня, человѣкъ съ корзинкой на спинѣ и съ лукошкомъ въ рукѣ, человѣкъ, вонзающій кинжалъ въ бокъ медвѣдя, птица, клюющая виноградъ (на сѣверной стѣнѣ); садовникъ съ лопатой въ рукѣ поливаетъ садъ, двое юношей борятся, молодой человѣкъ пращей бьетъ птицу, клюющую виноградъ, ягненокъ, смотрящій на грозди, два гуся, два козленка, одинъ леопардъ, птица и шакалъ, одна возлѣ другого, женщина, которая несетъ хлѣбъ къ другому, поливающему садъ, садовнику, охотникъ вмѣстѣ со своей охотничьей собакой и ястребомъ, желающій поймать медвѣдя и кабана среди кустовъ. На западной стѣнѣ изваяны: козель съ теленкомъ, медвѣдица, одинъ изъ медвѣжатъ которой сосетъ ея вымя, а другой полѣзъ ей на спину; человѣкъ держитъ арбузъ въ рукѣ, человѣкъ и медвѣдь, борющіеся другъ съ другомъ, а другой человѣкъ поднялся на дерево, двѣ бодающіяся овцы, охотникъ бьетъ уже убитаго медвѣдя.

На южной стѣнѣ: два борца борятся, ногу одного изъ нихъ кусаетъ собака, голова человѣка, въ рукахъ двухъ молодыхъ людей лозы винограда, двѣ птицы, клюющія виноградныя грозди, голова человѣка, два молодыхъ, собравшихъ большое количество виноградныхъ гроздей. Человѣкъ съ корзиной на плечѣ, человѣкъ, сидящій на спинѣ медвѣдя и держащій его за уши, молодой человѣкъ, заложивъ руки на голову, съ удивленіемъ смотритъ на другого молодого человѣка, поражающаго копьемъ медвѣдя съ человѣчьей головой, левъ съ человѣческой головой, птица и человѣкъ съ дубиной на плечѣ, человѣкъ, который согнулъ виноградную гроздь, и подъ виноградной лозой бѣжитъ заяцъ; лисица, сѣдающая виноградъ и охотникъ, который пускаетъ свою собаку на лисицу, человѣкъ съ ягненкомъ на плечѣ, три птички сидятъ на виноградной лозѣ, человѣкъ борется съ медвѣдемъ, человѣкъ

вонзил свой кинжалъ въ брюхо медвѣдя, двѣ человѣческихъ головы валяются въ вѣтвяхъ, а около нихъ человѣкъ, сидящій на колѣняхъ съ распростертыми вверхъ руками, двѣ птицы, между которыми букетъ цвѣтовъ. Человѣкъ, сидя на корточкахъ, простираетъ руки къ виноградной кисти, возлѣ него стоитъ мальчикъ и смотритъ на медвѣдицу, ѣдящую виноградъ. На другой сторонѣ охотникъ стрѣляетъ изъ пращи въ льва. Немного дальше двѣ птицы дерутся клювами, буйволъ кормитъ молокомъ изъ вымени теленка и человѣкъ, который держится за рогъ коровы.

Теперь перейдемъ къ другимъ изваяніямъ, большая часть которыхъ религіознаго содержанія.

Почти въ центрѣ восточной стѣны, на высотѣ сводовъ нишъ въ кругломъ медальонѣ изваянъ по грудь Адамъ съ протянутымъ указательнымъ пальцемъ, и по обѣимъ сторонамъ его написано: „И Адамъ далъ названія всякимъ животнымъ и звѣрямъ“, и, какъ будто въ объясненіе этихъ словъ, по сторонамъ Адама изваяны всякія животныя и звѣри, и такъ много ихъ, что эти рельефы обходятъ поясомъ вокругъ всего храма. Многіе изъ нихъ исполнены не низкимъ рельефомъ, а трактованы почти статуарно, выступая около полъ-метра изъ стѣны. Если наблюдать съ лѣвой стороны Адама, то увидимъ льва, волка, медвѣдя, жирафа, дикаго быка, оленя, овцу, барана, буйвола, мула, верблюда, индюка, сокола, орла, павлина, фазана и др.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ изваяніямъ, которыя находятся между поясами винограда и граната.

Направо отъ окна на сѣверной стѣнѣ сдѣлано древо жизни, по стволу котораго извивается змѣя съ звѣринными лапами и говорить съ Евой, стоящей на колѣняхъ. Немного дальше, налѣво отъ окна, сдѣланы изваянія Адама и Евы высотой около 1¹/₂ метра, стоящія по обѣимъ сторонамъ дерева жизни. Ева откушиваетъ яблоко познанія добра и зла и наставляетъ Адама слѣдовать ея примѣру.

На той же стѣнѣ есть также изваяніе Самсона высотой въ два метра, держащаго правой рукой за волосы голову филистимлянина. Около него пророкъ Езекииль, у этого съ правой стороны другое изваяніе, а выше въ рамѣ три бюста. Немного далѣе опять Самсонъ, вонзающій кинжалъ въ пасть льву, выше сего дерутся два пѣтуха, а ниже стоитъ крылатая птица съ человѣческой головой.

На правой сторонѣ сѣверной стѣны находятся бюсты пророка Амоса, святого Киракоса (Киріака) и еще другого святого, ниже которыхъ св. Теодоръ, св. Саргисъ (Сергій) и св. Георгій, всѣ на коняхъ; первый изъ этихъ св. воиновъ убиваетъ чудовище, второй—пантеру, а третій—человѣка, связаннаго по рукамъ и ногамъ.

На лѣвой сторонѣ сѣверной стѣны есть двѣ овцы, у которыхъ

груді прикоснулись, а головы обращены назад. Ниже сихъ есть изваяніе челоуѣка въ чалмѣ и въ рясѣ съ двумя протянутыми указательными пальцами; на правой сторонѣ—верблюдъ. Объ этомъ рельефѣ по преданію рассказываютъ, что это изваяніе Магомета, который настаиваетъ своихъ вѣрующихъ не повредить этой церкви.

Съ лѣвой стороны отъ этого Магомета стоитъ пророкъ Ілія, а съ правой стороны, ниже верблюда орелъ, держащій въ когтяхъ зайца, немного ниже два индюка, обвивающихъ другъ друга шеями, и клювы которыхъ обращены одинъ противъ другого.

Надъ окномъ, между двумя нишами восточной стѣны, находится декоративная арка съ горизонтальными заворотами пять; арка украшена изваяніями гроздей. Съ правой и лѣвой стороны окна по одному изваянію въ ростъ, быть можетъ, это апостолы Ѳаддей и Варооломей. Ниже сихъ—левъ, пантера и олень. Направо отъ нихъ, въ круглой рамѣ бюстъ, у правой стороны стоитъ изваяніе Іоанна Крестителя, а съ лѣвой стороны—изваяніе св. Григорія Просвѣтителя, а у ногъ сихъ—левъ (см. фиг. 3).

Налѣво отъ лѣвой ниши изваянь пророкъ Ілья, передъ которымъ стоитъ на колѣняхъ женщина; надъ его головой два бюста; немного дальше изваяніе другого святого, который держитъ въ рукѣ свитокъ.

На правой сторонѣ южной стѣнки бюстъ священника Геги, цѣльное изваяніе царя Саула, выше его бюстъ пророка Самуила; противъ нихъ пророкъ Давидъ, съ пращой въ рукѣ, съ сумкой на плечѣ, впереди стоитъ Голіаѳъ, вышиной въ 2 метра, съ саблей въ правой рукѣ, со щитомъ на груди. А между ними спокойно спитъ козель.

Жизнь пророка Давида пластично изваяна также на лѣвой сторонѣ сѣверной стѣны; тамъ пророкъ Давидъ растерзываетъ пасть льва, выше котораго изваяна овца, немного дальше пантера, растерзывающая козла, выше сего медвѣдь, кушающій виноградъ; еще немного дальше пророкъ Давидъ вонзаетъ копье въ грудь льва, а выше сего два льва, опирающіеся задами съ обращенными назадъ головами, еще выше—бѣгающая лисица.

На лѣвой сторонѣ южной стѣны Авраамъ приноситъ въ жертву Исаака; баранъ изображенъ повиснувшимъ на рогахъ ¹⁾, запутанныхъ въ вѣтвяхъ дерева; рука Господня указываетъ Аврааму на барана; нѣсколько дальше два зайца грызутъ кустъ, ангелъ съ раскинутыми

¹⁾ Н. Марръ. Описаніе дворцовой церкви въ Ани („Анійскія древности“, I, изд. Ан. Муз. Древностей). Петроградъ, 1916. Рис. 2 воспроизводитъ снимокъ І. А. Орбели (вывезенный изъ поѣздки въ Турецкую Арменію въ 1911—12 г.г. совершенной по командировкѣ отъ И. Академіи Наукъ) съ рельефа „Авраамъ приноситъ въ жертву Исаака“ (=табл. 35 ук. публикаціи W. Washmann'a). Иконографическое обследованіе этой композиціи—стр. 8—9.

крыльями стоит, Христось сидить на тронѣ, выше котораго изваянъ бюстъ пророка Іоила въ рамѣ; немного далѣ Богородица съ Іисусомъ въ объятіи, по бокамъ архангелы Гавріиль и Михаиль, немного далѣ серна, подь ногами которой двѣ птицы, держащія въ клювахъ звено. На лѣвой сторонѣ той же самой стѣны корабль пророка Іоны, подь нимъ китъ, который немного дальше выбрасываетъ Іону. Іона отдыхающій подь тыквой, Іона проповѣдующій царю Ниневійскому, сидящему на подушкахъ; четыре женщины, закрывъ руками лицо, плачуть.

Выше коробля Іоны есть бюсты Стефана первомученика, Софонія, пророка Азаріи и еще другого святого, имя котораго не написано. Всѣ эти погрудныя изображенія окружены обрамленіями.

Внутри храма въ южной абсидѣ надь дверью, на сводахъ построень былъ царемъ Гагикомъ, специально для себя и своей семьи, балконъ, огражденный съ сѣвера стѣнкой, вышиной въ 1 метръ. Стѣнка эта, игравшая роль периль, пробита 5 аркообразными отверстіями. Столбики, чередующіеся съ пролетами, и верхняя горизонтальная полоска по—надь арочками отдѣланы съ лицевой (обращенной къ каюликону, т. е. съ сѣверной) стороны скульптурными украшеніями (см. прилагаемое воспроизведеніе, фиг. 6). У основанія каждаго столбика изваяно по одной звѣриной головѣ (быка, овцы, тигра, козы, слона и теленка); надь каждой идетъ побѣгъ растительнаго орнамента, въ верхней части дающій два расходящихся въ стороны ростка, соприкасающихся со смежными ростками сосѣднихъ побѣговъ. Входъ на этотъ балконъ былъ извнѣ. Лѣстница, ведшая на хоры, разрушена при постройкѣ колокольни.

Алтарь украшенъ прекраснымъ иконостасомъ.

У сѣверо-западнаго подкупольнаго столба стоитъ тронъ католикосскій, который сдѣланъ полтора вѣка тому назадъ, во время католикоса Григорія Ахтамарскаго.

Нѣкогда весь храмъ внутри былъ украшенъ стѣнописью. *Роспись*, повидимому, очень стара; она сильно обветшала и часть изображеній уже совершенно испорчена. Наиболѣе пострадавшія мѣста были, по волѣ послѣдняго Ахтамарскаго католикоса Хачатура, закрашены сплошнымъ синимъ цвѣтомъ, такъ что нетронутыми остались только нѣкоторыя сцены.

Вообще можно замѣтить, что сцены были довольно художественны и содержаніе ихъ было взято изъ Евангелія, напр.: избіеніе младенцевъ въ Виолеемѣ, Христось въ Іерусалимскомъ храмѣ, Христось на бракѣ въ Канѣ галилейской, входъ Господень въ Іерусалимъ, воскресеніе Лазаря, Христось передъ Пилатомъ, крестное распятіе Христа и т. д. На прилагаемомъ воспроизведеніи (см. фиг. 6) на стѣнахъ южной абсиды виденъ регистръ съ рядомъ сценъ изъ евангельскаго цикла: часть

композиціи благовѣщенія Богородицы, встрѣча Маріи и Елизаветы и рождество Христово.

У церкви св. Креста, особенно съ восточной ея стороны, находятся могилы Ахтамарскихъ католикосовъ, надгробные камни надъ которыми представляютъ четырехгранный камень съ каменнымъ крестомъ.

Кромѣ главнаго храма въ монастырѣ имѣются и *другія церковныя сооруженія*. На сѣверо-восточной сторонѣ, на языкообразномъ мысу, гдѣ еще остаются полуразрушенныя стѣны и башни, выстроенныя царемъ Гагикомъ, есть еще маленькая молельня, которая, по преданію, считается мѣстомъ молитвы супруги Гагика—царицы Тамары, гдѣ, говорятъ, похороненъ прахъ историка-католикоса Іоанна VI Драсханакертскаго.

На юго-восточной сторонѣ церкви св. Креста есть полуразрушенная маленькая церковь во имя св. Стефана, построенная въ 1293 году при католикосѣ Стефанѣ на средства сына Оромшаха Саргиса и Стефана.

На юго-восточной сторонѣ есть еще двѣ молельни, одна во имя св. Георгія, другая, быть можетъ, во имя Богоматери, прозванная теперь Красной церковью, потомучто она сдѣлана изъ краснаго камня.

Въ заключеніе, интересующимся можно указать, что Ахтамарскія надписи по нашимъ спискамъ изданы въ концѣ указанной статьи на армянскомъ языкѣ (стр. 209—212). Онѣ касаются построенія (въ 1293 году) ц. во имя св. Стефана, паперти, колокольни, зданій и сооруженія крестныхъ камней. Имѣется рядъ и надгробныхъ надписей.

Е. А. Далалянъ.

ХРОНИКА

ТЕАТРЪ

Драма въ Тифлисъ.

Истинно мечтательный умъ, склонный къ размышлению, несомнѣнно, отдастъ предпочтеніе не театру, а книгѣ. Книга даетъ воображенію читателя огромный просторъ, и чѣмъ шире его умственный діагнозъ, тѣмъ больше извлечетъ онъ мыслей, формъ и ощущеній изъ тѣхъ маленькихъ, черныхъ значковъ, что, сочетаясь въ ряды, составляютъ книгу.

Если чтеніе книги—занятіе активное, то театръ, наоборотъ, является источникомъ удовольствія по преимуществу пассивнаго—(до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ; хорошо это, или дурно—вопросъ иной). Зритель не сочиняетъ. Въ современномъ театрѣ онъ получаетъ все въ готовомъ уже видѣ, и въ работѣ его воображенія, въ полетѣ его фантазій надобности ужъ не встрѣчается. Сплошъ и рядомъ человѣкъ, оказавшійся безсильнымъ составить представленіе о прочитанной пьесѣ, безъ труда даетъ о ней подробнѣйшій отчетъ, лишь только становится зрителемъ. Пробѣлъ въ воображеніи послѣдняго восполнили своей игрой живыя дѣйствующія лица, замѣнившія черные значки книги.

Весьма важно и то, что сценическое искусство менѣе всякаго другого отделяется отъ жизни.

Такимъ образомъ, будучи наиболѣе воспринимаемымъ изъ всѣхъ другихъ искусствъ, театральное искусство является и наиболѣе могущественнымъ средствомъ распространенія въ широкихъ кругахъ искусства и литературы.

Къ сожалѣнію, однако, приходится признать, что въ большинствѣ нашихъ театровъ художественная дѣятельность есть прежде всего вопросъ о заработкѣ, и потому искусства въ нихъ нѣтъ. До тѣхъ поръ пока театры не будутъ въ рукахъ жрецовъ искусства, а матеріальныя заботы въ вѣдѣніи государства, не ищущаго отъ театровъ матеріальной выгоды,—до тѣхъ поръ не театры будутъ вести за собой публику, а наоборотъ.

Справедливость, однако, требуетъ все-же сказать, что въ 1906—1907 г.г. въ Тифлисъ былъ подлинный театръ—„Товарищество Новой Драмы“. За какихънибудь два года, „Товарищество“, руководимое Вс. Э. Мейерхольдомъ, а затѣмъ и талантливымъ его ученикомъ Р. А. Унгерномъ, сумѣло поставить драматическій театръ въ Тифлисъ на такую высоту подлиннаго служенія искусству, на какую не поднималась ни одна антреприза до него, и на какой послѣ него не сумѣло удержаться ни одно „товарищество“.

Театръ тогда знакомилъ тифлисскую публику съ избранными

пьесами русских и иностранных писателей, и постоянные посетители театра имѣли возможность составить о новой драматической литературѣ довольно содержательное представление.

То были золотые дни Тифлисской драмы...

До сихъ поръ незабываемы постановки пьесъ Чехова, Жулавскаго, „Шейлока“ — Шекспира, „Чуда св. Антонія“ — Метерлина, „Гостей“ — Пшебышевскаго, „Дикой утки“ — Ибсена, „Эльги“ — Гауптмана и его же „Шлюка и Лу“. Вспоминается, напримѣръ, какъ была поставлена въ послѣдней пьесѣ сцена у Зедзелиль: вдоль сцены шесть или восемь стриженныхъ деревцовъ; передъ каждымъ изъ нихъ, на скамьѣ, дама въ пудренномъ парикѣ и фижмахъ. И всѣ дамы одной рукой держать длинную шелковую полосу и другой вышиваютъ по ней подъ звуки моцартовскаго менуэта. Оживала чудная картина во вкусѣ Сомова.

Разумѣется это всего лишь изящный пустячекъ, но такихъ пустячковъ на спектакляхъ „Товарищества Новой Драмы“ было великое множество.

Скажу больше: почти все, что теперь иногда мелькнетъ интереснаго, стильнаго, красиваго — въ декораціяхъ, обстановкѣ, бутафоріи и т. д., — все это остатки „Товарищества Новой Драмы“. Они пришли въ полную ветхость, и замѣнить ихъ нечѣмъ и... некому.

Что касается труппы „Т. Н.

Д“, — то это была чутка я, и культурная молодежь — однородная, спаянная общимъ стремленіемъ, общей идеей. Кромѣ того во всемъ чувствовалась рука настоящаго маэстро. Въ результатѣ выдающийся ансамбль.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени. Измѣнились актеры, измѣнились взгляды и задачи руководителей театра, измѣнилась и чуткая когда то молодежь.

Актеры нашихъ дней, слишкомъ связавшіе себя съ безсодержательнымъ репертуаромъ и всевозможными „миніатюрами“, разучились играть серіозныя пьесы, въ которыхъ отъ нихъ требуется не только психологическое умѣние войти въ роль, но и, прежде всего, огромная культура.

Антрепренеры стали цѣнить не по художественнымъ заслугамъ, а по умѣнію ладить съ публикой и дѣлать битковые сборы.

* Наконецъ, молодежь — главный контингентъ у Мейерхольда — теперь наполняетъ театръ всякій разъ, когда идетъ веселая „легкая комедія“, и отсутствуетъ на мало-мальски серіозныхъ постановкахъ.

Вотъ ужъ четвертый, или даже пятый сезонъ ведетъ нашъ драматическій театръ А. Тугановъ. За этотъ срокъ онъ великолѣпно присмотрѣлся къ нашей публикѣ и научился вести театральное дѣло такъ, что и „волки сыты и овцы цѣлы“ — т. е., публика и актеры.

Материальный успѣхъ сезонъ

— всегда на лицо. Нельзя, однако, того же сказать и о художественномъ успѣхѣ...

Каковы же причины, препятствующія совпаденію этихъ двухъ величинъ? Обычный ли бѣгъ публики отъ серьезности и спросъ на „легкую комедію“ (какъ нынче стали называть фарсы), переживаемое ли нами тревожное время и всеобщая усталость, или, наконецъ, несерьезность самихъ руководителей театра?

Все это, конечно, имѣетъ извѣстное значеніе; но рѣшающимъ факторомъ, думается, являются все же вкусы, о которыхъ хочется спорить, хотя и не принято.

Руководители театра, допустимъ, рѣшаютъ ставить Островскаго обязательно 2 раза въ недѣлю и думаютъ, что дѣлаютъ серьезное, художественное дѣло. А по мнѣ—вѣдь это скучно?

Все, такимъ образомъ, сводится къ спору о вкусахъ. И вотъ, думается мнѣ, настоящаго вкуса, широкаго художественнаго размаха—нѣтъ у нынѣшнихъ руководителей нашего драматическаго театра.

Минувшій сезонъ ничѣмъ почти не отличался отъ предыдущихъ. То же отсутствіе определеннаго репертуара, то же метаніе изъ стороны въ сторону и въ результатѣ—пустота въ душѣ. Шли: Чеховъ, Гоголь, Грибоѣдовъ, Гончаровъ, Левъ Толстой, Островскій, Шекспиръ, Шиллеръ, Ибсенъ, Л. Андреевъ, Ал. Толстой, Б. Зайцевъ, Сургучевъ, Ти-

хововъ, Гнѣдичъ, Чириковъ, Щепкина-Куперникъ, Батайлъ, Найденовъ, Арцыбашевъ, Протопоповъ, шли „легкія комедіи“, шли фарсы.

Спору нѣтъ были въ сезонѣ серьезныя, хорошія постановки, часто налаживался отличный ансамбль. Но при всемъ этомъ не было въ сезонѣ того отпечатка культуры и той пѣльности, которые оставляютъ слѣдъ въ душѣ.

Наибольшимъ и вполне заслуженнымъ успѣхомъ пользовался „Павель I“ Мережковскаго, поставленный серьезно и вполне художественно и выдержавшій свыше 25-ти представленій въ сезонѣ. Небывалый для Тифлиса успѣхъ постановки этой пьесы Мережковскаго кроется, однако, не столько въ ея художественной значительности, сколько въ злободневности самой пьесы и новизны сюжета.

Успѣшно прошли въ сезонѣ „Холопы“—Гнѣдича, „Цѣна Жизни“ — Немировича - Данченко, „Осеннія скрипки“—И. Сургучева и „Дядюшкинъ сонъ“—Достоевскаго, (инсценировка). Изъ новыхъ пьесъ шли впервые „Крупная фигура“ С. М. Городецкаго, „Усадьба Ланиныхъ“—Б. Зайцева, „Касатка“ и „Горькій Цвѣтъ“, —Ал. Толстаго.

Украшениемъ труппы былъ въ высшей степени культурный и прекрасный актеръ Н. Н. Михайловскій, живое и гибкое, лишенное всякой позы и утрировки дарованіе котораго не разъ достав-

ляло истинное наслаждение. Необходимо отметить также добросовѣстнаго, интереснаго актера Рузаева и даровитаго Двѣйрова. Значительно окрѣбли привлекательныя дарованія г-жъ Полубинской и Кирѣевской, часто незамѣнимыми были г-жи Роксанова и Аргутинская-Козловская.

Что касается бывшей въ рукахъ А. Туганова и Гловацкаго режиссуры, то, говоря по правдѣ, если не считать постановки „Павла I“,—ничѣмъ особеннымъ она себя не проявила. Съ другой стороны, поставить въ настоящее время на должную высоту обстановочную сторону—почти невозможно, и людей нѣтъ и матеріаловъ нѣтъ и все дорого. А тутъ еще всевозможныя стѣсненія вродѣ разныхъ налоговъ, не говоря уже причудахъ публики, съ которой приходится считаться.

И такъ ужъ выходитъ, что испанскіе доны и гранды, французскіе князья и графы, итальянскіе маркизы и т. д. на сценѣ нашего драматическаго театра носятъ одни и тѣ же костюмы и Францію, Испанію, Италію обслуживаютъ однѣ и тѣ же декорации...

Изъ сказаннаго можно сдѣлать два вывода:—1) минувшій сезонъ назвать художественнымъ никакъ нельзя, и 2) винить въ этомъ однихъ руководителей театра было бы несправедливымъ.

А. П.

МУЗЫКА.

Торжества памяти Н. А. Римскаго-Корсакова. Тифлисъ отмѣтилъ десятилѣтіе со дня смерти великаго композитора цикломъ вечеровъ—въ консерваторіи, въ государственномъ театрѣ („Царская Невѣста“), Народномъ Университетѣ и Артистеріумѣ. Были произнесены рѣчи Л. Саминскимъ, И. Айсбергомъ, С. Городецкимъ и исполнены произведенія композитора и его школы Л. Пышновымъ, Н. Вендицкимъ, Спытко, О. Кешиновой и др.

Въ Артистеріумѣ состоялся послѣ музыкальнаго отдѣленія диспутъ о путяхъ русской музыки, на которомъ интересныя рѣчи произнесли Д. Гепштейнъ, Г. Робакидзе.

АРТИСТЕРІУМЪ.

Сенція I (Лектеріумъ). За отчетный періодъ были прочитаны слѣдующія лекціи: 1) 12-IV, С. Городецкій о русскомъ символизмѣ. 2) 13-IV, К. Д. Зеленскій о словѣ. 3) 14-IV, Г. Т. Робакидзе объ Андреѣ Бѣломъ. 4) 17-IV, Л. Л. Львовъ о Ведекиндѣ. 5) 23-V, Г. Т. Робакидзе объ Андреѣ Бѣломъ (вторая лекція). 6) 30-V, М. Христоновъ о Сезаннѣ или о четвертомъ измѣреніи въ живописи. 7) 1-VI, Г. Т. Робакидзе о природѣ вдохновенія. 8) 6-VI, Г. Т. Робакидзе, К. Яшвили, Т. Табидзе, А. Арсенишвили о „Голу-

быхъ Робахъ“. Доклады были иллюстрированы чтеніемъ стиховъ по грузински и переводовъ ихъ. 9) 22-VI, Г. Т. Робакидзе о славнофильствѣ по Вячеславу Иванову и Николаю Бордяеву.

Всѣ лекціи сопровождались диспутами,

Секція II (Цехъ Поэтовъ). Состоялось съ 11 апрѣля по 24 іюля четырнадцать засѣданій (по средамъ): Одно изъ нихъ было посвящено сонету. Въ работѣ многихъ членовъ Цеха долженъ быть отмѣченъ значительный успѣхъ. На послѣднемъ засѣданіи выдѣлена комиссія для выработки устава Цеха. Предположенъ къ изданію собственный органъ Цеха.

Секція III (Выставки). Были устроены слѣдующія выставки картинъ: 1) Сергѣй Маръ (12-14 апрѣля). 2) Выставка Московскихъ футуристовъ (15-17 апрѣля), см. ниже „Футуризмъ“. 3) Выставка А. Гудіашвили и С. Бажбеукъ-Меликова (7-21 іюля). Приготавливаются выставки: 1) Карикатуръ и 2) Плакатовъ.

Секція IV (Музыкальная). Былъ устроенъ вечеръ въ числѣ торжествъ памяти Н. Римскаго-Корсакова. (См. „Музыка“).

Секція V (Дѣтское Творчество). Была устроена выставка дѣтскихъ рисунковъ (1-8 апрѣля). Собранъ обширный матеріалъ для дѣтскаго альманаха (рисунки, стихи и рассказы).

Секція VI (Старый Тифлисъ). Выработаны анкетные листы для

обслѣдованія зданій, улицъ, площадей города двухъ формъ.

Производятся обмѣры и зарисовки типичныхъ зданій.

АРХЕОЛОГІЯ.

Кавказскій Историко-Археологическій Институтъ. Въ очередномъ „Отчетѣ о дѣятельности Россійской Академіи Наукъ по отдѣленіямъ Физико-Математическихъ Наукъ и Историческихъ Наукъ и Филологіи за 1917 годъ“ (Петроградъ, 1918) опубликована предварительная отчетная замѣтка академика - руководителя Института Н. Я. Марра о дѣятельности новооткрытаго изслѣдовательскаго учрежденія въ Закавказьѣ. Статья озаглавленная „Кавказскій Историко-Археологическій Институтъ за 1917 годъ“ (9 стр. in 8°) знакомитъ въ краткихъ словахъ съ личнымъ составомъ и предпріятіями Института за прошлый годъ.

Во главѣ Института стоитъ академикъ - руководитель Н. Я. Марръ. Штатныя мѣста ученаго состава замѣщены по выбору Академіи Наукъ (6-го сентября 1917 года)—два дѣйствительныхъ члена (Е. С. Такайшвили и Г. Н. Чубиновъ) и два адъюнкта (Д. П. Гордпеевъ и С. О. Тираниянъ). Въ настоящее время, за отсутствіемъ академика-руководителя, во главѣ учрежденія стоитъ старшій дѣйствительный членъ (Е. С. Такайшвили). Обязанности секретаря возложены на А. С. Щепотьева.

За истекшій годъ были совершены *экспедиции* трехъ категорій:

А) *XVI Анійская Археологическая Компания*. Раскопки производились акад. Н. Я. Марромъ. Раскопаны: небольшая церковь, въ общемъ обычной конструкціи, на сѣверѣ отъ Гагикова храма и, отчасти, не законченный обслѣдованіемъ, мусульманскій мавзолей на юго-востокѣ отъ собора. Архитектурно-археологическія работы производились архитекторомъ А. П. Удаленковымъ (ремонтъ и обмѣры церквей: раскопаной въ текущую компанію и монастырской на Вышгородѣ). І. А. Орбели работалъ по подготовкѣ публикаціи мѣстныхъ армянскихъ надписей. Эстампажистомъ И. А. Амирянцемъ исполнены, по порученію академика Н. Я. Марра, формы съ халдскихъ клинописей въ районѣ Алашкерта. Фотографическія работы производились А. А. Вруйромъ.

В) Экспедиція *въ Лазистанъ* была совершена прив.-доц. Петроградскаго, а нынѣ профессоромъ грузинскаго Университета І. А. *Кипшидзе* для обслѣдованія мѣстныхъ нелитературныхъ языковъ.

С) *Въ Месхию* было совершено *три экспедиции*:

1) *Академикомъ - руководителемъ* совершена поѣздка для общаго осмотра памятниковъ древности и культуры края. Обнаружены и въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ (с. Мурджахетъ) культовые каменные рыбы-великаны (т. н. *вашапы*)

впервые открытые на Гегамскихъ высотахъ (въ Эриванской губ.). Вновь осмотрѣны памятники зодчества; собраны наблюденія по до-исторической археологіи, халдской клинописи и другимъ отдѣламъ краевѣдѣнія. Завязаны сношенія со свѣдующими старожилами.

2) *Въ районъ Вардзій* работали два питомца Факультета Восточныхъ языковъ С. *Ломія* и Д. А. *Кипшидзе*. Первый изслѣдовалъ мѣстный грузинскій говоръ въ с. Гогашенѣ, а второй обслѣдовалъ знаменитыя пещерныя постройки Вардзій въ сотрудицествѣ съ фотогр. И-та г. *Ліозеномъ*.

3) Экспедиція Д. П. *Гордѣва* и С. А. *Таранушенко* въ *Ахалцихскій уѣздъ* для осмотра и обслѣдованія росписей и архитектуры Зарзмы, Чуле и Сафары. Въ экспедиціи принималъ участіе фот. г. *Ліозенъ*. Въ Зарзмѣ установлено единство, нынѣ подпорченной поновленіемъ, росписи блестящаго памятника „палеологовскаго“ періода и выдвинутъ вопросъ о позднемъ, по сравненіи съ принятымъ, возникновеніи главнаго храма. Въ Чулѣ установлено фактъ сохранности, большей чѣмъ предполагалось по имѣвшимся описаніямъ, части фресковой росписи XIV в. чрезвычайно интересной и иконографически и стилистически, выяснена необходимость раскопокъ и установлена частью незаконченность, а частью разновременность декоративной рѣзбы (особенно колокольни). Въ

Сафаръ обнаруженъ составной характеръ росписи ц. св. Саввы, считавшейся единымъ точно датированнымъ памятникомъ грузинской стѣнописи. Наблюдения выявили сложную многовѣковую жизнь памятника претепѣвшаго еще въ древности нѣсколько переписей и поновлений. Обращено было вниманіе и на роспись малаго храма св. Марины подъ колокольной. Осмотръ подкровельныхъ пазухъ въ восточной части храма св. Саввы и, отчасти, другихъ непоказныхъ мѣсть кладки и этого храма и подведенной террасы подъ колокольной обнаружилъ введеніе въ кладку фрагментовъ болѣе ранней декоративной скульптуры.

Вслѣдствіе отхода Карской области въ руки турокъ Институтомъ заранѣе были приняты мѣры къ эвакуаціи главнѣйшаго изъ собраній Анійскаго Музея Древностей и раскопчнаго имущества (см. замѣтки: въ „Хроникѣ“ № 1. „A R S“ и ниже, посвященную второй эвакуаціонной экспедиціи).

Для осмотра художественныхъ и научныхъ цѣнностей Боржомскаго имѣнія былъ командированъ дѣйствительный членъ Института Г. Н. Чубиновъ (см. ниже замѣтку: „Художественныя и научныя цѣнности Боржомскаго имѣнія“).

Д. Г.

Экспедиція для эвакуаціи Анійскаго Музея Древностей, бібліотеки и раскопчнаго имущества. Какъ уже сообщалось (см. „Ars“ № 1,

„Хроника“ стр. 74) ранѣе грозившій, а теперь совершившійся переходъ Анійскаго городища въ руки турокъ заставилъ Кавказскій Историко - Археологическій Институтъ принять спѣшныя мѣры для возможной эвакуаціи музея и рабочаго имущества изъ городища. Получена была матеріальная поддержка Армянскаго Національнаго Совѣта живо откликнувшася на призывъ Института и командировавшаго своего члена, ученика академика Н. Я. Марра, А. А. Лорисъ-Меликова Калантаряна для участія съ представителемъ Института адъюнктомъ Д. П. Гордѣевымъ въ совершеніи намѣченнаго предпріятія. Сотрудникомъ, по рекомендаціи Института, приглашенъ былъ художникъ С. Н. Полторацкій, и ранѣе работавшій въ Ани, для разбора намѣченной къ эвакуаціи статуи царя Гагика и помощи въ упаковкѣ памятниковъ древности. Институтомъ была выработана программа отбора наиболѣе необходимыхъ для эвакуаціи предметовъ. По мѣрѣ возможности члены экспедиціи отбыли въ городище. Главныя работы были совершены С. Н. Полторацкимъ при содѣйствіи нижнихъ чиновъ Лорійскаго отряда, во главѣ котораго стоялъ А. А. Калантарянъ.

Къ концу упаковки вещей, отобранныхъ согласно программѣ выработанной Институтомъ, прибылъ, задержанный мобилизаціей въ Тифлисъ, представитель Института и, исполнивъ стборъ, при-

нялъ участіе въ дальнѣйшей эвакуаціи. Разстройство транспорта заставило бросить первоначальную мысль вывоза предметовъ грунтовой дорогой прямо въ Александрополь. Полученъ былъ вагонъ на станцію Ани и ящики съ памятниками были переправлены черезъ Арпачай и доставлены къ линіи желѣзной дороги. Статую царя Гагика въ разобранномъ видѣ удалось извлечь при эвакуаціи изъ помѣщенія Музея и такимъ образомъ этотъ драгоценный памятникъ средневѣковой скульптуры спасенъ отъ грозившей ему порчи или гибели. Вывезена вся бібліотека и почти весь складъ изданій и часть раскопчнаго инвентаря. Полной эвакуаціи помѣшало появленіе турокъ, занявшихъ 16 (29) апрѣля границу 1877 года и обстрѣлявшихъ производившихъ эвакуацію. Часть вещей была брошена въ городищѣ и по дорогѣ къ переправѣ бросившимися въ бѣгство носильщиками и погонщиками, разгрузившими вьючныхъ животныхъ. Вывезенные тогда вещи были вечеромъ 16 нагружены на спеціально ожидавшую на станціи Ани платформу и подъ приглядомъ художника С. Н. Полторацкаго и прикрытіемъ лорійскаго отряда были отправлены въ Александрополь и далѣе по мѣсту назначенія. Представители же Института и Армянскаго Національнаго Совѣта совмѣстно съ начальникомъ охраны станціи Ани ярап. Поповымъ рѣшили попы-

таться, подъ прикрытіемъ отряда стоявшихъ тамъ армянскихъ національныхъ войскъ, предпринять еще одну экскурсію на ту сторону Арпачая для спасенія брошеннаго. Экскурсія была совершена 17 апрѣля и часть вещей, кои не были расхищены, удалось подобрать и переправить. Завязавшая перестрѣлка заставила подъ огнемъ прекратить дальнѣйшее собираніе брошеннаго наканунѣ раскопчнаго инвентаря и обстановки дома для работавшихъ на раскопкахъ. Эвакуированное, согласно желанію Армянскаго Національнаго Совѣта, отправлено для временнаго храненія въ Лорійскія горы. Въ Тифлисъ доставлена лишь нумизматическая коллекція Анійскаго Музея Древностей, создавшаяся во время раскопокъ, и передана для разбора и научной обработки проживающему теперь въ Тифлисъ видному нумизмату Е. А. Паховому.

Д. Г.

Художественныя и научныя цѣнности Боржомскаго имѣнія. Въ связи съ принятымъ Закавказскимъ Сеймомъ особымъ закономъ о конфискаціи Боржомскаго имѣнія б. вел. кн. Николая Михайловича со всѣмъ имуществомъ, Кавказскимъ Историко-Археологическимъ Институтомъ было возбуждено ходатайство объ огражденіи находящихся на площади имѣнія древнихъ памятниковъ культуры въ видѣ развалинъ церквей, надгробныхъ памятниковъ и т. п., а равно и кол-

лекцій, собранных во дворцѣ. При осмотрѣ дворца 24—26 марта выяснено, что картины Ликанскаго дворца почти исключительно портреты эпохи Александра I-го. Тоже вполнѣ спеціальнѣйшій характеръ и назначеніе имѣетъ библиотека—она представляетъ подборъ книгъ по эпохѣ Александра I-го и Наполеона I-го: эпохѣ спеціальныхъ изслѣдованій бывшаго вел. князя. Даже немногочисленные роскошныя художественныя изданія или иллюстрированныя литературныя произведенія касаются той же эпохи. Въ паркѣ Боржома собраны на особой площадкѣ археологическія памятники, среди которыхъ типичны надгробія въ формѣ лошадей и барановъ, и замѣчательны каменные столбы съ изображеніями. Существующая охрана дворцовыхъ памятниковъ поставлена вполнѣ правильно; что же касается древнихъ развалинъ, то для огражденія ихъ сохранности дѣлается все возможное, но обстоятельства переживаемаго времени таковы, что все можетъ легко измѣниться въ плохую сторону.—Въ концѣ мая предприняты мѣры по упаковкѣ означенныхъ историческихъ цѣнностей Ликанскаго дворца въ ящики на случай эвакуаціи ихъ ради спасенія отъ неминуемаго разграбленія и уничтоженія въ связи съ угрозой занятія Боржома турецкими войсками. Ч.

О научномъ изслѣдованіи Трапезунда. Вслѣдъ за взятіемъ Трапезунда въ 1915 году русскими

войсками, Петроградскимъ Археологическимъ Обществомъ, совместно съ Академіей Наукъ, въ лѣтнюю компанію 1916 года, была организована и отправлена въ Трапезундъ ученая экспедиція въ составѣ академика Ѳ. И. Успенскаго, профессора Ѳ. И. Шмита (бывш. ученаго секретаря русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ) и свободнаго художника Клуге. Исключительное вниманіе этой экспедиціи было обращено на церковныя сооруженія (особенно храмы: св. Софія, Златоглавыи и св. Евгенія). Къ сожалѣнію, неблагоприятныя условія, сложившіяся для этихъ изслѣдователей, отозвались на успѣшности ихъ работъ. Все же удалось сдѣлать цѣнныя открытія, напр. были освобождены изъ подъ штукатурки части фресковой христіанской росписи въ св. Софіи. Работы были продолжены и въ 1917 году. На этотъ разъ въ Трапезундъ были командированы различными учеными организаціями пр. Успенскій, А. Е. Крымскій, Протасовъ, архитекторъ Бекменовъ, и свободные художники Макаренко и Клуге. Профессоръ Протасовъ занялся росписями трапезундскихъ храмовъ. Макаренко и Клуге работами надъ фресками. Архитекторъ Бекменовъ сдѣлалъ точный обмѣръ храма св. Евгенія; профессоръ Крымскій изслѣдовалъ рукописи въ ханскомъ хранилищѣ рукописей, помѣщавшемся въ бывшемъ златоглавомъ соборѣ.

Наиболѣ цѣнныя изъ нихъ онъ вывезъ въ Петроградъ. Совмѣстно съ ученой экспедиціей работали Ѳ. М. Морозовъ и инженеръ М. Э. Кернъ. Морозовымъ были сняты эстампажи съ надписей и сфотографированы многія фрески. Кернъ сдѣлалъ обмѣры и чертежи реконструкціи Кремля Комненовъ, а также обмѣрилъ и нѣкоторые церковныя сооруженія.

Съ отходомъ русскихъ войскъ и съ воцареніемъ анархіи въ Трапезундѣ, ханское хранилище рукописей постигла печальная участь: часть рукописей была подожжена, а многія другія были растасканы солдатами. Благодаря стараніямъ Морозова и Керна это безобразіе было пріостановлено.

С. Марченко.

Ф У Т У Р И З М Ъ

Начало этого года въ Тифлисѣ ознаменовано осуществленіемъ ряда выступленій футуристовъ. Былъ сдѣланъ рядъ докладовъ и лекцій и устроены выставки. Организация — „Синдикатъ футуристовъ“ (составъ: поэты — И. Зданевичъ, Кара-Дарвишъ, А. Крученыхъ и Н. Чернявскій; художники — В. Гудіевъ и К. Зданевичъ) просуществовала недолго и вскорѣ распалась. Выдѣлившаяся группа создала „Футурвсеучище“ доклады котораго читались по преимуществу въ помѣщеніи „Фантастическаго Кабачка“ (Головинскій, 12, во дворѣ въ полуподвалѣ) стѣны и перекрытіе котораго

были росписаны по штукатуркѣ художниками: В. Гудіевымъ, К. Зданевичемъ и А. Петроковскимъ, въ сотрудничествѣ съ Ю. Дегеномъ, И. Зданевичемъ и др.

Доклады и лекціи. Читенія „Всеучбища“: *И. Зданевичъ* — „Заумная поэзія и поэзія вообще“ (столовая „Имеди“, 19, I), „Интернаціональ и Національное искусство“ (Фантастическій Кабачекъ“, 30, I), „О живописномъ футуризмѣ“ (столовая „Имеди“, 11, II) — *НВ.* Доклады первый и третій — I и II вечера „Синдиката Футуристовъ“ — „Послѣдующіе четыре доклада — въ „Фантастическомъ Кабачкѣ“: — „Объ итальянскомъ футуризмѣ“, „О заплетающихся языкахъ Ѳ. Тютчева и В. Брюсова“ (13, III), „Лорнетъ Доди Бурлюка“ (26, III), „О театрѣ въ тупикѣ; футу на подмосткахъ, глупыхъ художественникахъ, кинематографахъ и миниатюрахъ, о сценахъ Марионетти, Тарто, всякой всячинѣ и своихъ дра“ (31, III) съ чтеніемъ отрывковъ изъ цикла дра „Аслаобличья“, *А. Крученыхъ* — „Словоскакъ таковое“ (8, II), „Азефъ-Гуда — Хлѣбниковъ“ (14, II), „Апокалипсисъ (чортъ) и рѣчетворцы“ (18, II), „Облако въ штанахъ“, „О безуміи въ искусствѣ“ (28, II), „Фіоль Игоря Сѣверянина“, „О новомъ языкѣ“ = неологизмы — сдвигъ — заумь“ (5, III), „Поэтъ-мертвецъ А. Блокъ“ (8, III), „Исторія русскаго футуризма“ (10, III), „Неизданныя произведенія футуристовъ (Шершеневичъ, Розанова, Маяковскій, Терентьевъ)“ (3

IV).—NB. Эта серия была прочтена въ „Фантастическомъ Кабачкѣ“.—Въ томъ же помѣщеніи состоялись доклады и не руководителей „Всеучбища“: Ю. Дегенъ—„Вечеръ стиха“, стихи изъ сборника „Этихъ глазъ“ и І дѣйствіе „Смерть и буржуй“ (3, III); Кара-Дарвишъ.—„О Каменскомъ—Его—моя біографія“ (24, III); д-ръ Г. Харазовъ—„Теорія Фрейда и заумная поэзія“ (5, IV). Въ залѣ Консерваторіи состоялись (15, III) „Вечеръ интуитивной и безумной поэзіи“ гдѣ А. Крученыхъ прочиталъ (среди выступленій и не футуристовъ: Леонида Голубева-Багрянороднаго, Мирзы Гусейнъ-Хана, Александра Хведчени)—„Слово о страсти и безстрастїи в поэзіи. Красное безуміе и розовые мертвецы. Горящія буквы электрическихъ книгъ“ и диспутъ (27, V) подѣ председательствомъ Г. Робакидзе—„О театрѣ и заумной поэзіи“ вступительное слово И. Терентьева; выступали—Крученыхъ, Дегенъ, бар. фонъ-деръ-Ховенъ, д-ръ Харазовъ, Карабеговъ и К. Зданевичъ и др. И. Зданевичъ читалъ отрывки изъ цикла дра на заумномъ языкѣ, а поэты Ю. Дегенъ и Вася Катанянъ свои стихи. Кромѣ того состоялось выступленіе футуриста И. Терентьева съ докладомъ „А. Крученыхъ Грандіозаръ“ (4/17, V) въ „Фантастическомъ Кабачкѣ“ (см. ниже изданія).—N. В. Даты по старому стилю.

Уже лѣтомъ въ помѣщеніи „Фантастическаго Кабачка“ были

прочитаны футуристами отдѣльные доклады: А. Крученыхъ—„О женскихъ стихахъ и о многомъ прочемъ (А. Ахматова, О. Розанова, Т. Вечерко и др.)“ (5/18, VI), „Воздушный ресторанъ въ Ямудіи—о новой эротикѣ въ поэзіи“ (18, VI=1, VII); И. Зданевичъ—„Крученыхъ и душа его носа“ (8/21, VI). Ю. Дегеню и Б. Корниевымъ былъ устроенъ вечеръ стиховъ Маяковскаго; на вечерѣ И. Терентьевымъ былъ сдѣланъ докладъ (7/20—VII).

Выставки. Въ подвальномъ помѣщеніи магазина „Blanc et Noir“ на Головинскомъ состоялась выставка картинъ Кирилла Зданевича за періодъ 1912—1916 г.г. (изъ 128 №-овъ картинъ и рисунковъ); каталогъ съ предисловіемъ А. Крученыхъ и Э. Эганбюри. Въ помѣщеніи „Имеди“ (11, II)—„Soirée des peintures“ К. Зданевича, В. Гудіева съ докладами И. Зданевича, А. Крученыхъ и Кара-Дарвиша, съ выступленіемъ художника и не футуриста А. Бажбеука-Меликова. Въ помѣщеніи редакціи журнала „Арс“ (Артистеріумъ, секція III; Головинскій, 9)—„Выставка картинъ Московскихъ футуристовъ“; участники: Викторъ Бартъ (1), Давидъ Бурлюкъ (1), Наталія Гончарова (17), А. Грищенко (1), Кириллъ Зданевичъ (30), Иванъ Клювъ (1), Алексѣй Крученыхъ (30), Николай Кульбинъ † (2), Михаилъ Ларіоновъ (13), Казиміръ Малевичъ (4), М*** (1), Ольга Розанова (31), В. Татлинъ (1), И. Те-

рентьевъ (7), Павелъ Филоновъ (2), А. Шевченко (3), А. Гудіевъ (3). Итого 145 №-овъ.—НВ. Цыфра въ скобкахъ—число произведеній. Въ томъ же помѣщеніи была устроена выставка произведеній двухъ мѣстныхъ художниковъ—новаторовъ: В. Гудіева (=Гудіашвили) и А. Бажбеука-Меликова.

Изданія. Появились въ свѣтъ: *И. Зданевичъ*.—„Янко круль албанскай“ заумная дра (начало цикла); *А. Крученыхъ*.—„Учитесь Худоги“ (съ рис. К. Зданевича), „Малохолія въ капотѣ“ (съ рис. К. Зданевича), „Ф’нагт“, и на правахъ рукописи—„Нособойка“, „Голубыя яйца“, „Нестрочье“, „Балос“, „Туншап“, „Город в осаждѣ“, „Рябому рылу“, „Цоц‘ и др.; *И. Терентьевъ*.—„А. Крученыхъ Грандіозарь“ (статья), рис. на обложкѣ Кирилла Зданевича (гравированъ на линолеумѣ Д. П. Гордѣевымъ) и *А. Крученыхъ и И. Терентьевъ*.—„Ожиреніе розъ“ (статья „О стихахъ Терентьева и другихъ“ А. К., „Разговоръ о Малахоліи въ капотѣ“ А. К. и И. Т. 3-го апрѣля 1918 года“, стихи И. Т. и А. К. и „Из пьесы А. К. „Глы-Глы“). Готовятся и печатаются: *И. Зданевичъ*.—двѣ слѣдующія изъ цикла заумныхъ дра „Аслабличья“—II „асел. напракат“ и III „зга якобы“; *А. Крученыхъ*.—„Азеф-Гуда-Хлѣбниковъ“ (выпить), „Любовное приключеніе Маяковскаго“, „Фіоль Игоря Сѣверянина“, „Поэт-мертвецъ А. Блок“ и „О послѣдней нелѣпо-

сти“; *И. Терентьевъ*.—„Узгугза“, „Грамматика заумнаго языка“, „Слова безъ подтяжек. И. Зданевич“; *А. Крученыхъ и И. Терентьевъ*.—„Херувимы свистятъ“.

Д. Г.

БИБЛИОГРАФІЯ.

„Синимъ вечеромъ“. Сборникъ стихотвореній. В. Кара-Мурза и В. Катанянъ. Тифлисъ. Ц. 1 руб.

Въ маленькой книжкѣ стиховъ очень мало самостоятельнаго творчества: молодые авторы находятся подъ влияніемъ футуристовъ и Сѣверянина, которое сказалось и въ стихотворной формѣ, и въ образахъ, шаблонныхъ и модныхъ („пьянѣть грядущимъ обезумѣвшій рокъ“, „воспѣньте бурно въ бокалахъ грезы“ и др.). И только въ тѣхъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ поэты говорятъ о вещахъ, болѣе близкихъ имъ, болѣе затрагивающихъ міръ ихъ духовныхъ стремленій, замѣтны проблески самостоятельнаго творчества. Послѣднему безспорно не чужды и К.-М. и К. Лирической талантъ есть у обоихъ. Тѣмъ болѣе хочется пожелать молодымъ неокрѣпшимъ творческимъ силамъ окрѣпнуть и развиваться.

Григорій Баммель.

Н. Коротковъ. *Семирамида*. Поэма. Москва. 1917. Ц. 1 руб.

Изъ трагической легенды о любви виневійской царицы Семирамъ къ царю Ара этому автору удалось сдѣлать скучнѣйшую исторію. Многословный, крайне

несовершенный стихъ иногда впадаетъ въ явный комизмъ, какъ показываютъ, напр., слѣдующія строки:

Когда бывала вмѣстѣ съ Ниномъ,
Его какимъ то острымъ клиномъ
Всегда считала для себя.

Плохо рассказавъ фабулу легенды, авторъ не сумѣлъ, конечно, и выявить внутренней ея символическій смыслъ, и потому работа его никакой цѣнности не представляетъ. С. Г.

А. Крученыхъ. Малохолия въ капотѣ. Рис. К. Зданевича. Нумерованное изд. въ количествѣ 50 экз. Ц. 5 р.

Въ продолженіи двухъ лѣтъ (1917—18) въ Тифлисѣ выходитъ изъ печати вторая книга А. Крученыхъ—„Малохолия въ капотѣ“. Передъ первой, „Учитесь художн“, она имѣетъ нѣкоторыя преимуществва—она понятна, за исключеніемъ названія. Впрочемъ, и оно можетъ быть нѣсколько объяснено, если мы примемъ во вниманіе нѣкоторое пристрастіе А. Крученыхъ къ извѣстному поэту В. Маяковскому. У послѣдняго же есть книга—„Облако въ штанахъ“. Однако, приступимъ къ самой книгѣ, содержаніе которой можетъ быть наконецъ прочтено—такъ вѣдь интересно прочесть книгу Крученыхъ, о которомъ столько въ свое время говорили и писали, и который несмотря на это намъ почти незнакомъ изъ того, что говорилъ въ своихъ книгахъ большей частью, на языкѣ, избрѣтенномъ имъ самимъ. Но

насколько было бы лучше, еслибъ Крученыхъ всегда говорилъ на своемъ собственномъ языкѣ, за непонятностью котораго мы могли предполагать глубокое содержаніе, тоску по прекрасному, невыразимому обыкновеннымъ языкомъ людей! Впрочемъ, пожалуй, это и лучше, что онъ заговорилъ, наконецъ, это можетъ послужить ключемъ къ его творчеству.

Въ книгѣ нѣсколько статей. Коронная изъ нихъ—„Исторія какъ“. Это большей частью случайныя выборки сочетаній словъ, имѣющихъ двусмысленное значеніе. Съ перваго взгляда можно предположить, что А. Крученыхъ терзала слава анекдотовъ самаго грубаго пошиба, основанныхъ на подобныхъ-же словесныхъ каламбурахъ, и ему захотѣлось затмить непристойность этихъ „кабацкихъ“ анекдотовъ собственнымъ непристойнымъ остроуміемъ. Однако дѣло обстоитъ нѣсколько иначе и работа Крученыхъ, несмотря на это первое впечатлѣніе, представляется намъ не сборникомъ анекдотовъ, а превосходнымъ трудомъ о томъ, какъ не слѣдуетъ писать поэтамъ, если они не хотятъ стихи свои превратить въ плохой колабуръ.

А. Крученыхъ доказалъ намъ, что прежде всего онъ поэтъ, ибо для поэта самымъ цѣннымъ является слово. Крученыхъ любитъ его, какъ, пожалуй не любили до сихъ поръ. *Юрій Дегенъ.*

Л. М. Меликсетъ-Беконъ (Тифлисъ): Пещерный городъ Квахрели

(отд. отт. изъ XI т. „Изв. Кавк. Музея“). 11 стр. in 8° съ 2 рис. въ текстѣ. Статья эта, являющаяся публикаціей доклада читанаго въ засѣданіи 2 февраля 1918 г. Кавказскаго Отдѣленія Московскаго Археологическаго Общества, посвящена пещернымъ сооруженіямъ находящимся вблизи Уплисхихе. Рисунки изображаютъ: 1) небольшое зданіе изъ дикаго камня (кубическое основаніе перекрытое цилиндрическимъ барабаномъ съ конической кровлей), расположенное у главнаго входа въ пещеры и 2) схематическій планъ пещернаго городка Квахрели. Статья открывается обзоромъ предшествовавшей литературы вопроса, даны надписи (грузинскія и армянскія; и тѣ и другія относятся къ позднему времени), описаніе „пещернаго городка или, вѣрнѣе говоря, монастыря“ и заканчивается замѣчаніями о происхожденіи мѣстныхъ жителей, признаваемыхъ авторомъ за огрузинившихся армянъ антихалкедонитовъ, а отнюдь не за „грузинъ-григоріанъ“.

Цѣнная статья эта, пополняющая не достаточно богатую литературу по обслѣдованію пещерныхъ мѣстообиталищъ Закавказья, по поставленнымъ себѣ авторомъ задачамъ не выходитъ за предѣлы узкомѣстныхъ научныхъ интересовъ. Но и въ этой сферѣ сравнительный аппаратъ едва развитъ. Лишь отмѣчается наличность и другихъ пещерныхъ мѣстообитаній: Уплисхихе и мона-

стырей Вардзійскаго, Давидо-Гареджійскаго и Іоанно-Крестительскаго. Авторъ не только не производитъ частичнаго сравнительнаго анализа плана и типа сооруженийъ Квахрели съ аналогичными или близкими памятниками, но даже въ привлеченіи указаній закавказскихъ пещерныхъ мѣстообиталищъ не выходитъ за предѣлы Грузіи. Д. Г.

ЖУРНАЛЫ.

Русская Дума. Серьезнымъ явленіемъ въ области закавказской журналистики нужно признать органъ Зак. Рус. Нац. Совѣта „Русская Дума“. Издаваемый по типу толстыхъ журналовъ, онъ во всѣхъ отдѣлахъ высоко удовлетворителенъ. Статьи Скородумова, Лебедева, Ишкова, Вольскаго имѣютъ общероссійскіе горизонты. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ отмѣтимъ глубокіе и изящные рассказы Н. Вѣль-Конь-Любомирской и А. Бархударяна, стихи Пруссакъ, Кайдалова, Скородумова и Образцова. Историческое значеніе будутъ имѣть очерки текущей русской жизни въ Закавказьѣ, и редація справедливо удѣляетъ этому отдѣлу много вниманія. Желателенъ отдѣлъ библіографіи и искусства. Въ короткій, сравнительно, срокъ вышли уже два номера журнала.

Кавказская Рампа. Второй номеръ этого театральнаго журнала составленъ удачнѣе перваго. Технические условія печати дѣлаютъ

невозможнымъ своевременный обзоръ театральныхъ событій, и это сильно мѣшаетъ развитію журнала въ самыхъ его интересныхъ отдѣлахъ.

Мой Журналъ. Въ красивой обложкѣ работы Осипа Шарлемана появился новый журналъ типа столичныхъ „дамскихъ“ журналовъ. Содержаніе разнообразно, пошлости не замѣтно. Это уже хорошо. С. Г.

Грузинскій журналъ „Прометей“. Въ номерѣ *первомъ* указаннаго періодика въ научномъ отдѣлѣ помѣщены между прочемъ статья декана философскаго факультета грузинскаго университета *И. А. Джавахова* и статья профессора того же университета *Е. С. Такайшвили*. Первая (стр. 35—61) представляетъ собой часть послѣдней книги монографіи разрабатывающей „экономическую исторію Грузіи“, первая книга которой появилась еще въ 1907 году. Тутъ разработанъ вопросъ *о городахъ и строгъ городской жизни въ Грузіи XVII—XVIII вѣковъ*. Къ изслѣдованію приложены: 1) видъ Тифлиса XVII вѣка, воспроизведенный съ помѣщенной въ путешествіи Шардена гравюры; 2) постройка Горійской крѣпости, рисунокъ миссіонера Каstellи (изъ книги *Tamarati*) и 3) общій видъ-планъ Кутаиса въ XVIII вѣкѣ, извлеченіе изъ современной карты Западной Грузіи.

Статья Е. С. Такайшвили „Евангеліе Лабчинской церкви“ въ Лечхумѣ даетъ краткое описаніе Евангелія и самой церкви; а самое главное приводитъ записъ Евангелія, въ которой строитель ея рассказываетъ подробно исторію построенія церкви и даннаго ей инвентаря и имущества. Къ сожалѣнію въ записи нѣтъ хронологическихъ указаній. Единственно что приводится это царца царицъ Русаданъ, мать царя Ваханга. Но этого свѣдѣнія совершенно недостаточно, т. к. не думаемъ, чтобы мать Ваханга II (1289—1292 гг.), сына Наринъ-Давида и неизвѣстной по имени дочери византійскаго императора Михаила Палеолога, могла носить грузинское имя Русудани.

Въ номерѣ *третьемъ* того же журнала помѣщена на сс. 60—68 статья *Е. С. Такайшвили о Лечхумской церкви селенія Окуреша*, преимущественно ея образахъ и древностяхъ. Церковь основана согласно надписи въ 1788 году Георгіемъ сыномъ Отіи Дадіани. Изъ числа иконъ особенно интересна одна составная изъ Деисуса (верхняя часть) и св. Георгія (нижняя), гдѣ Деисусъ относится къ „классической эпохѣ грузинскаго искусства XII—XIII вѣку“. Подписи изображеній Богоматери, Іоанна Крестителя, апостоловъ Петра и Павла сдѣланы на греческомъ языкѣ. Ч.

Литературно-политический журнал органъ Закавказскаго Русскаго Национальнаго Совѣта.

№ 2 РУССКАЯ ДУМА № 2

СОДЕРЖАНІЕ:

Стихи: Л. Скородумовъ. «Легенда», К. Образовъ. Богатырь., Ал. Кайдаловъ. „Счастье“.—Разказы: Л. Міровъ. «У огарочна свѣчки» (въ сумеркахъ, по Россіи); Н. Бѣль-Любомирская. «Феодалка»; Ал. Вархударянъ. „Дорога» (Блокъ-Нотъ, Ванъ-Эчмιάдзинъ. Июль-августъ 1915 г.).—Статьи: Л. И. † Г. В. Плехановъ. (Некрологъ); Мих. Бѣляевъ „Национальныя черты русской революціи“. Ф. Лебедевъ. «Россія и Закавказье» (Историческіе очерки II) О. Сибирскій. «Рускіе въ Закавказскихъ Республикахъ» (статистическій очеркъ) Н. Ильинскій. «Обломки крушенія» (къ судьбѣ учителей).—Политическая хроника: М. К. „Въ Закавказьи“; Я. А. «По ту сторону горъ»; Я. А. „Иностранное обозрѣніе“.—Изъ разоренныхъ гнѣздъ: В. «Разгромъ Фрезовки. Мирный исходъ». И. В. «Какъ воронцовцы собирались потурчиться».—Въ совѣтъ: «Изъ резолюцій р-го сѣзда». «Составъ совѣта». «Иностранцы».

Цѣна №—2 руб. 50 коп. въ Тифлисѣ (на Сѣверномъ Кавказѣ 3 рубля).

Мѣста продажи: Московскій Национальный Совѣтъ, центральная книжная торговля; магаз. Викандеръ и Ларсонъ; магаз. Мартиросянца (Дворцова) магаз. Кологривова (Эриван. пл.); писчебумажн. маг. Арзуманова (Эриван. пл.); маг. „Au bon goût“ (Голов. пр.); маг. «Новая рѣчь» (Голов. пр.) маг. офиц. экон. о-ва (Ольг.); садъ «Стѣлла» (Кіоскъ), писчеб. маг. Малхасянца (Воронц. пл.); Уголокъ увѣчнаго (Михайл. пр.), комисіон. конт. Вейса (Мих. пр. 86), театръ Ерицян. (Мих. пр.); садъ—«Отдыхъ» (Ксеньевская), Народн. Университ. (Мих. пр.); магаз. бр. Григорьянъ (уг. Мих. и Кир.); кафе «Кристалъ» (Верійскій спускъ), писчеб. маг. Аветисова (Вокзальная ул. 9) грам. маг. Давидова (Авлабаръ, Кахет. пл.), магаз. «Гуттенбергъ» (Штабная ул.), маг. Казанджева, Саркисова и др.

Съ конца іюля с. г. въ Тифлисѣ начнетъ выходить новый большой богато иллюстрированный двухнедѣльный журналъ литературы, искусства, общественной и практической жизни.

МОЙ ЖУРНАЛЪ

Издатель: Общество Кавказскій Военный Трудовой Кооперативъ.

Редакторъ Е. С. ХОХЛОВЪ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Цѣна отд. № 3 рубл.	I. Часть литературная.	II. Часть практическая.	Полн. цѣна: на 1 к. 5 р.
	Повѣсти, расказы, стихи русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Популярныя статьи по вопросамъ общественной жизни, коопераціи, самостоятельности. Женская жизнь. Педагогика. Медицинскія бесѣды. Научныя новости. Литература. Искусство. Новая книги и проч. Анекдоты.	Систематическіе курсы кройки и шитья дамскаго платья, бѣлья и обуви. Шляпы. Рукодѣліе. Моды. Кулинарія. Домъ и хозяйство. Домашняя медицина. Косметика. Юридическая помощь. Почтовые ящики. Переписка съ читателями и читательницами.	

Богатый иллюстраціонный матеріалъ. Историческая смѣсь. Развлеченіе. Шахматы. Пасьянсы. Редакціей намѣченъ рядъ конкурсовъ съ преміями.

Къ участію въ журналѣ редакціей привлечены лучшія русскія и мѣстныя силы. Въ портфель редакціи пока имѣются разказы, статьи и стихотворенія слѣдующихъ авторовъ: С. Городецкаго, Ю. Данцигера, Е. Жидкова, Ю. Дегена, С. Корона, Я. Львова, Ю. Луванова, проф. Широкогорова, Евг. Хохлова и др. Обложка работы О. ШАРЛЕМАНЯ.

Адресъ редакціи и конторы Слѣпцовская 6, тел. 6-51. Редакторъ принимаетъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 1—3 часовъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА **1918** ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ЛИТЕРАТУРНО-
ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ

Подписка принимается на срокъ не болѣе
3-хъ мѣсяцевъ.

На 1 мѣсяць	8 руб.
На 3 мѣсяца	23 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждого мѣс.

Траурныя объявленія—20 руб. до 30 стр.—послѣ 3-хъ час.
въ типографіи „Возраждение“ на 3 руб. дороже. Строка пети-
та на 1 стр.—1 руб., на 4 стр.—60 коп.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА—Тифлисъ, Дворцовая улица, № 6.
ТЕЛЕФОНЪ 12-48.

Редакторъ-издатель *З. Д. Горделадзе.*

ЗАИКАНИЕ = ДОКТОРЪ =
Л. Н. Скородумовъ

Нервные и внутр. болѣзни. Понед.
среда и пятница отъ 4 до 5½ час.
Давидовская ул., № 12.

ПСИХОТЕРАПІЯ

Содержаніе.

СТИХИ:	стр.
Сергѣй Городецкій. Цвѣтокъ магноліи.	5
” ” Дѣва	6
Левъ Скородумовъ. Макъ четырехлистый.	7
Григорій Аслановъ. Лотось Шехеразеды.	10
Сандро Корона. Синдбадь.	12
Валеріанъ Гаприндашвили. Морису Роллина	27
” ” Куаферъ	—
Нико Бараташвили. Серьга. Пер. В. Гаприндашвили.	28
” ” Не цвѣтъ земли. Пер. В. Гаприндашвили.	—
Паоло Яшвили. Коломбина. Пер. С. Городецаго.	29
Арменуи Тигранянъ. Языческое. Пер. С. Городецаго	—
Акберъ Садыковъ. Роза. Пер. С. Городецаго.	30
Григорій Робакидзе. Поэту Франціи. Пер. В. Гаприндашвили.	47
Тиціанъ Табидзе. L'art poétique Пер. Н. Бобырева	—
Паоло Яшвили. Красные быки. Пер. Т. Вечерки	48
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:	
Юрій Дегенъ. Розовые верблюжата (продолженіе).	13
Александръ Бархударьянъ. Помѣшанная.	31
Анна Антоновская. Сказка	33
СТАТЬИ:	
Г. Т. Робакидзе. Андрей Бѣлый	49
Е. С. Такайшвили. Диванъ абхазскихъ царей	62
Михаиль Хрисогоновъ. Сезаннъ или четвертое измѣреніе въ живописи	71
Д. П. Гордѣевъ. Миниатюры грузинскихъ лицевыхъ рукописей Сіонскаго Дрвлехранилища въ Тифлисъ	81
Л. М. Меликсетъ-Бековъ. Старый Тифлисъ по описаніямъ А. Негри и М. Медичи	104
Е. А. Лалаянъ. Ахтамарскій монастырь св. Креста	115
ХРОНИКА:	
А. П. Драма въ Тифлисъ	126
Торжества памяти Н. А. Римскаго-Корсакова.	129
Артистеріумъ.	129
Д. Г. Кавказскій Историко-Археологическій Институтъ	130
Д. Г. Экспедиція для эвакуаціи Анійскаго Музея древностей, бібліотеки и раскопчнаго имущества	132
Ч. Художественныя и научныя цѣнности Боржомскаго имѣнія	133
С. Марченко. О научномъ изслѣдованіи Трапезунда	134

Д. Г. Футуризм	135
Библиографія	137
Журналы.. . . .	139

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Миніатюры рукописей Сионскаго Древлехранилища въ Тифлисъ:

Фиг. 1. Каноны „Теодоровскаго Четвероевангелія“	Табл. I
Фиг. 2. Сошествіе во Адъ; изъ р-си № 648.	„ II
Фиг. 3. Начало „Повѣсти объ Авгарѣ Эдесскомъ“ изъ р-си № 484.	„ III
Фиг. 4. Увѣреніе Ѳомы; изъ р-си № 25.	„ IV
Фиг. 5. Ев. Лука; изъ р-си № 18.	„ V

Ахтамарская церковь св. Креста:

Фиг. 1. Общій видъ съ сѣверо-запада	Табл. VI
Фиг. 2. Видъ съ юга.	„ VII
Фиг. 3. Видъ восточной стѣны.	„ VIII
Фиг. 4. Деталь восточнаго фасада	„ IX
Фиг. 5. Ктиторскій портретъ царя Гагика Арцруни.	„ X
Фиг. 6. Деталь южной абсиды. Царскій балконъ	„ XI
Б. И. Рябовъ. Заставки и концовки по барельефамъ Ахтамарскаго мо- настыря.	табл. XII и стр. 48, 81, 103, 104, 114, 115, 125
Заставки.	стр. 5, 7, 10, 13, 27, 30, 31, 33, 47, 49, 62, 71
Концовки.	стр. 5, 29, 46
А. С. Петроковскій. Концовки	стр. 12, 26, 30, 61, 80
Обложка по рисунку худ. Б. И. Рябова.	

Главнѣйшія погрѣшности:

Стр.	строка сверху	напечатано	слѣдуетъ читать
70	6	Клистры	Клисуры
103	29	9 стр. 32	10 стр. 33—34

СИОНСКОЕ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ,
ТИФЛИСЪ.

Фот. Л. П. Таранушенко.

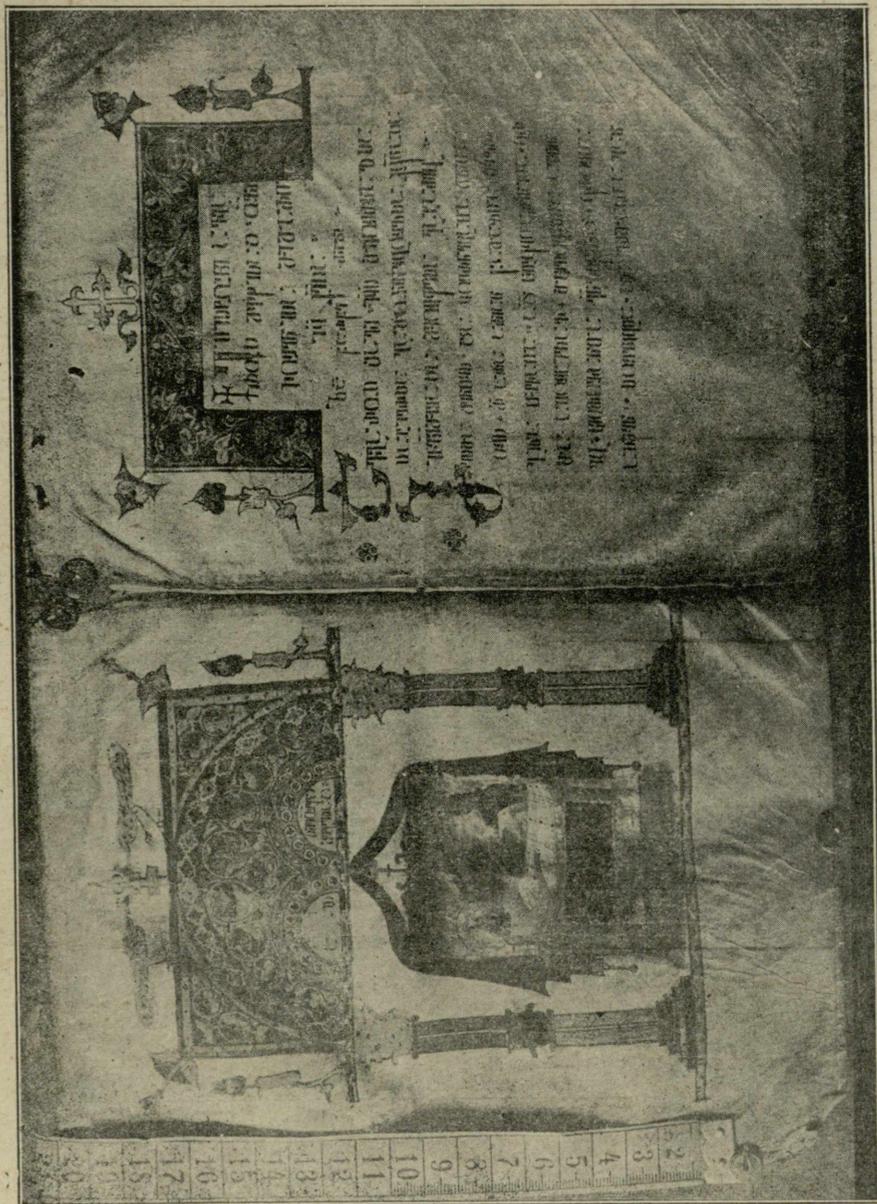
Фиг. 1. Выходной листъ евангельскихъ канонѣвъ.
(Р-сь № 98. «Теодоровское Четвероевангеліе».).

СИОНСКОЕ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ.
ТИФЛИСЬ.

Фот. Л. П. Таранушенко.

Фиг. 2. Сошествіе во Адъ.
(Р-сь № 648. «Фрагменты Евѣиміевскаго Синаксаря Захаріи Валашкертскаго».)

Фот. Л. П. Таранушенко.

Фиг. 3. Большой царь Авгаръ передаетъ слугѣ посланіе ко Христу и начало
«Повѣсти объ Авгарѣ Эдесскомъ».
(Р-сь № 484. «Алавердское Четвероєвангеліе.»).

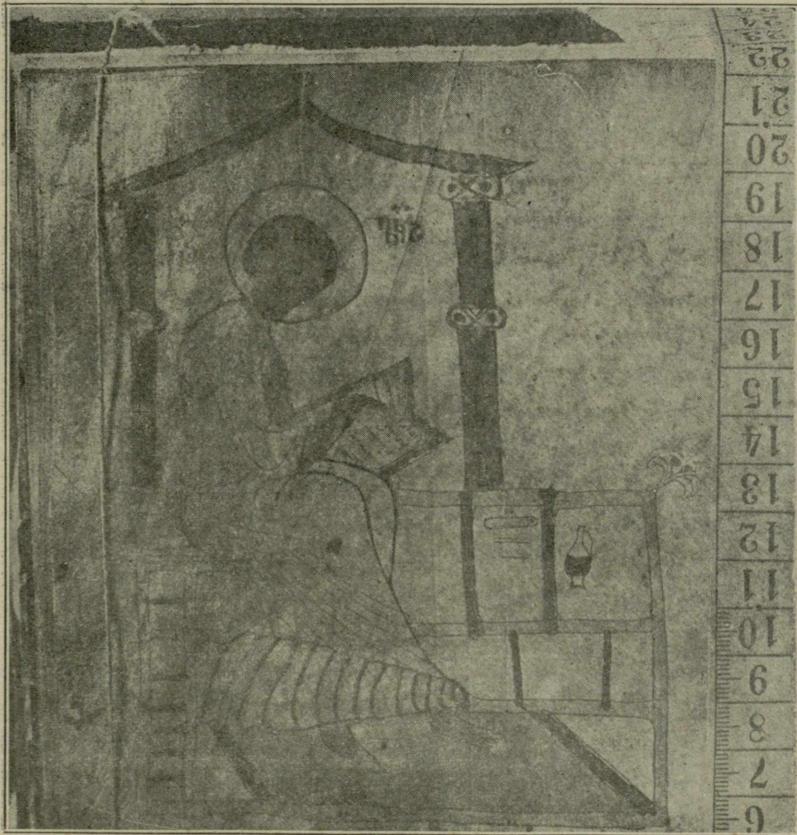
СИОНСКОЕ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ.
ТИФЛИСЬ.

Фот. Л. П. Таранушенко.

Фиг. 4. Увѣреніе Омы.
(Р-сь № 25. «Цвѣтная тріодь»).

СИОНСКОЕ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ.
ТИФЛИСЬ.

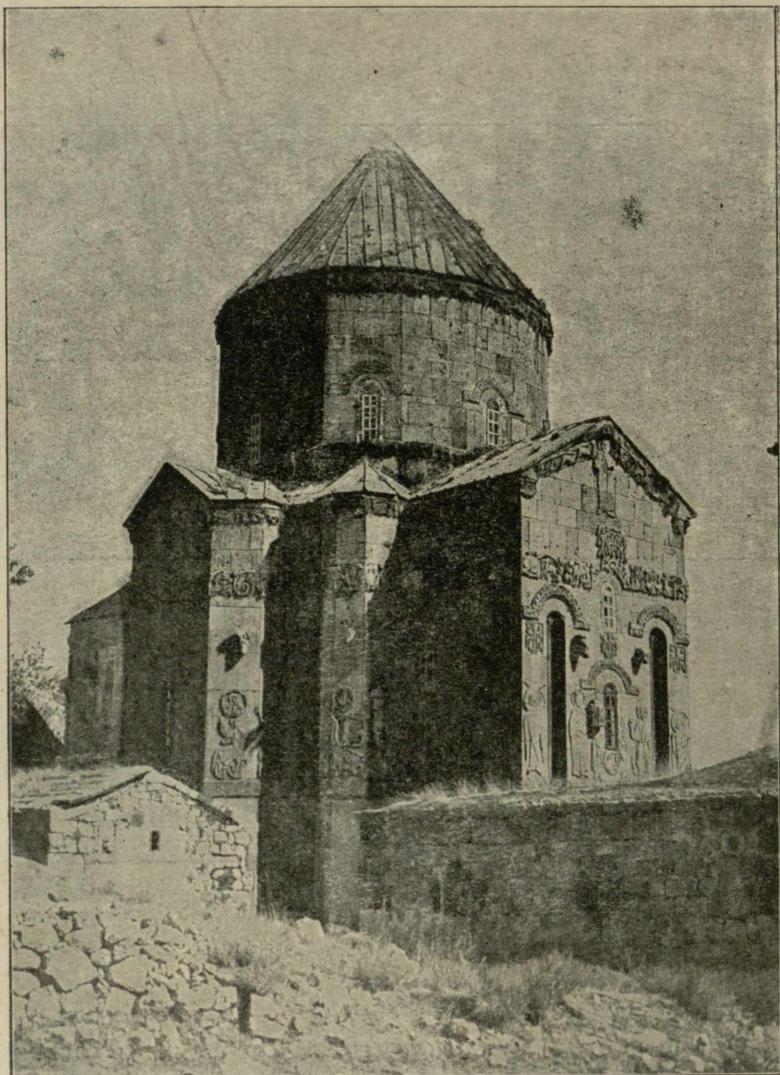

Фот. А. П. Таранушенко.

Фиг. 5, Евангелистъ Лука.
(Р-сь № 18; листь 94 об., по новой пагинаци. Евангелие.).

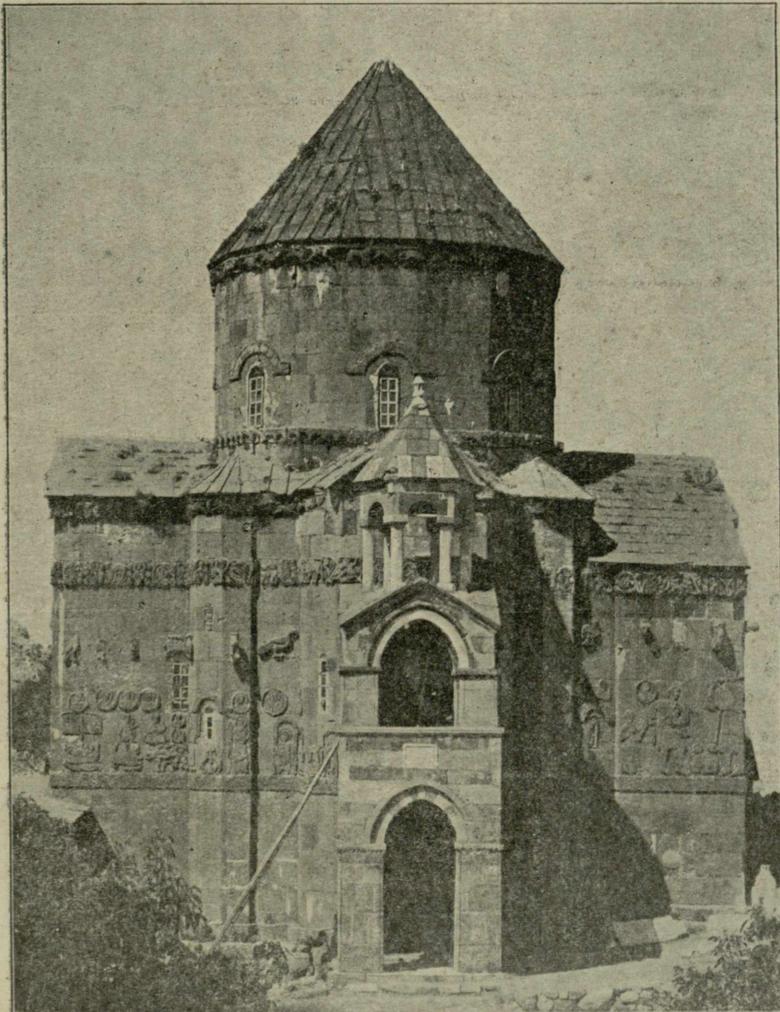

А Х Т А М А Р Ъ.

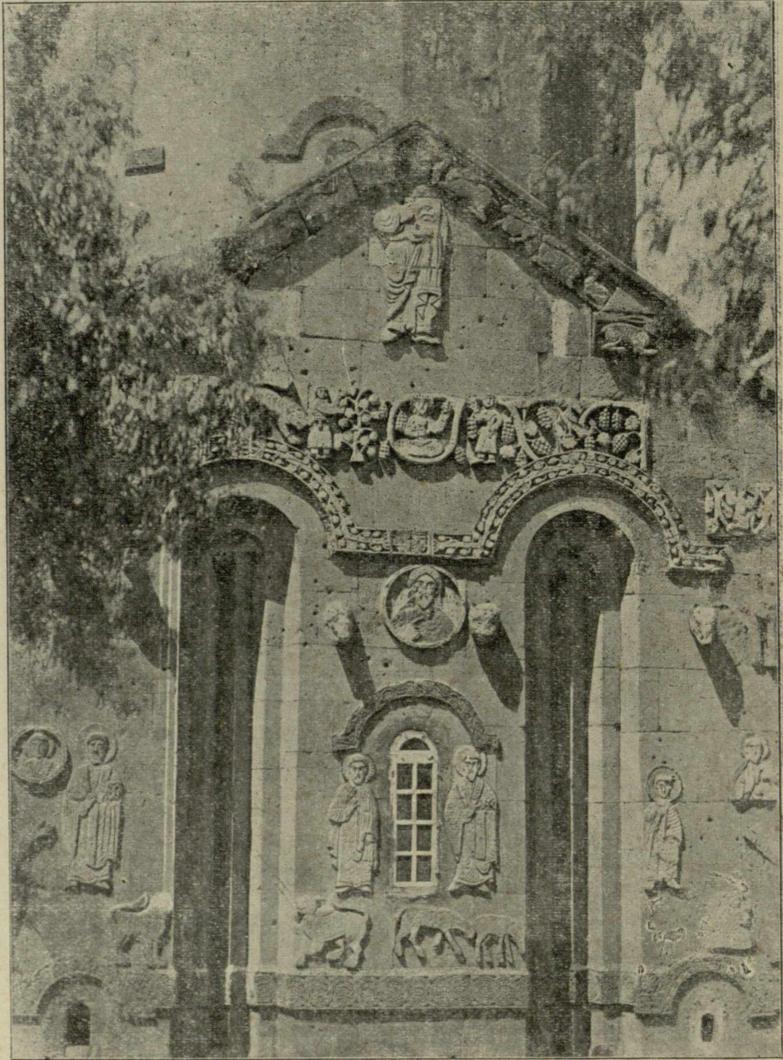
Фиг. 1. Церковь св креста.
Видъ храма съ сѣверо-запада.

АХТАМАРЪ.

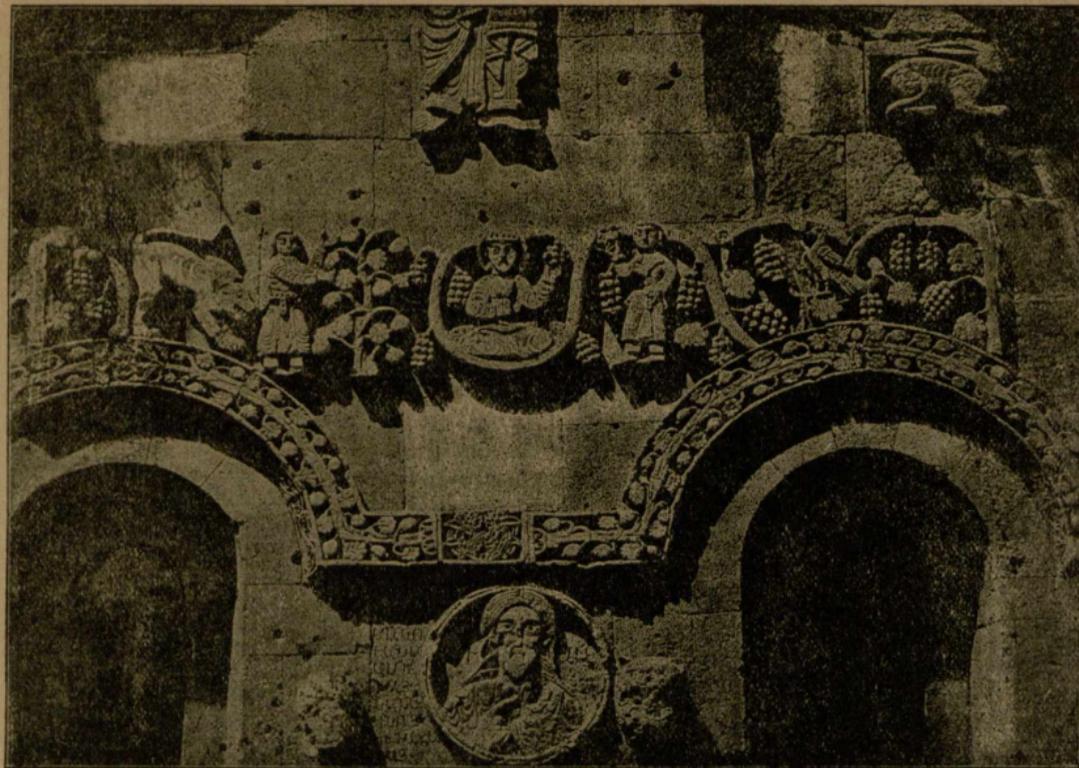

Фиг. 2. Церковь св. креста.
Видъ съ юга.

АХТАМАРЪ.

Фиг. 3. Церковь св. креста.
Видь восточной стѣны.

Фиг. 4. Церковь св. креста.
Деталь восточнаго фасада.

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՊԱՏՄԱՆՈՒԹՅԱՆ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՊԱՏՄԱՆՈՒԹՅԱՆ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ
Ե. ԼԱՆԿԱՆԻ, Ահտարսկի մ-րի ս. Կրօստ.

А Х Т А М А Р Ъ.

Фиг. 5. Церковь св. креста.
Ктиторскій портретъ царя Гагика Арцруни.

Фиг. 6. Церковь св. креста.
Деталь южной абсиды. Царскій балконъ.

АРХИТЕКТУРА
ИСКУССТВО
ИСТОРИЯ

И. Пифанскій, 1918 г. № 2—3.
Е. Каванинъ, Ахтамарскій м-ръ св. Креста.

Б. И. Рябовъ.

Рельефъ Ахтамарскаго монастыря

ежемѣсячникъ искусства и литературы

Сотрудники:

В. С. Анановъ. И. С. Айсбергъ. Анна Антоновская
Ашкевичъ-Бенуа. Григорій Аслановъ. Н. Бѣль-Конд
мирская. Александръ Бархударьянъ. Владимиръ Вой
Валеріанъ Гаприндашвили. М. А. Геворковъ. Сергѣ
децкій. Д. П. Гордѣевъ. Юрій Дегенъ. Леви Джа
Н. А. Дубровскій. К. Д. Зеленскій. Датико Кав
Л. Калантаръ. А. Н. Кальгинъ. Г. И. Кепиновъ. Н. П.
В. Д. Коргановъ. Сандро Корона. Алексѣй Крученыхъ
Кулебякинъ. Е. А. Лалаянъ. Яковъ Львовъ. А. М. Мел
Бековъ. А. С. Петроковскій. М. Е. Поповъ. Б. А. Прозо
Владимиръ Пруссакъ. Григорій Робакидзе. Б. И. Р
Акберъ Садыковъ. А. І. Саминскій. Александръ Селихан
Левъ Скородумовъ. М. Э. Сѣверовъ. Тишанъ Табидзе
Такайшвили. Егише Татевосянъ. Г. М. Теръ-Ми
Арменуи Тигранянъ. Ованесъ Туманянъ. Михаилъ Х
новъ. О. Шарлеманъ. Паоло Яшвили и другіе.

Содержаніе № 2—3:

Стихи: Сергій Городецкій—Цѣптокъ магноліи. Левъ Св
мовъ—Макъ четырехлестный. Григорій Аслановъ—Лотосъ Д
вады. Сандро Корона—Силвабадъ. Валеріанъ Гаприндаш
Куафферъ, Морису Ролляна. Нико Бараташвили—Сергѣ. А
Тигранянъ—Языческое. Акберъ Садыковъ—Роза. Паоло
ли—Красный быкъ. Тишанъ Табидзе—L'art poétique. Г
Робакидзе—Поэту Франціи. *Повѣсти и рассказы:* Ю
генъ—Розовые верблюжата. Анна Антоновская—Сказка
ксандаръ Бархударянъ—Помѣшанная. *Статьи:* Григорій
кидзе—Андрей Вѣлмъ. Михаилъ Хрисогоновъ—Сезонъ.
кайшвили—Днианъ абхазскихъ царей. А. Годаѣевъ—Мин
лидевыхъ рукописей Сіонскаго Древлехранилища въ Т
Л. Меликсетъ-Бековъ—Старый Тифлисъ. Е. Лалаянъ—А
сійскій монастырь. *Хроника:* Театръ, Музыка, Выставки, Архе
Артистеріумъ, Футуризмъ, Библиографія.

Номеръ иллюстрированъ снимками съ грузинскихъ
тюръ Сіонскаго Древлехранилища въ Тифлисъ, снимка
Ахтамарскаго храма св. креста, виньетками Б. И. Р
по рельефамъ Ахтамарскаго храма св. креста и заста
и концовками А. Петроковскаго и Б. И. Рябова.

ЦѢНА № 2—3 — 12 РУБ.

Адресъ Редакціи и Конторы Головинскій, 9.

Издательница:

А. А. Антоновская.

Редакторъ: С. М. Город

Секретарь: Сандро Корона.